

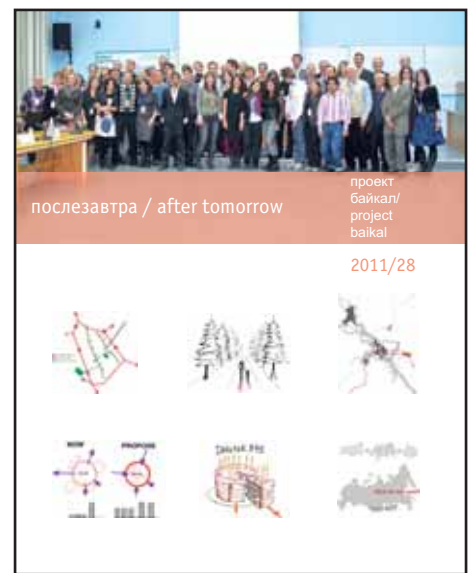
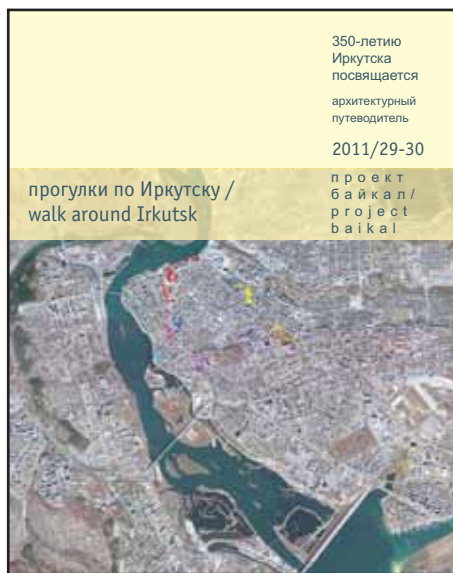
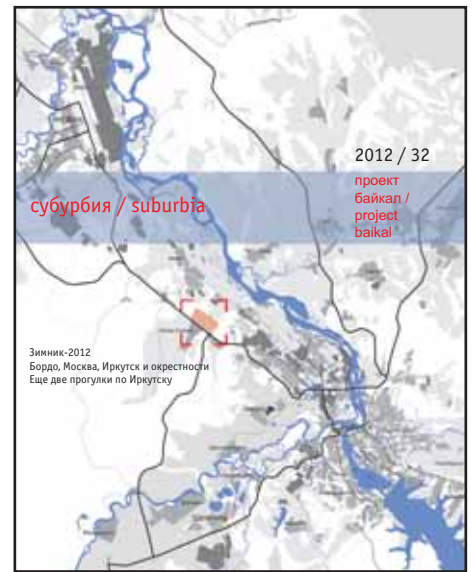
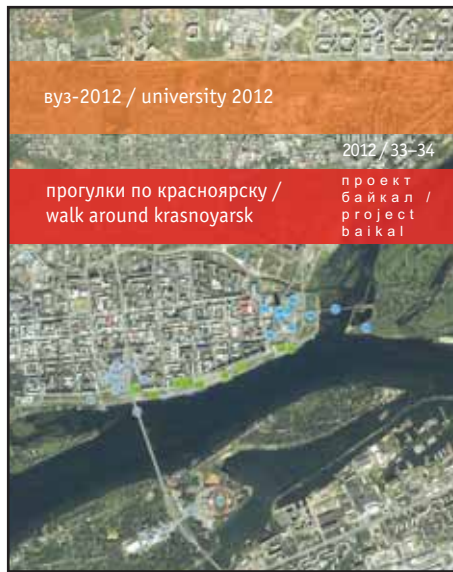
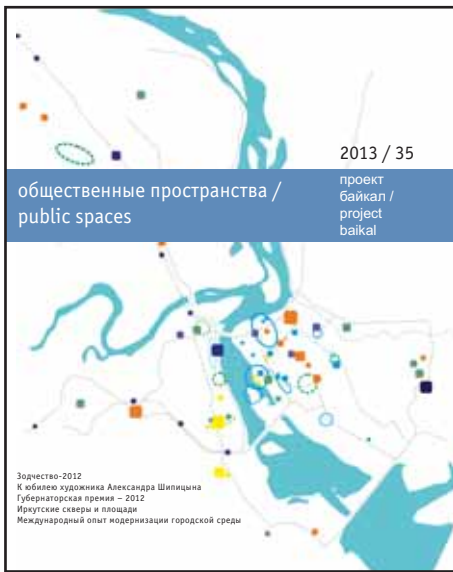
2013 / 36

заборы / fences

проект
байкал /
project
baikal

Навстречу Конгрессу МСА в Дурбане
Весенние встречи архитекторов на Байкале и в Шерегеше
Зимний университет – 2013
Александр Раппапорт об архитектурной школе будущего
Забористые времена

В 95

Номера журнала «Проект Байкал» можно приобрести по адресам:
г. Иркутск, пер. Черемховский 1а, тел. 33-28-39 (ИРО Союз архитекторов России)
г. Иркутск, ул. Бабушкина 1, тел.53-63-28 (Галерея современного искусства Le Art, арт-центр «Палитра»)
г. Иркутск, ул. К. Маркса 40, тел.667-746 (книжный бутик Lookbook, ТВЦ «Галерея Революция»)
г. Иркутск, ул. К. Маркса 20, тел. 33-42-47 (книжный магазин «Антей»)

После общественных пространств (ПБ35) самое время поговорить о заборах. Пространство и забор. Возможно, мы, члены редколлегии ПБ, страдаем агорафилией в острой форме – любовь к открытому пространству, к большому, разомкнутому миру заставила нас поговорить об этом (82). Боязнь открытого пространства – агорафобией и ее осложнением – заборофилией – болеют наши города.

Чеховская клаустрофобия, приведшая его на Сахалин, подарила некоторым сибирским городам часто цитируемые характеристики. Иркутск, в отличие от, скажем, Томска получил лестную: «Иркутск – город интеллигентный... Совсем Европа!» Но не всем иркутянам известно, что цитата эта купирована, что интеллигентность для писателя на самом деле заключалась и в отсутствии «уродливых заборов, нелепых вывесок и пустырей с надписями о том, что нельзя останавливаться».

Однако за прошедшие сто с лишним лет, как говорится, «культурный слой вырос, а культурный уровень упал».

Отчего бы это? Возвращаемся к теме образования. Александр Раппапорт открывает дискуссию о школе будущего (30).

В этом номере – события международной и сибирской архитектурной жизни (14). И много заборов, хороших и разных. Хорошие представлены коллекцией статей о заборах всех времен и народов. А с аналитикой забористых времен вы познакомитесь в материале психолога Константина Лидина (72).

Елена Григорьева

After the Public Spaces (PB 35), it is the right time to speak about fences. Space and fencing. We, the members of the editorial board, probably suffer from an acute form of agoraphilia – the love for an open space, a wide and open world made us talk about it (82). Our cities suffer from agoraphobia, a fear of open spaces, and its complication – fencophobia.

Chekhov's claustrophobia brought him to Sakhalin and gave widely cited descriptions to many Siberian cities. Irkutsk, unlike Tomsk, for example, was called "a cultured city... Almost Europe!" But not every Irkutsk citizen knows that this quotation is cut short. When using the word 'cultured', the writer meant the absence of "nasty fences, absurd advertisements and wastelands where signs prohibit stopping".

However, after 100 some odd years, "the cultural layer has grown, and the cultural level has dropped".

Why? Let's return to education. Alexander Rappaport opens discussion about a school of the future (30).

This issue comprises international and Siberian architectural events (14). And many good and different fences. Good fences are represented in the collection of articles on fences of all times and nations. The hot times of fencing are analyzed in the article by psychologist Konstantin Lidin (72).

Elena Grigoryeva

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала **проект россия** Алексею Муратову и издателю Барту Голдхоорну, **издательству А-Фонд**; Фрэнку ван дер Ховену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.10.2007.

руководитель проекта
Елена Григорьева

выпускающий редактор, корректор
Инесса Бражникова

литературный редактор
Марина Ткачева

редактор рубрики монитор
Марина Захарчук

верстка
Татьяна Анненкова

переводчик, редактор раздела «Новости МСА»
Анна Григорьева

печать
«Репроцентр А1»,
Тираж 3000 экз.
Подписано в печать 27.05.13

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов периодичность 4 раза в год

адрес редакции
г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru
www.projectbaikal.com

Золотая медаль Международной Академии Архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания»

рисунок на обложке
Леонид Воронцов

Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

36

заборы / fences

новости

Александр Клевакин

Ольга Смирнова

Ольга Смирнова

Дарья Кулеш

образование

Аркадий Калихман

Евгений Хохрин

Никита Токарев

Александр Раппапорт

Марина Захарчук

Марина Захарчук

Марина Захарчук

образование / зимник

Инесса Бражникова

Анна Ведерникова

Алексей Козьмин

Новости Международного союза архитекторов 5

Всемирный конгресс МСА – 2014 в Дурбане 9

Собрание Комиссии по профессиональной практике Международного союза архитекторов в Дурбане 14–15 марта 2013 года. 11

V Архитектурный нон-стоп в Красноярске 12

Два собрания 13

Энергия инновационного развития 14

Кадровые перестановки в Восточной Сибири 14

Новости Красноярского союза архитекторов 15

Деревья под пень 16

Белый бордюры как наследие тюрем 18

БухАрт-2013 20

Форум архитекторов-горнолыжников Сибири и Урала 24

Архитектурная магистратура в Иркутске 28

МАРШ: шаг второй 29

Архитектурная школа будущего. 30

Спортивно-рекреационный парк в Свердловском районе Иркутска 32

Благоустройство территории Верхней набережной реки Ангары в Иркутске 33

Многофункциональный общественно-деловой центр в Академгородке Иркутска 34

XIV сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета «Модернизация городской среды и формирование системы общественно-рекреационных пространств в Иркутске» 36

Международный научно-методический симпозиум. 38

Special thanks to the editor-in-chief of project russia magazine Alexei Muratov, the publisher Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage. Certificate ПИ №ФС13-0180 as of October 16, 2007

спонсоры номера

publisher and editorial director

Elena Grigoryeva

copy editor and proofreader

Inessa Brazhnikova

literary editor

Marina Tkacheva

upmaking

Tatyana Annenkova

translator, editor of the "UIA News" section

Anna Grigorieva

printed by

"Reprocenter A1"
print run 3,000
passed for printing:
27.05.13

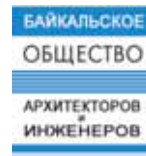
Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors quarterly publication

address

Cheremkhovsky Lane 1a
Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839
+7 3952 332840
sar@irk.ru
www.projectbaikal.com

Cover image by Leonid Vorontsov

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

Евгения Ямова

XIV сессия Зимнего университета 40
Работы команд 44
Команда А 44
Команда В 46
Команда С 48
Команда D 50
Команда Е 52

Барбара Энгель

Перспективы общественных пространств в Иркутске:
взгляды, интеграция, требования 54

Фрэнк ван дер Ховен

Перестройка современного центра Роттердама 60

заборы

Константин Лидин

Забористые времена 72

Марина Ткачева

Место встречи изменить нельзя? 78

Марина Ткачева

Кочующая идеология заборов 82

Ольга Севан

Малые формы деревянной архитектура Русского Севера:
ограды, ворота, калитки, подпорные стенки 88

Маркус Аппенцеллер

Третье состояние: значение стен и ворот в Китае 96

Анастасия Потапова

Ограждения как часть градостроительного контекста района
Блазевитц в Дрездене 104

Катя Фридрих

Ограждение общественных пространств в Рио-де-Жанейро как следствие
страха перед преступностью 110

Димитрий Малько

Японские заборы 119

объект номера

Влад Гайворонски

Дом Адриана Балари в Тимишоаре 129

ландшафт

Ольга Смирнова

Ошибки Визли 136

Ольга Собенникова

Проект развития территории рабочего поселка Листвянка на Байкале 141

	UIA News	9
	UIA 2014 Durban World Congress on Architecture	9
	UIA Professional Practice Commission's Meeting in Durban, 14-15 March 2013	11
	The V th Architectural Non-Stop in Krasnoyarsk	12
Alexander Klevakin	Two Meetings	13
	Energy of Innovative Development	14
	Management Reshuffling in Eastern Siberia	14
	News of the Krasnoyarsk Union of Architects	15
Olga Smirnova	Cutting down Trees	16
Olga Smirnova	A White Curb as Prisons' Heritage	18
Darya Kulesh	BukhArt 2013	20
	Forum of Architects-Downhill Skiers from Siberia and the Urals	24

Arkady Kalikhman	Master of Architecture Programme in Irkutsk	28
Evgeny Khokhrin	MARCH: the Second Step	29
Nikita Tokarev	The Architectural School of the Future.	30
Alexander Rappaport	Sports and Recreation Park in Sverdlovsky Neighbourhood (Irkutsk).	32
Marina Zakharchuk	Improvement of the Territory of the Upper Waterfront of the Angara River in Irkutsk	33
Marina Zakharchuk	Multifunctional Cultural and Business Complex in Akademgorodok (Irkutsk)	34
Marina Zakharchuk	The 14th session of Baikal Winter University of Urban Planning Design "Modernization of the City Environment. Formation of the System of Public and Recreational Spaces in Irkutsk".	36

Inessa Brazhnikova		
Alexei Kozmin		
Anna Vedernikova	The International Scientific and Methodological Symposium	38
Evgenia Yamova	The XIV Session of Winter University	40
	Teams' Projects	44
	Team A	44
	Team B	46
	Team C	48
	Team D	50
	Team E	52

Barbara Engel	Perspectives of public spaces in Irkutsk Visions. Alliances. Requirements	54
Frank van der Hoeven	Deconstructing Rotterdam's modern city centre	60
Konstantin Lidin	Hot Times of Fencing.	72
Marina Tkacheva	The Meeting Place Cannot be Changed?	78
Marina Tkacheva	The Round Table "Nomadic Ideology of Fences".	82
Olga Sevan	Small Forms of Wooden Architecture of the Russian North: Fences, Gates, Wicket Doors and Retaining Walls	88
Markus Appenzeller	The Third Condition the meaning of walls and gates in China	96
Anastasia Potapova	Fencing as a Part of the Urban Context of the District Blasewitz in Dresden	104

Katja Friedrich	In Rio de Janeiro public entrance areas disappeared behind railings out of fear of crime	110
Dimitri Malko	Japanese fences	119
Vlad Gaivoronschi	Adrian Bălărie House, Timișoara	129
Olga Smirnova	Wisley's Mistakes	136
Olga Sobennikova	Development Project for Workers' Settlement Listvyanka at Baikal	141

**UN HABITAT
UIA in Nairobi**

The Habitat Professionals Forum (HPF) met in Nairobi, Kenya, on 15 April 2013. HPF is chaired by Louise Cox, UIA Immediate Past President. During this meeting, HPF participants shared notes on the activities they had undertaken in working toward the goals of the HPF charter: environmental, social and economic balance; alleviating poverty and encouraging integration; heritage, culture and a sense of place; and the impact of climate change and disasters.

In addition, the UIA participated in the governing council and executive committee meetings, as well as the UN Habitat dialogue sessions that took place in Nairobi from 15 - 19 April 2013. Albert Dubler, President; Louise Cox, Immediate Past President; and Michel Barmaki, Secretary General, represented the UIA. The UIA

is also a member of the UN Habitat World Urban Campaign "I'm a city changer".

Learn more about the Habitat Professionals Forum

<http://www.unhabitat.org/content.asp?ty peid=19&catid=594&cid=6886>

INTERNATIONAL COMPETITIONS

2013 Barbara Cappochin International Prize

This edition of the prize will spotlight and promote quality architectural realisations completed between 1st July 2010 and 30 June 2013. The selection criteria are respect for the environment and the human dimension; a judicious use of materials and structures; and the functional, sustainable, and aesthetic quality of building details. Architects from around the world are invited to participate. The deadline

for registrations and submission of documents is 30 June 2013.

<http://www.uia-architectes.org/en/s-informer/concours/7428#.UVRta1pASGM>

EuZen Architecture Wins Prize for Bioclimatic School in Crete

The Greek team "EuZen architecture" led by Theodora Kyriafini and Fotini Lymperiadou were awarded first prize in the international competition to design a bioclimatic school in Voutes, Crete. The jury chose their project from among the 134 submitted for consideration.

Based on a succession of patios where natural shade and ventilation assure a comfortable temperature, the concept marries traditional building techniques from the region, such as the use of rough stone, rammed earth and timber frameworks, with modern technologies to respond to today's needs.

More information
<http://www.uia-architectes.org/en/s-informer/concours/6957#.UQh6z0pxeGM>

HYP CUP 2013 - International Student Architecture Competition

The University of Tianjin's school of architecture and the Chinese press group Urban Environment Design (UED) are launching the second edition of their international competition on urban transformation, open to students of architecture from around the world. Competitors must offer a response to the pro-

Новости Международного союза архитекторов / UIA News

**ООН ХАБИТАТ
МСА в Найроби**

Профессиональный форум «Хабитат» прошел в Найроби (Кения) 15 апреля 2013 года под председательством Луизы Кокс, экс-президента Международного союза архитекторов. Во время встречи участники форума рассказали о своей деятельности, направленной на достижение целей хартии форума «Хабитат»: поддержание экологического, социального и экономического баланса; уменьшение числа бедных и содействие интеграции; забота о наследии, и культуре и развитие «чувства места»; а также смягчение последствий изменения климата и стихийных бедствий.

Кроме того, представители МСА приняли участие во встречах Управляющего совета и Исполнительного комитета, а также посетили сессии в рамках диалога ООН-Хабитат, которые прошли в Найроби с 15 по 19 апреля 2013 года. В состав делегации МСА вошли президент Альберт Дублер, экс-президент Луиза Кокс и генеральный секретарь Мишель Бамарки. МСА также является участником Всемирной кампании развития городов ООН-Хабитат «Я меняю город».

Дополнительная информация о профессиональном форуме «Хабитат»
<http://www.unhabitat.org/content.asp?typeid=19&catid=594&cid=6886>

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНКУРСЫ
Международная премия Барбары Каппочин – 2013**

Задачей премии Барбары Каппочин является освещение и продвижение архитектурных проектов высокого

качества, реализованных в период с 1 июля 2010 года по 30 июня 2013 года. Критерии отбора включают в себя уважительное отношение к окружающей среде и человеку, разумное использование материалов и конструкций, а также функциональность, экологическую устойчивость и эстетичность деталей постройки. К участию в конкурсе приглашаются архитекторы со всего мира. Конечный срок регистрации и подачи документов – 30 июня 2013 года.

<http://www.uia-architectes.org/en/s-informer/concours/7428#.UVRta1pASGM>

Команда EuZen Architecture получила награду за проект биоклиматической школы на острове Крит

Греческая команда EuZen Architecture под руководством Теодоры

Кириафини и Фотины Лимпераду заняли первое место в международном конкурсе на проект биоклиматической школы в Вутесе (остров Крит). Жюри выбрало этот проект из 134 претендентов. Концепция проекта основана на последовательно расположенных патио, в которых комфортная температура обеспечивается благодаря естественной тени и вентиляции. Здесь местные традиционные технологии (использование грубо отесанного камня, деревянного каркаса и методов землелитного строительства) сочетаются с современными технологиями, отвечающими современным требованиям.

Дополнительная информация
<http://www.uia-architectes.org/en/s-informer/concours/6957#.UQh6z0pxeGM>

< Bioclimatic School in Crete. EuZen architecture / Проект биоклиматической школы на острове Крит. Архитекторы EuZen architecture

vocative theme The Disappearance of Architecture. The idea is to remove ourselves from the architectural object and think about the real goals architecture should achieve. Students may choose the site on which to design their proposition, whose maximum built surface cannot exceed 4 000 m². The deadline for registrations is 30 June 2013, and projects must be submitted by e-mail by 15 August 2013.

More information
<http://www.uia-architectes.org/en/participer/concours/7382#.UTShLRz05gg>

USA**AIA Honours the Menil Collection**

The Houston art gallery 'The Menil Collection', designed by architect Renzo Piano, has been selected for the 2013 American Institute of Architects Twenty-five Year Award. Recognising architectural design of enduring significance, this award is conferred on a building that has stood the test of time for 25 to 35 years as an embodiment of architectural excellence. The Menil Collection was the first structure realised by Piano in the United States, and immediately propelled him to the forefront as a master in museum design.

More information
<http://www.aia.org/press/releases/AIAB097297>
<http://www.menil.org>

REGION I**Energy Efficiency of Historic Buildings in Europe**

The topic "Energy efficiency of historic buildings" is one of the top priorities in European Cultural Heritage Research agenda. The new Energy Efficiency Directive has been voted in September in the EU Parliament and will be implemented in the member States from 2013 on. The European Standardization Committee CEN/TC 346/WG 8 "Energy efficiency of historic buildings" has established a liaison with UIA as an International cultural and professional organization dedicated to a.o. the conservation of cultural heritage and will cooperate with the Workprogram Heritage region 1 in order to provide a positive contribution to the standardization activity and the dissemination of information on its work programme and adopted deliverables. Sara Van Rompaey (Belgian member of

UIA WP Heritage Region I) has been successfully nominated to represent all European part of UIA (Region I & II) in the CEN/TC 346/WG8. The CEN 346 Committee is chaired by Vasco Fassina, superintendent for historical and cultural heritage in the Veneto region.

The members of this work programme met in Paris on 23 February 2013, in the offices of the national council of the Order of French Architects.

Contact: Nina Nedelykov, UIA Council member, UIA work programme director
mail@nedelykov-moreira.de

EUROPA NOSTRA**The 7 Most Endangered Sites**

Europa Nostra has launched its flagship programme the 7 most endangered sites and buildings. It will identify the most vulnerable or threatened buildings and sites and mobilize

Международный студенческий архитектурный конкурс HYP CUP 2013

Архитектурная школа Тяньцзиньского университета и китайская пресс-группа проектирования городской среды объявляют об открытии второго международного конкурса городского преобразования, в котором могут принять участие студенты архитектурных факультетов со всего мира. Участники должны разработать проект на провокационную тему «Исчезновение архитектуры», взглянуть со стороны на архитектурный объект и задуматься над реальными целями, которые стоят перед архитектурой. Студенты могут самостоятельно выбрать участок, площадь которого не должна превышать

4 тыс. кв. м. Конечный срок подачи заявок – 30 июня 2013 года. Проекты высылаются по электронной почте до 15 августа 2013 года.

Дополнительная информация
<http://www.uia-architectes.org/en/participer/concours/7382#.UTShLRz05gg>

США**«Коллекция Менила» удостоилась награды АИА**

Картинная галерея города Хьюстона «Коллекция Менила», построенная по проекту архитектора Ренцо Пиано, стала лауреатом 25-й ежегодной награды Американского института архитекторов. Эта награда присуждается зданиям, которые прошли испы-

тание временем, воплощая в себе архитектуру высокого качества в течение 25–35 лет. «Коллекция Менила» была первым проектом Ренцо Пиано, реализованным на территории США, после которого талант архитектора в деле создания музеев получил широкое признание.

Дополнительная информация
<http://www.aia.org/press/releases/AIAB097297>
<http://www.menil.org>

РЕГИОН I**Энергоэффективность исторических зданий в Европе**

Энергоэффективность исторических зданий – одно из приоритетных направлений исследования культурного наследия в Европе. В сентябре 2012 года Парламент Евросоюза утвердил новую директиву эффективного использования энергии, которая будет осуществляться в странах – членах ЕС с 2013 года. Европейский комитет по стандартизации в рамках программы энергоэффективности исторических зданий CEN/TC 346/WG 8 установил связь с МСА как с международной культурной и профессиональной организацией, занимающейся сохранением культурного наследия, и договорился о сотрудничестве с Рабочей программой по наследию Региона I, чтобы обеспечить позитивный вклад в дело стандартизации и распространения информации по данной рабочей программе и результатам выполненной работы. Сара Ван Ромпэй (бельгийский член Рабочей программы по наследию Региона I МСА) была выбрана представителем всей европейской части МСА

v The Menil Collection' designed by architect Renzo Piano / «Коллекция Менила» по проекту архитектора Ренцо Пиано

public and private partners on a local, national and European level to find a sustainable future for those sites.

Nominations for the 7 most endangered sites will be made by the Europa Nostra member organisations and associated institutions, or by its national delegations. The complete list of these organisations is available on the Europa Nostra website. The deadline for submitting nominations is 15 March 2013, and the first list of the 7 most endangered sites will be announced on 16 June 2013 in Athens, at the congress marking the 50th anniversary of Europa Nostra's creation.

More information
<http://www.europanostra.org/7-most-endangered/>

ITALY
Venice Architecture Biennale 2014: Back to Basics

Appointed director for the next Venice architecture biennial last November, Rem Koolhaas has revealed its theme: Fundamentals. The biennial will be dedicated more to architecture than to architects, and will focus on its history and evolution around the world over the last 100 years. This edition of the biennial will open on 7 June 2014, and will run until 26 November.

More information
<http://www.labiennale.org/en/architecture/>

REGION II
TURKEY
Antalya International Architecture Biennial
 This second edition of the biennial will take place from 7 September to 7 October 2013, in Antalya, Turkey. It is organised by the Turkish

Chamber of Architects and its Antalya branch on the theme: Template. A series of exhibitions are organised during the biennial including two designed in collaboration with the Union of Mediterranean Architects (UMAR), the first on traditional Mediterranean architecture, and the second on contemporary Mediterranean architecture. Eminent professionals including architect Alvaro Siza and sociologist David Harvey will participate in a forum during the congress. Activities for architecture students are also planned.

Learn more about the biennial (page in English)
http://www.iaba.com.tr/html.asp?html=iaba_en

SERBIA
Conference on Balkan Architecture
 The Serbian Union of Architects and the faculty

of architecture at Belgrade University are organising a conference dedicated to architecture in the Balkans on 25 April 2013, in Belgrade. Attendees will discuss concept and context in modern Balkan architecture. The conference is part of Belgrade's international architecture week events (18-30 April 2013), which will also include the next meeting of presidents from UIA Region II member sections (26-27 April 2013).

To learn more:
<http://www.uia-architectes.org>

(Регионов I и II) в рамках программы CEN/TC 346/WG8. Комитет CEN 346 возглавляет Васко Фассина, руководитель сектора исторического и культурного наследия региона Венето.

Встреча членов Рабочей программы состоялась 23 февраля 2013 года в офисе Национального совета Ордена французских архитекторов.

Контактное лицо – Нина Неделиков, член Совета МСА, директор Рабочей программы МСА.
mail@nedelykov-moreira.de

EUROPA NOSTRA
Семь главных памятников, которым грозит уничтожение

Europa Nostra («Наша Европа») начала свою главную программу по спасению семи главных памятников, которым грозит уничтожение. Программа направлена на определение самых уязвимых, находящихся

под угрозой зданий и мест и мобилизацию общественности и частных партнеров на местном, национальном и европейском уровне, чтобы обеспечить этим объектам надежное будущее.

Определением семи главных памятников будут заниматься организационные члены Europa Nostra или ее национальные делегации. Полный список этих организаций представлен на веб-сайте Europa Nostra. Конечный срок подачи заявок – 15 марта 2013 года. Первый список из семи главных

памятников, которым грозит уничтожение, будет объявлен 16 июня 2013 года в Афинах на Конгрессе, посвященном пятидесятилетию организации Europa Nostra.

Дополнительная информация
<http://www.europanostra.org/7-most-endangered/>

ИТАЛИЯ
Венецианская архитектурная биеннале – 2014: назад к основам

В ноябре 2012 года Рем Коолхаас был назначен директором следующей Венецианской архитектурной биеннале. Тема биеннале – «Основы» – будет главным образом посвящена не архитекторам, а архитектуре, ее всемирной истории и эволюции за последние 100 лет. Биеннале будет открыта 7 июня 2014 года и продлится до 26 ноября 2014 года.

Дополнительная информация
<http://www.labiennale.org/en/architecture/>

РЕГИОН II
ТУРЦИЯ
Международная архитектурная биеннале в Анталии

Вторая архитектурная биеннале, посвященная теме «Образец», будет проходить с 7 сентября по 7 октября 2013 года в Анталии (Турция). Организаторами ее выступят

Турецкая палата архитекторов и ее отделение в Анталии. В рамках биен-

нале организована серия выставок, в их числе – две экспозиции, созданные совместно с Союзом архитекторов Средиземноморья и посвященные традиционной и современной средиземноморской архитектуре. В форуме примут участие такие знаменитости, как архитектор Альваро Сиза и социолог Дэвид Харви. На биеннале запланированы также мероприятия для студентов архитектурных факультетов.

Дополнительная информация о биеннале (на английском языке)
http://www.iaba.com.tr/html.asp?html=iaba_en

СЕРБИЯ
Конференция по балканской архитектуре

Союз архитекторов Сербии и архитектурный факультет Белградского университета организовали конферен-

цию, посвященную архитектуре Балкан, которая состоится в Белграде 25 апреля 2013 года. Участники конференции обсудят современное состояние архитектуры балканских стран. Конференция является частью международной архитектурной недели в Белграде (18–30 апреля 2013 года), во время которой также пройдет встреча президентов секций-членов Региона II МСА (26–27 апреля 2013 года).

Дополнительная информация
<http://www.uia-architectes.org>

The 25th International Union of Architects World Congress will be held at the International Convention Centre in Durban, South Africa, from 3-7 August 2014, followed by the XXVI UIA General Assembly (8-10 August 2014). This dynamic, cosmopolitan location, the home of Africa's best managed, busiest port, will be the backdrop to a global architectural event centred on the theme 'Architecture Otherwhere' – looking elsewhere for other ways of creating a better future, other ways of professional engagement and other ways of teaching and practice. The congress aims to reinforce the idea that different lifestyles, beliefs, ways of thin-

king, ways of doing and ways of inhabiting the city may coexist and positively inform each other. The diverse and multi-layered nature of the city will guide the UIA 2014 congress as a living laboratory of OTHERwhere – celebrated as an antidote to the sameness of globalization. UIA 2014 will explore space, place and associated meaning, acknowledging architecture as a major force that may be harnessed towards a better life for all.

In exploring OTHERways of 'knowing' and 'doing', unlocking the multiple voices of Architecture, 2014 will demonstrate that Architecture is as much spatial and formal as it is political, ideological, eco-

nomical and theoretical.

Hosted by the South African Institute of Architects, the event is a unique and highly relevant opportunity for South Africa to showcase the development of its built environment in the twenty years since democracy, and for the architectural profession around the world to engage in matters of mutual interest.

Architects, engineers, designers, technologists, planners, thinkers and writers from all over the world will gather, with the public, for a week of lively and challenging talks, workshops, events and happenings.

UIA 2014 Durban World Congress on Architecture / Всемирный конгресс МСА – 2014 в Дурбане

XXV Всемирный конгресс Международного союза архитекторов пройдет с 3–7 августа 2014 года в Международном конференц-центре в Дурбане (Южная Африка). Следом пройдет XXVI Генеральная ассамблея МСА (8–10 августа 2014 года). В этом динамичном многонациональном городе, самом развитом порту Африки, состоится мировое архитектурное событие на тему Architecture Otherwhere, которая подразумевает другой взгляд на архитектуру, поиск новых путей для создания лучшего будущего, развития профессиональной деятельности, преподавания и практики. Конгресс поддерживает идею о том, что разные стили жизни, верования, образы мыслей и действий, а также разные способы жизнеустройства в городе могут сосуществовать и позитивно влиять друг на друга. Многогранный характер города послужит для конгресса МСА живой лабораторией, где будет разработано противоядие однообразию глобализации. На конгрессе будет изучаться пространство, место и соответствующее им значение, принимая во внимание роль архитектуры как главной силы, способной создать для людей лучшую жизнь.

Изучая новые способы познания и действия, раскрывая многочисленные возможности архитектуры, участники конгресса собираются продемонстрировать, что характер архитектуры в той же степени пространственный и формальный, что и политический, идеологический, экономический и теоретический.

Принимающей стороной конгресса выступает Южноафриканский инсти-

тут архитекторов. Данное событие дает уникальную возможность Южной Африке показать развитие местной архитектуры и строительства спустя 20 лет с момента прихода демократии и обсудить с архитекторами из разных стран мира вопросы, представляющие взаимный интерес.

Важно отметить, что русский язык признан одним из четырех официальных языков МСА, поэтому многие лекции и круглые столы конгресса будут иметь синхронный перевод на русский.

Хасан Асмаль, президент организационного комитета Конгресса МСА – 2014, в своем приветственном послании отметил: «Мы, те, кто влияет на жизнь множества людей, должны внести свой вклад в понимание и разработку курса продвижения вперед в этом меняющемся мире. Обсуждения уже ведутся, и конгресс в Дурбане должен стать важнейшей вехой в этом процессе. Мы будем рады максимально широкому взаимодействию и надемся, что благодаря вашему активному участию сможем добиться хороших результатов».

Были разработаны три подтемы, через призму которых можно будет изучить актуальные проблемы архитектуры и развития городов.

С точки зрения **экологии** признается значительная роль архитектора в большой взаимосвязанной и системной сети и перспективный подход к проектированию зданий. Эволюция органически связана с концепцией времени, имеет дело с процессами архитектурного производства, в которых задействованы отношения между человеком и местом, а город пред-

architecture
OTHERWHERE
durban
2014

ставляется в виде экосистемы, где различные системы могут функционировать сбалансированно.

Способность к восстановлению изучается посредством жизненных стратегий, выработанных сообществом, оперативных мер по снижению уровня бедности, а также важной роли руководства в перестройке странственной системы в интересах каждого.

В подтеме **«Ценности»** исследуются современный подход к архитектурной практике и обучению, новые методы и технологии профессиональной занятости, профессиональные ценности. Предполагается рассмотреть вопросы о новых ценностях и новом отношении к планете.

По словам Амиры Осман, основного докладчика, «Конгресс МСА – 2014 в Дурбане будет всеобъемлющим мероприятием, которое соберет вместе архитекторов и представителей смежных профессий со всего мира, чтобы обсудить общие проблемы и интересы. Конгресс станет «исследовательской платформой», где делегаты смогут принять активное участие в разработке тем и в том процессе, который составит неотъемлемую часть достояния МСА-2014».

В это решающее время, когда про-

One of the four official languages of the UIA is Russian. Thus, many lectures and round tables of the Congress will be accompanied by simultaneous translation into Russian.

Hassan Asmal, President of the UIA 2014 Durban Organisation Committee, noted in his welcome message, "We, who impact on the lives of so many, need to make our contribution in understanding and charting the way forward in a changing world. The debate has started, and Durban needs to be an important milestone in this process. We look forward to engaging with you in the broadest possible manner, and anticipate your

contribution in making this journey a special one."

Three sub-themes have been developed as lenses through which pressing issues around architecture and cities can be explored.

ECOLOGY acknowledges the role of the architect in a bigger, interlinked and systemic network, with a longer term view to the design of the built environment. Evolution is intrinsically linked to the concept of time as it considers processes of architectural production which recognise the relationships between people and place; and understand the city as an ecosystem in which systems can function

in relative states of balance.

RESILIENCE is investigated through life strategies developed by communities; critical interventions that contribute to poverty alleviation; and the important role of leadership in re-configuring the spatial economy to the benefit of all.

VALUES aims to study the current approach to architectural practice and teaching; re-assess professional values; and investigate other methods and techniques of professional engagement. The intention is to explore new values and a new relationship to the planet, with humility and a sense of respect through diversity.

цесс урбанизации достиг небывалых размеров, Конгресс МСА-2014 станет ключевым событием, которое будет способствовать совершенствованию системы капиталовложений в города, современную инфраструктуру и архитектуру. Кроме того, на конгрессе специалисты-теоретики, практики, студенты и руководители смогут обменяться своими знаниями. Наконец, как все главные мировые события

такого рода, конгресс повлечет за собой изменения, даст возможность двигаться быстрее, определять приоритеты, раскрывая важнейшие вопросы в сфере строительства и архитектуры.

«Это редкая возможность расширить понимание истинной ценности проектирования и прочно закрепить позиции архитектуры в обществе», – говорит Карен Эйкер, генеральный

уполномоченный Конгресса МСА – 2014. – Конгресс может стать платформой для передовых идей и изменений, здесь мы можем объединить наши усилия, чтобы создать для людей лучшую среду обитания».

Дополнительная информация
www.uia2014durban.org

Says Amira Osman, General Reporter, "UIA 2014 Durban is being conceived as a truly inclusive event that will bring together architects and related professions from around the world to debate their common concerns and interests. The congress itself is being treated as a 'research' platform, and the intention is for delegates to actively contribute to the development of the themes at the congress, in a process that will form an integral part of the legacy of UIA 2014."

At this critical time of unprecedented urbanisation, the UIA 2014 Congress provides a milestone at which the investment in cities, infrastructure and archi-

tecture to date can be promoted and interrogated; and it offers a major opportunity, moving forward, for peer-to-peer knowledge sharing between thinkers, decision makers, practitioners and students. And, as with all major global events of this nature, the Congress – build up, event and legacy – will provide a catalyst and an opportunity to fast track, expose and prioritise critical built environment issues.

"This is a rare opportunity to broaden awareness of the intrinsic value of design in the built environment, and to situate architecture firmly within the public realm," says Karen Eicker, UIA 2014's

Commissary General. "The UIA 2014 Durban World Congress has the potential to become a platform for thought leadership and change, where we can harness our energies to envision a better living environment for all."

For more information on the UIA 2014 Durban World Congress, visit www.uia2014durban.org

Собрание Комиссии по профессиональной практике Международного союза архитекторов в Дурбане 14–15 марта 2013 года

Второе собрание КПП МСА за текущий трехлетний период состоялось в Дурбане (ЮАР) 15 и 16 марта. На собрании присутствовали Президент Альберт Дюблер, Генеральный секретарь Мишель Бамарки, финансовый управляющий Патрисия Эмет и вице-президент Томас Вонье, 29 членов комиссии из 19 стран и представители принимающей стороны (Южноафриканский институт архитекторов и Комитет по организации Конгресса в Дурбане в 2014 г.).

Во время встречи были определены направления дальнейшего развития и утверждены руководство и редакционные комиссии для тех программ, где это было необходимо, обсуждены стратегии КПП в подготовке к Конгрессу-2014, включая презентации, образовательные мероприятия и другие предложения. По двум пунктам – «Архитектурный гонорар» и «Качество архитектуры» была закончена оценка текущего Соглашения и были задействованы рабочие группы для подготовки рекомендаций или практических комментариев.

Рабочая группа «Качество архитектуры» Влада Гайворонски (Румыния) в

прошлом году на Собрании КПП МСА разработала возможную систему построения качества, основанную на семи столпах: экологии, экономике, безопасности и здоровье, качестве процесса, функции и комфорте, социально-городском и культурно-художественном качестве. Группа разработала устройство этой системы, принимая во внимание тот факт, что такие сертификационные системы, как LEED, BREEAM, CASBEE и т.д. имеют односторонний характер, их критерии направлены только на те параметры качества, которые поддаются измерению. В этом году на Собрании КПП в Дурбане рабочая группа продолжила дебаты в пользу более целостной системы качества.

Мотивом данной работы послужила необходимость определить критерии целостного устойчивого проектирования, разработать систему оценки хорошего исполнения и выявить значительный вклад в устойчивое развитие и высокое архитектурное качество. У рабочей группы не было намерения разработать другую сертификационную систему, поскольку МСА не может быть конкурентом в данном

вопросе. Но есть возможность выработать практические средства для сертификационных систем третьего поколения, а также модели, которые пригодились бы для жюри конкурсов, для учреждений, создающих законы, связанные с качеством строительства в разных странах и т.д.

Состоялись обсуждения по следующим темам: Системы осуществления проектов/ альтернативное осуществление проектов, Общие стандарты практики, Аутсорсинг, Профессиональная честь и плагиат.

Были рассмотрены два примера из практики: один пример из Канады (отчет по Канадской регистрационной системе BEFA для иностранных архитекторов с широким опытом проектирования), касающийся мобильности архитекторов, а второй – из Бразилии, где недавно назначили национальную регулируемую организацию. Федерация Институтов Корейских Архитекторов предложила создать отчет (базу данных) переговоров по Соглашению о свободной торговле и Соглашению о взаимном признании. КПП включила этот вопрос в работу группы экспертов.

фото
Влад Гайворонски

V Архитектурный нон-стоп в Красноярске

^ Выступают
Ольга Смирнова,
Ирина Крылова,
Дмитрий Кобец,
> Андрей Лябчук

24 января 2013 года в рамках традиционной Красноярской строительной ярмарки состоялся V Архитектурный нон-стоп. В отличие от предыдущих, он был тематическим. Тема звучала так: «Архитектор-гражданин». Впервые нон-стоп был рассчитан не только на профессионалов и студентов-архитекторов, но и на жителей города. И действительно, количество зрителей заметно увеличилось. Неизменный ведущий нон-стопа архитектор Евгений Зыков пригласил соведущего – журналиста Илью Лабунского, который задавал выступающим неожиданные для них вопросы, какие бы не догадался задать архитектору.

В нон-стопе приняли участие красноярские архитекторы Сергей Бальцер, рассказавший о выполне-

нии совершенно некоммерческого проекта стадиона, Ольга Смирнова, показавшая примеры гораздо более активного участия архитекторов в жизни жителей города и края, чем просто проектирование, Ирина Крылова, продемонстрировавшая проект города своей мечты, Дмитрий Кобец, ищущий образ исторического жилья в современном, Андрей Лябчук, рассказавший, как в рамках очень ограниченных денежных средств архитекторы попытались создать комфортную жилую среду в одном из поселков Красноярского края.

Кроме красноярцев впервые в нон-стопе участвовал иногородний архитектор – иркутянин Игорь Козак, рассказавший о проектах жилья в Иркутске и на Сахалине.

v Игорь Козак,
Сергей Бальцер,
Евгений Зыков

Два собрания

С начала нового тысячелетия Новосибирск, Томск раньше, а Иркутск позже делают отдельно друг от друга попытки самоопределения в новых условиях. Эти попытки связаны с необходимостью выхода на международный рынок. Попытки эти безуспешны. Среди долгосрочных программ главному достоянию сибирских городов – традиционному жилищу и объектам конструктивизма, архитектурному образованию – не находится места. Шаг в будущее не возможен без осознания собственного прошлого. Вот почему помощь привлекаемых внешних экспертов (в том числе и зарубежных) не может изменить ситуацию в лучшую сторону. Урбанизм остается лишь на устах.

7 февраля в Новосибирске в рамках строительной и интерьерной выставки «Строй-Сиб-2013» состоялся семинар «Модели работы с культурным наследием: опыт городов». Двумя неделями позже в Иркутске закрылась очередная сессия Зимнего градостроительного университета. Участие автора в работе этих двух собраний послужило основанием для написания настоящих строк.

Состав участников новосибирского семинара определился представителями проектных фирм, высшей архитектурной школы и академической науки. Помимо Новосибирска, были представлены Пермь, Иркутск, Томск. Было обращено внимание на несогласованность сложившейся системы подготовки кафедр высшей школы и требований, которые предъявляются работодателями. В выступлениях отмечалось, что архитектурная профессия теряет общественную значи-

мость, указывалось на необходимость налаживания практики обмена преподавателями кафедр сибирских вузов с зарубежными. Организация учебной и производственной практики студентов кафедры архитектуры и реконструкции городской среды НГАСУ разворачивается на базе Института археологии и этнографии СО РАН, Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области. Кафедра реставрации и реконструкции архитектурного наследия ТГАСУ сегодня реализует программу воспитания реставраторов. Этот опыт заслуживает распространения. Высказано понимание того, что в условиях ограниченности ресурсов необходимо консолидировать усилия и наработанный опыт (рис. 1–4).

Главным итогом работы зимней сессии в Иркутске стало осознание того, что участие властей в работе форума сугубо формально: слишком много усилий затрачивается со стороны инициаторов сессии, и предельно пассивно определяют себя в проводимой дискуссии чиновники города. Представители районных администраций, на территории которых был развернут очередной проектный эксперимент по общественному пространству, вообще никак себя не обозначили.

В обоих собраниях – новосибирском и иркутском – отсутствовала конструктивная позиция тех, кто принимает решения, кто призван нести ответственность за нынешнее и будущее состояние городов и подготовку кадров высшей архитектурной школы. Разговор между начитанными и очень

умными в очередной раз завершился резолюциями, которые, как показывает практика, никто не принимает во внимание.

Александр Клевакин

Тема общественных пространств продолжает привлекать внимание не только профессионалов, но и руководителей городов. На прошедшем в конце мая в Томске XV инновационном форуме INNOVUS в числе многочисленных дискуссий по главной теме – энергии и инновациям, состоялась панельная дискуссия «Город для новых индустрий», модератором которого был генеральный директор Агентства развития города Томска Сергей Градировский, а ключевыми спикерами – мэр Томска Николай Николаичук, мэр ЗАТО Северск Григорий Шамин, глава компании

Renaissance Urbaine Николя Бушо из Франции, руководитель Сибирской лаборатории урбанистики Алексей Козьмин, вице-президент Союза архитекторов России Елена Григорьева и Владислав Шулаев, директор по продвижению территорий Коммуникационного агентства АГТ. Спикеры обсуждали вопросы влияния агломерационных процессов и качества среды на конкурентность городов в борьбе за человеческий капитал.

С форумом INNOVUS совпали дни празднования 135-летия старейшего в Сибири вуза – Томского государственного университета. В рамках юбилей-

ных торжеств прошел цикл открытых публичных лекций, традиция которых восходит к самым первым годам существования университета. В этом году для чтения лекций были приглашены лауреат Нобелевской премии по химии Ден Шехтман, космонавт Сергей Крикалев, профессора из Мюнхена, Лондона и Саутгемптона. С лекцией о модернизации общественных пространств в зарубежных и российских исторических городах выступила Елена Григорьева, а Никола Бушо рассказал о новых смыслах общественных пространств в эпоху гаджетов.

Кадровые перестановки в Восточной Сибири

Иркутск, 23 января
Инна Кондратьева временно возглавила градостроительный комитет Иркутска

Временно исполняющей обязанности заместителя мэра – председателя комитета по градостроительной политике администрации Иркутска назначена Инна Кондратьева. До своего назначения Инна Кондратьева работала главным архитектором Иркутска и занимала пост начальника управления архитектуры и градостроительства комитета по градостроительной политике администрации Иркутска.

По сообщению пресс-службы администрации Иркутска

Красноярск, 10 апреля
Иркутянин Андрей Макаров стал главным архитектором Красноярска

Главным архитектором Красноярска стал выпускник ИРГТУ Андрей Макаров. Мэрия Красноярска впервые выбрала главного архитектора города по результатам открытого конкурса. «Из семи кандидатов конкурса был отобран человек, который наиболее подходит на существующем этапе градостроительному развитию Красноярска. Город стоит на пороге разработки нового генерального плана. Необходимо упорядочить процесс застройки, нужен новый взгляд на разработку проектов планировки новых территорий», – говорится в сообщении мэрии Красноярска.

Андрей Макаров окончил Иркутский политехнический институт

по специальности «архитектура». До 1999 года работал главным архитектором проектов в ОАО «Иркутскгражданпроект». Под его руководством выполнено большое количество проектов жилых домов Иркутска, общественных зданий и спортивных сооружений. С 1999 по 2010 год занимал должность генерального директора Иркутскгражданпроекта.

В частности, Андрей Макаров спроектировал общежитие артистов цирка, детский дом и дом ребенка в микрорайоне Юбилейном, сделал реконструкцию спорткомплекса «Динамо» и проект планировки микрорайона Лисиха в Иркутске. Реализовал проект регенерации исторической застройки квартала № 130 в Иркутске, участвовал в разработке генеральных планов Иркутска и Читы. Работал архитектором в творческих коллективах, выполняющих крупные проекты федерального значения, такие как восстановление города Грозного в Чеченской республике, градостроительное обоснование аэропорта «Иркутск-Новый», проект планировки особой экономической зоны на Байкале, градостроительная документация в регионах Сибири и Кавказа.

Многие проекты Андрея Макарова отмечены наградами и премиями на международных и всероссийских конкурсах. Самая высокая – профессиональная премия в области архитектуры «Хрустальный Дедал» (Москва, 2010).

С 2010 года Андрей Макаров работал генеральным директором ООО «Забайкальский институт территори-

ального планирования», он президент коллегии СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров».

**По сообщению
пресс-службы НИ ИРГТУ
По материалам Телеинформа**

Улан-Удэ, 8 мая
В Улан-Удэ назначили нового главного архитектора

Исполняющим обязанности начальника Управления архитектуры и градостроительства администрации Улан-Удэ назначен Александр Маренич. Как сообщила пресс-служба мэрии города, распоряжение вступило в силу 29 апреля.

Александр Маренич родился 7 февраля 1978 года в поселке Магистральный Казачинско-Ленского района Иркутской области. В 2001 году окончил Иркутский государственный технический университет по специальности «архитектура». В 2001–2003 годах занимал должность архитектора в ООО «Архстройсервис», ООО «Архстройсервис – Индустрия» в Иркутске, до 2006 года являлся главным специалистом – архитектором администрации п. Магистральный Казачинско-Ленского района. С апреля 2006 по декабрь 2011 года – архитектор отдела ОАО «Бурятгражданпроект» в Улан-Удэ. Также работал в должности главного архитектора проектов ООО «Антарктида».

По материалам Телеинформа

Новости Красноярского союза архитекторов

В марте 2013 года общим собранием Красноярской организации Союза архитекторов России избрано новое правление в составе: А. Супоницкий – председатель, А. Демирханов – ответственный за сектор истории, А. Добролюбов – ответственный за деятельность Клуба партнеров, Е. Зыков – ответственный за выставочно-конкурсную деятельность, А. Мякота – ответственный за сектор градостроительства, О. Смирнова – ответственная за сектор связи с общественностью и пропаганды архитектуры,

О. Успенская – ответственная за клубную деятельность, а также: Н. Греков, Е. Зыков, М. Киселевский, И. Крылова, Ю. Мыльников, В. Ульянов, В. Шадрин, Ю. Шумов.

Стратегическая цель нового правления сформулирована как «совершенствование среды обитания».

Тактические задачи: через СМИ и различные мероприятия СА воздействовать на общую среду поселений края с целью ее постепенного, но неуклонного улучшения.

Деревья под пень

Каждый житель города имеет право на красивый пейзаж. Мне так кажется. Особенно, если город у него – сибирский, с долгой зимой. Особенно, если архитектуры в этом городе маловато. Особенно в том случае, когда только деревья и могут создать жителю хоть какую-то красоту. Особенно зимой, особенно когда смотреть больше не на что. Ведь кроны деревьев, даже если они без листвы, одним своим рисунком ветвей вдохновляли и вдохновляют художников, фотографов, поэтов на создание художественных произведений. Вспомним хрестоматийное: «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», «Белая береза под моим окном принакрылась снегом, словно серебром...»

А теперь сравним эти поэтические картины с теми обрубками, которые можно видеть в городах все больше и больше. Ах, вы скажете: это же омолаживающую обрезку делают!

Посмотрим...

ГОСТ 28329-89, п.76.

Омолаживающая обрезка – глубокая обрезка ВЕТВЕЙ (заметьте, ВЕТВЕЙ, а не стволов), до их базальной части, стимулирующая образование молодых побегов, создающих новую крону.

А пилят не только старые деревья, но и совершенно молодые и здоровые, которые только-только набрали силу, чтобы радовать глаз и очищать воздух от вредных для человека веществ.

Ну, скажете, вы, тогда, наверное, это санитарная обрезка.

Обратимся к тому же ГОСТу, п. 75.

Санитарная обрезка – обрезка больных, поломанных, засохших ветвей.

Взгляните на фото: спилены здоровые клены, а засохшие деревья оставлены. А может быть, это для красоты делают? Эти же столбы потом шариком обрастают?

Тот же ГОСТ, п. 77.

Формовочная обрезка – обрезка КРОНЫ с целью придания растению определенного габитуса, ему не свойственного.

Заметьте, кроны, т.е. опять же ВЕТВЕЙ, и ОБРЕЗКА, а не спил. Обрезка ведется специальным инструментом, называемым сучкорезом, а никак не пилой.

Ну, тогда, предположите вы, это делается для того, чтобы тополя не давали пух. Он же вызывает аллергию.

Допустим. Хотя некоторые специалисты утверждают, что тополя не вызывают аллергии. Ее вызывают березы. А некоторые из тех же специалистов утверждают, что это вообще не аллергия, а реакция на то, что цветение растений действует на организм человека целбно (интенсивно лечит гельминтоз). Массовая гибель гельминтов и дает такую реакцию. И тот, кто страдает от аллергии на цветение деревьев, в первую очередь должен избавиться от паразитов в своем организме. Тогда и аллергия пройдет. То есть надо не «доктора» уничтожать, а от болезни избавляться.

Но, допустим, специалисты ошибаются и надо избавить людей от аллергии. Надо, и все тут. Так зачем же тогда пилить клены, яблони, вязы? Они-то никакой аллергии не дают вообще. И почему бы тогда не выкорчевать тополя и не посадить на их место другие деревья?

Посмотрим «Территориальные единые расценки»: ТЕР68-2-2 Формовочная обрезка деревьев высотой более 5м – 917р; ТЕР68-3-2.Валка деревьев в городских условиях (тополь) более 300 мм диаметром-77р.

Понятно, что в переводе на современные цены с помощью специальных коэффициентов, получатся не рубли, а тысячи, но сравнить можно и эти цифры. Сформировать крону взрослого дерева стоит примерно в 19 раз дороже, чем убрать его совсем.

А если не формировать, а просто спилить? Да еще не под короткий пенёк, а под столб? Да выдать это за формирование кроны по каким-то там принципам? Вот и получится вожделенная разница в деньгах.

Так что же происходит в действительности? То же самое, что произошло во многих других областях: фармацевтике, косметологии, строительстве, производстве продуктов питания и т. д. Случилась подмена цели. Цель у озеленителей вроде бы принесение пользы городу и его жителям с помощью озеленения. А на деле ею стало зарабатывание денег в сфере озеленения. Тем более что это, оказывается, можно делать пока безнаказанно: народ ведь не заглядывает в Уголовный кодекс.

А между тем там есть любопытные строки: «Незаконная рубка, а равно повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям

деревьев, кустарников, лиан, если эти деяния совершены... лицом с использованием своего служебного положения... в крупном размере наказываются штрафом... либо обязательными работами... либо лишением свободы на срок от одного года до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового (Уголовный кодекс РФ. Гл. 26, ст. 260, в ред. Федерального закона от 22.07.2008 N 145-ФЗ).

Я не юрист, но отчетливо вижу, что юристам пора обратить внимание на эти строчки. Ибо безнаказанность развращает.

Ольга Смирнова

Белый бордюр как наследие тюрем

Дмитрий Сергеевич Лихачев в одном из своих телеинтервью рассказывал, что традиция красить бордюры пошла из ГУЛАГа. В Соловецком монастыре после его превращения в тюрьму уничтожили всю зелень, закатали в асфальт все, что могло бы порадовать глаз врагов народа. Но к приезду начальства все равно хотелось показать себя с лучшей стороны. И вот тогда – сначала в умах тюремного начальства, а потом и в действительности – появилась круглая клумба, обложенная кирпичами, уложенными лесенкой. Кирпичи для пущей красоты побелили известью в белый цвет. На клумбе из цветов был выложен слон. На попоне его изобразили букву «У» (УСЛОН – Управление Соловецкими лагерями особого назначения).

После расформирования лагерей их начальники вышли в города обустроить жизнь уже в качестве городских чиновников. И обустрива-

ли как могли: по лагерной привычке заставляли жителей белить бордюры, а заодно и деревья. И эта лагерная привычка постепенно – через всю Россию – докатилась до Сибири. Каждую весну в конце апреля жители радостно выходят на субботники и красят бордюры в белый цвет. А заодно и деревья. А кто-то уже и творчество проявляет: через один камень красят желтым с зелененьким – как яишенка с лучком. И деревья – в триколор российского флага. Народный дизайн, так сказать.

Краска с бордюров в лучшем случае вскоре облезает, в худшем – смывается дождями в канализацию, добавляя отравы рекам. А деревьям побелка и вовсе вредна. Только об этом мало кто знает. Думают, что от вредителей красят.

И так из года в год люди радостно делают эту работу. По меньшей мере – бесполезную, по большей – вредную. Но для них она – символ весны,

наведения порядка, ощущение личного вклада в украшение города. Мало того, многие не избалованные красотой горожане считают это вполне эстетичным.

Про эстетику говорить не буду. Для архитекторов она как скрежет зубный. Но, даже не затрагивая вопрос эстетики, можно спросить: а стоит ли продолжать это делать? Надо ли и дальше следовать тюремным традициям? Может быть, стоит придумать что-то получше? С большей пользой использовать весенний энтузиазм жителей?

Прошлой весной на острове Отдыха в Красноярске на участке, названном Парк Добрый, для детей с ограниченными возможностями была опробована новая методика. Ее назвали «Профессиональные субботники». 50 организаций и более ста добровольцев строили для детей-инвалидов маленький парк.

Организации на свои деньги покупали растения согласно проекту архитекторов, а люди под руководством профессионалов-ландшафтников высаживали их в предназначенные для них тем же проектом места.

Конечно, к такому действию надо готовиться – иметь к нужному времени проект, растения, суметь организовать людей, превратить для них их работу в праздник.

Но может быть, оно того стоит? И может быть, пора заменить наследие лагерей – покраску бордюров – на действительно полезное дело – посадку растений? Думаю, что это будет для всех гораздо полезнее и приятнее.

Ольга Смирнова

БухАрт-2013

текст
Дарья Кулеш

фото
Ангелина Боровик
Александр Мартюшов
Евгений Рупасов
Дина Ильина
Александра Козец
Мария Панюкова

Чем известен месяц март? В марте едем на «БухАрт»! Первые весенние выходные, окрестности озера Байкал, солнце, улыбки, красивые люди, которые, кажется, готовы отстроить целую деревню. Хотите узнать, что это? Расскажем!

«БухАрт» – архитектурный чемпионат по интеграции с природой, созданный с целью реализации впечатляющих проектов, возведения пространственных композиций в рамках предложенной концепции.

Фестиваль «БухАрт» создан в 2007 году командой Клуба молодых архитекторов Иркутска при поддержке Союза архитекторов России. За последние несколько лет «БухАрт» стал важным событием в жизни творческой молодежи страны, в фестивале принимали участие команды из Москвы, Новосибирска, Красноярска, Владивостока, Читы и Иркутска. Идейным вдохновителем и координатором шестого фестиваля была креативная группа «PopCorn», которая передала организацию следующего чемпионата команде «Ot Vinta!».

VII открытый архитектурный чемпионат проходил с 7 по 10 марта 2013

года в поселке Утулик. Прошедший фестиваль – масштабная акция на льду озера Байкал, соединившая строительство малых форм из природных материалов, интерактивный «Архитектурный завтрак» от креативной группы «PopCorn», лекцию директора Зимнего градостроительного университета Александры Козак, музыкальный концерт зажигательной группы «Усы», ночные игры и тематические вечеринки на открытом воздухе.

«БухАрт» – фестиваль, горячо любимый начинающими архитекторами и художниками, молодыми изобретателями! – рассказывают организаторы. – Мы словно принимаем эстафету у Зимнего университета и открываем архитектурную весну в Иркутске. Вдохновляющие идеи, смелость конструктивных решений, лаконичность природных материалов, экспериментальные проекты и композиции – все это «БухАрт» – стремительное, прекрасное действие, настоящий архитектурный праздник под открытым небом!»

«Это то, что дает возможность настоящему отвлечься от городской рутины и отправиться в маленькое

безумное путешествие!» – говорят участники чемпионата. – Что может быть лучше? Прекрасные пейзажи, очарование Байкала, друзья, вдохновляющая атмосфера и любимое дело. Днем строим под первым весенним солнцем, вечером знакомимся с отличными людьми, танцуем, выдумываем! Чем бы мы ни занимались, «БухАрт» все время остается нашим Островом Свободы!»

Этой весной «БухАрт» отправился странствовать и предложил вспомнить о том, что на нашей планете есть уникальные места. По заданию команды должны были создать инсталляцию, отражающую то, что их вдохновляет в этом прекрасном безумном мире – инсталляцию, являющую собой созвучие духа путешествий, фольклора, театра, архитектуры, национальной кухни, музыки и танца.

В течение трех дней участники из двадцати семи команд, от совсем юных архитекторов и дизайнеров до настоящих профессионалов своего дела, возводили арт-объекты на открытых ледяных просторах Байкала, после чего экспозиция была представлена компетентному жюри.

Организаторы фестиваля команда «OtVinta!»

Валентина Казакова
Виктория Хорхоткина
Ксения Золотухина
Дарья Золотухина
Мария Панюкова
Андрей Семененко
Артур Шмидт
Александр Вилюга
Дарья Кулеш

< v Работа победителя фестиваля – команды «Простор» (PROstore) – создана по чертежам Леонардо да Винчи. Это пространственно-временной мост, переходя через который, можно почувствовать атмосферу эпохи великих изобретений и ощутить поэтичность, красоту, прочность и надежность конструкции, собранной без единого крепления.

Работы участников оценивались по следующим критериям: концептуальность, экологичность материалов, исполнение, эстетичность и завершающее представление объекта. Все представители экспертного жюри отметили, что молодые мастера и студенты продемонстрировали профессиональный рост, креативность, изобретательность. Все участники архитектурного фестиваля смогли увидеть в натуральных материалах и лаконичных формах большие эстетические возможности для воплощения своих идей.

«Фестиваль получился прекрасным, – делятся впечатлениями организаторы, – в воскресенье на просмотре

инсталляций ребята не только представили свои проекты, но и подарили каждому понимание того, как же здорово, что ты – человек мира». Путешествуя от инсталляции к инсталляции, можно было представить, насколько невероятен и хорош этот мир, где можно увидеть пустыни северной Мексики с индейскими оберегами, развевающимися на ветру, где парень по имени Санчо поет, танцует и рассказывает сказки, где можно отправиться в настоящую полярную экспедицию, туда, где переливается северное сияние, белое море становится небом, а небо – морем. И каждый арт-объект рассказывает свою историю и зовет в путь, наполненный

яркими впечатлениями, образами и мечтами.

После просмотра экспозиции на открытом воздухе, выставления оценок и обмена мнениями жюри огласило итоги обсуждения. Первое место было присуждено команде «Простор» (PROstore), второе – команде «Бубля», третье – команде «ХП».

Путешествующий «БухАрт» – это место, где нет границ вдохновению. И если в следующем году, перелистывая календарь, вы откроете март и вспомните про этот фестиваль, сделайте себе подарок – забудьте обо всем и отправляйтесь в волшебное сибирское путешествие!

> Арт-объект команды из Красноярска «ХП» (третье место) вдохновлен полярными экспедициями, их сложностью и философией. В основе концепции – образ маяка с пристанью, «встав» на которую, можно по-иному увидеть не только привычный байкальский пейзаж, но и весь мир. В этом перевернутом мире белые снега становятся облачным небом, а голубые просторы водной гладью.

Комментарий жюри

Инна Дружинина, член правления Иркутской организации САР: «Непростой задачей было для жюри выбрать троих призеров и одного претендента на поощрительный приз. Общий уровень работ значительно вырос. Практически каждая композиция достойна поощрения, по меньшей мере, интересна. Как всегда, команды применяли различные приемы, чтобы вовлечь в творческий процесс членов жюри. Так появились цветные

абстрактные «панно» на снегу, были разыграны «путевки» в разные страны мира, а разместившись на специальных конструкциях, можно было увидеть, как небо и Байкал меняются местами. Причем все происходящее имело философскую подоплеку, особую в каждом случае смысловую нагрузку с учетом заданной в этом году темы».

Виктория Астраханцева, заслуженный архитектор России, председатель правления Братской организации САР: «Все, что мы видели на 7-м архитек-

турном чемпионате, оставило неизгладимое впечатление! Байкал, солнце, ослепительный снег! В это великолепие природы были вписаны интересные архитектурные и дизайнерские малые формы как результат творчества, поиска, выражения своего мироощущения. Думаю, на фестивале собрались лучшие представители молодежи из Иркутска, Красноярска, Москвы. Надеюсь, в будущем и Братск подключится к этой прекрасной акции».

< Инсталляция команды «Бубля» (второе место) отражает высокую философскую идею в простой и эстетически совершенной форме: «Путешествуя, мы можем удержать великий мир в наших ладонях. Легким движением руки мы поворачиваем, как земной шар, всю нашу жизнь. Мы пересекаем меридианы в поисках счастья, но узнавая что-то иное, тем не менее вечно возвращаемся к любимым байкальским просторам, месту непередаваемой силы и красоты».

спонстры

партнеры

**Фестиваль ЛКА – 2013
(Горная Шория, пос. Шерегеш
Кемеровской обл., 14–19 апреля
2013 года)**

Состоялся очередной, VIII фестиваль архитекторов-горнолыжников, ставший традиционным и вошедший в перечень основных мероприятий СА России и ее региональных организаций по Сибири и Уралу.

Новокузнецкая организация СА России (А. А. Тен – председатель правления, он же президент горно-

лыжного клуба архитекторов), как организатор нынешнего фестиваля, справилась с поставленной задачей успешно. Собралось более 190 участников из Барнаула, Екатеринбурга, Кемерово, Новосибирска, Новокузнецка, Томска, Красноярска, Иркутска, Санкт-Петербурга и Тюмени, от студентов до маститых и заслуженных. В течение пяти дней архитекторы общались между собой на крутых склонах горы Зеленой, катаясь на горных лыжах и сноубордах, а также на семинарах, совещаниях (в том числе по поводу учреждения Западно-

сибирской межрегиональной палаты архитекторов), выставке конкурсных работ и многочисленных неформальных встречах, азартных соревнованиях по горным лыжам и сноуборду. Прошли и традиционные соревнования по настольному теннису (чемпионы – П. Тиманов среди мужчин и Л. Свитиц среди женщин, оба из Новокузнецка) и бильярду (Олег Селянин, Екатеринбург). Расставаясь, не говорили «Прощай», а только «До новых встреч – через год».

Форум архитекторов-горнолыжников Сибири и Урала

< Построение команд перед стартом. Фото Ирины Токаревой

v После финиша

Итоговая таблица соревнований по гигантскому слалому

Горные лыжи. Мужчины

Старше 60 лет

- I место – К. Крайний (Новокузнецк)
- II место – В. Барсуков (Новокузнецк)
- III место – В. Кондратович (Новосибирск)

50–60 лет

- I место – В. Цой (Новокузнецк)
  - II место – А. Бричев (Новокузнецк)
  - III место – В. Усольцев (Новокузнецк)
- 35–50 лет**
- I место – С. Борзот (Новосибирск)
  - II место – Л. Десятов (Екатеринбург)
  - III место – А. Фунтиков (Томск)

Горные лыжи. Женщины

Старше 55 лет

- I место – И. Кондратович (Новосибирск)
- II место – А. Яценко (Екатеринбург)
- III место – Е. Салосина (Екатеринбург)

45–55 лет

- I место – Л. Казанцева (Новокузнецк)

- II место – Т. Горенинская (Новокузнецк)
- III место – В. Афанасьева (Новокузнецк)

35–45 лет

- I место – Т. Степанова (Новосибирск)
- До 35 лет**
- I место – Е. Кондратович (Новосибирск)
  - II место – И. Мусохранова (Новокузнецк)
  - III место – А. Протас (Новокузнецк)

Сноуборд. Мужчины

- I место – А. Лябчук (Красноярск)
- II место – А. Бричев (Новокузнецк)
- III место – С. Анисифоров (Барнаул)

Сноуборд. Женщины

- 35–45 лет**
  - I место – Ю. Данилова (Кемерово)
- До 35 лет**
- I место – М. Седикова (Томск)
  - II место – Т. Бедарева (Новокузнецк)
  - III место – О. Волошко (Красноярск)

Материал предоставлен оргкомитетом

^ Торжественное открытие. Приветствие команды Новокузнецка

^ Спускается Антон Тен, президент горнолыжного клуба архитекторов, председатель правления Новокузнецкой организации Союза архитекторов России

^ Финиширует неоднократная чемпионка ЛКА представительница младшего поколения династии архитекторов-горнолыжников Лиза Кондратович (Новосибирск)

v Девушка с веслом. Приветствие команды Томска

^ Чемпионка Людмила Казанцева с группой поддержки

в 18 апреля Шерегеш вошел в книгу рекордов Гиннеса. Массовый спуск в купальниках. При семиметровом снеге горнолыжному курорту температура +16 не страшна

Архитектурная магистратура в Иркутске

^ Анастасия Матвеева. Эволюция декоративных мотивов в пластике фасадов деревянной гражданской архитектуры Иркутска конца XIX – начала XX в.

руководитель
М. Г. Меерович

В январе 2013 года состоялись защиты четвертого, самого многочисленного за последние годы выпуска магистрантов кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства НИ ИрГТУ. Этот выпуск завершает действие государственного образовательного стандарта второго поколения в магистратуре. Дипломы магистров архитектуры получили 26 специалистов. Успешное окончание обучения основной части выпускников стало результатом напряженной работы, проделанной ими под руководством ведущих преподавателей кафедры. Больше половины магистрантов ко времени защиты имели публикации по теме исследования.

Защиты по направлению «архитектура» проходили по двум магистерским программам – «Архитектура жилых и общественных зданий» и «Дизайн архитектурной среды». Соответственно программам осуществлялась защита в двух государственных экзаменационных комиссиях под руководством председателя ГАК Е. И. Григорьевой. В состав ГЭК вошли иркутские архитекторы В. В. Распутин, А. Г. Красильников, С. Б. Демков, С. В. Гладков, а также преподаватели кафедры архитектурного проектирования проф. А. Д. Калихман, проф. Е. А. Мусихина, завкафедрой Е. В. Хохрин. Высокие требования комиссий к глубине проработки и качеству представления магистерских диссертаций в этом году будут положены в основу улучшения образовательных программ кафедры в этом направлении.

Тематика магистерских диссертаций была достаточно разнообразна по глубине постановки задач исследования и широте подходов к их рассмотрению. Среди лучших магистерских

работ, представленных к защите, можно выделить основные по приоритетным направлениям: научно-исследовательские, педагогические и проектные, в каждой из которых представлены специфические для магистратуры методики. Более трети магистрантов посвятили свои работы изучению многообразных аспектов архитектурного наследия и исторической среды Иркутска. К сожалению, современная архитектурная практика нашего города не была представлена в магистерских исследованиях 2012 года.

В число наиболее интересных и отмеченных государственной комиссией работ вошли исследования Екатерины Победаш «Драматический театр города Иркутска: особенности архитектурной пластики» (руководитель профессор В. В. Козлов), Константина Яковлева «Реконструкция экспозиции Братского острога на территории архитектурно-этнографического музея «Ангарская деревня» в городе Братске» (руководитель доцент А. Н. Прокудин), Ларисы Крыловой «Историческое архитектурное наследие Иркутска как основа построения городской цветовой среды» (руководитель профессор А. Д. Калихман), Татьяны Семенковой «Архитектурно-планировочные особенности русского модерна Иркутска» (руководитель доцент Е. В. Хохрин), Анастасии Матвеевой «Эволюция декоративных мотивов в пластике фасадов деревянной гражданской архитектуры Иркутска конца XIX – начала XX в.» (руководитель профессор М. Г. Меерович).

Из магистрантов, впервые получивших базовое архитектурное образование, государственная аттестационная комиссия выделила работы Елены Сергеевны «Закономерности проекти-

рования монументально-декоративной живописи в городской среде Иркутска» (руководитель профессор В. В. Козлов), Светланы Мельничук «Особенности функционального подхода в архитектуре США второй половины XX века» (руководитель А. Н. Прокудин), Лейлы Базитовой «Иркутская мечеть в городской исторической среде» (руководитель А. Д. Калихман).

Особо следует отметить получившие высокие оценки комиссии работы группы магистрантов, бакалавров из Читы, которые под руководством Е. В. Хохрина выполнили интересные исследования: Владимира Михалева «Моделирование цветоцветовой среды интерьера ночного клуба», Павла Бабкина «Архитектура кладбища в условиях полиэтничности городов Прибайкалья», Петра Назарова «Концепция мобильно-модульной структуры горнолыжного туристического комплекса "Гора Соболиная"».

Большое впечатление на членов комиссии произвела оригинальная работа члена Союза художников России Марии Быковой «Семиотические особенности архитектурной графики исторической застройки берега Ангары конца XIX – начала XX в.» (руководитель А. Д. Калихман).

Магистратура по направлению «архитектура» в ИрГТУ постепенно определяется с методикой и формами подготовки магистрантов. Основной проблемой остается поиск современных форм анализа архитектурного контекста в исследовательском и проектно-аспектах, а также трудности с привлечением специалистов, готовых работать с магистрантами, для формулировки и решения интересных задач.

Аркадий Калихман
Евгений Хохрин

МАРШ: шаг второй

Год назад, летом 2012-го, мы объявили об открытии архитектурной школы МАРШ в партнерстве с университетом Лондона Метрополитан и Британской высшей школой дизайна (см.: Московская архитектурная школа (МАРШ) // Проект Байкал. 2012. № 33–34. С. 24) и приняли в магистратуру первых 37 студентов. Конкурс при поступлении составил два человека на место, примерно 60% поступивших из Москвы и Московской области, остальные из разных регионов России – от Владивостока до Краснодара, а также из соседних стран (Украина, Латвия).

Сейчас, по прошествии всего лишь года учебы, конечно, рано говорить об итогах. Весомым результатом будет первый выпуск МАРШ в 2014 году: образование – дело долгое. Скорее можно говорить об ощущениях, о сбывшихся и не оправдавшихся ожиданиях. И конечно, о планах на ближайшее будущее.

На мой взгляд, главное на сегодняшний день то, что МАРШ уверенно занимает место в московской архитектурной и культурной жизни, становится точкой притяжения не только для студентов и преподавателей, но и для всех архитекторов, людей интересующихся архитектурой. В рамках открытой программы в МАРШ прошли более 30 лекций, и не только на темы архитектуры. Помимо известных архитекторов из разных стран выступили философы Валерий Подорога и Михаил Ямпольский, архитектурный критик и теоретик Александр Раппапорт, переводчик и программный директор института «Стрелка» Анастасия Смирнова, обозреватель «Ведомостей» Максим Трудолюбов. У открытой программы МАРШ появились партнеры: Центр современной культуры «Гараж», посольство Франции,

немецкий Институт имени Гёте. Только такая концентрация активности может, по моему убеждению, вывести архитектуру из культурной изоляции, в которой она пребывает в России. Помогает нам и само место, где расположена МАРШ: в центре дизайна «Артплей» проходят выставки, презентации, кинопоказы и концерты на самые разнообразные темы – от артхаусного кино до технологий 3D-моделирования.

Если говорить непосредственно об учебном процессе, то, конечно, главным в нем является работа проектных студий. Тему студии определяет руководитель, они меняются раз в семестр, дипломная студия длится год. Тем самым студент может поработать с тремя известными архитекторами, познакомиться с их методом работы. Руководителями студий были такие признанные практики, как Евгений Асс, ректор МАРШ, Сергей Скуратов, Антон Мосин, Наринэ Тютчева, Владимир Плоткин, приглашены Александр Бродский, Влад Савинкин и Владимир Кузьмин, в дипломной студии будет преподавать Сергей Чобан.

Нет привычных заданий с заранее прописанной функцией и набором помещений. В рамках программы студент сам формирует сюжет своего проекта, поэтому студия включает помимо проектной работы равную ей по объему аналитическую и исследовательскую часть. Такая свобода нелегко дается студентам (впрочем, и преподавателям тоже), требует самостоятельности и ответственности, не позволяет расслабиться и пропустить занятия студии. Тем более что в отличие от Лондона студии в МАРШ длятся один семестр, то есть весь путь от идеи до проекта надо пройти в два раза быстрее! И это работает: проекты в результате, по мнению британ-

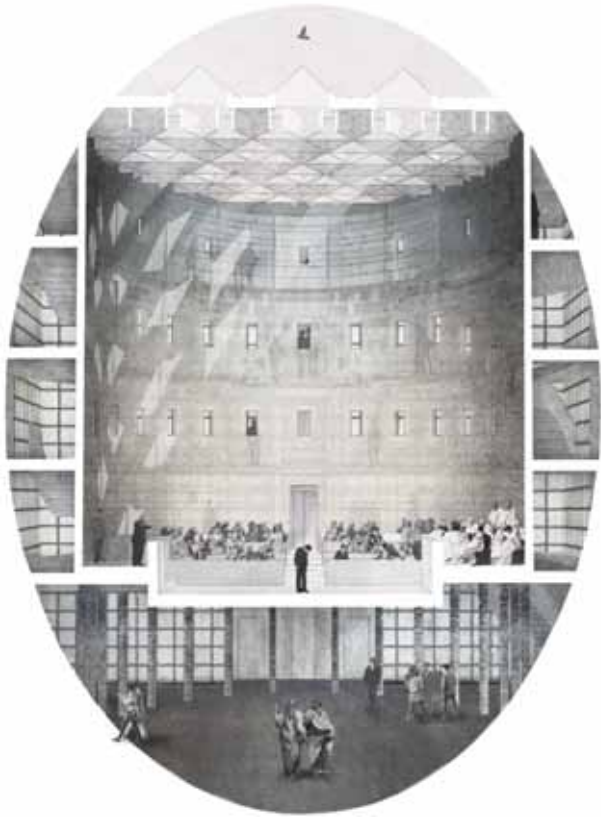
ских коллег, ничем не уступают тем, что сделаны в это же время лондонскими студентами. На будущий год в рамках дипломной студии запланирована совместная работа московских и британских студентов, здесь сопоставление будет еще более правомерным.

Успешно освоили студенты и такой новый для нас формат презентации, как портфолио, когда в итоговый альбом входят и рабочие материалы, и аналитическая и проектная работа.

Вместе с тем переход к новой системе обучения дается непросто. Очень сказывается недостаток гуманитарных знаний, без которых трудно мотивировать проектные решения, саму тему проекта, заявить и аргументировать свою позицию. К сожалению, наше традиционное архитектурное образование не предполагает активного чтения, даже архитектурных текстов. Для наших британских коллег эссе – главный инструмент обучения гуманитарным дисциплинам: теории и истории, профессиональной практике. В отличие от знакомых нам рефератов, эссе подразумевает формулировку и обоснование собственного мнения, отношения к выбранной теме.

В условиях острого дефицита времени в первый год магистратуры трудно заполнять пробелы в общей культуре, читая все непрочитанное за прошедшие годы. Беда еще в отсутствии хороших переводов даже самых базовых книг по архитектуре, стоящих на полке любого зарубежного архитектора. Несмотря на открытый доступ к электронной библиотеке университета, мало кто из студентов готов много читать по-английски.

Едва ли не хуже обстоит дело с техническими дисциплинами. Магистерский курс строится на основе

бакалавриата (1–4 курсы) и предполагает базовые знания по конструкциям и материалам, на основе которых в магистратуре можно делать спецкурсы по отдельным отраслям инженерии, новым материалам, учить, по выражению Пиотра Тарчиньского, ведущего этот модуль, «задавать правильные вопросы инженерам». У нас же многое пришлось начинать с нуля, в результате времени на проработку собственного проекта почти не оставалось.

На вопрос, что самое трудное в МАРШ, студенты в один голос отвечают: все успеть, распорядиться своим временем. Настоящая работа, по их мнению, началась только в МАРШ. При этом школа открыта 12 часов в день 7 дней в неделю, в недельном расписании есть день для самостоятельной работы.

Тут мы бессильны: в сутках остается те же 24 часа. Но провести их с максимальной пользой – вот тут МАРШ может помочь. Всем, кто готов попробовать, мы обещаем: будет трудно, особенно сначала. Первый шаг уже сделан, школа работает, давайте второй шаг в этом марше сделаем вместе.

Никита Токарев

< А Вайнберг. Хамовнический суд
Студия А. Мосина

Архитектурная школа будущего

Я рискую опубликовать эскизную схему будущей архитектурной школы, без особых пояснений и теоретических выкладок, чтобы получить как можно больше откликов и потом развернуть эту идею с большей широтой и глубиной.

Альма-мáтер (лат. *alma mater* – буквально «кормящая, благотворительная мать») – старинное неформальное название учебных заведений (университетов, которые изначально давали в основном теологическое и философское образование) как организаций, питающих духовно. В античности альма-мáтер называли богиню-мать, в Средние века в Западной Европе словосочетание применялось для обозначения Девы Марии (Матери Божией).

В предлагаемой ниже схеме организации обучения в архитектурной школе, в отличие от университета академий художеств и технических вузов, все лекционные курсы и специальные виды обучения вынесены за ее пределы. Они должны быть доступны студентам по их собственному выбору. В равной мере за рамки школы выносятся все квалификационные экзамены и зачеты, требуемые для выдачи лицензии на архитектурное проектирование. Сама школа

обеспечивает только развитие профессионального мышления и профессиональной культуры.

Предлагаемая модель школы принимает за аксиому индивидуальную ответственность учащегося за свое образование. Она не принуждает студента к той или иной глубине познания или выработки технических навыков, равным образом не ставит перед ним какие-то качественные творческие требования.

Каждый студент имеет право выбирать и скорость, и глубину своего образования самостоятельно. Учитывая разные уровни врожденных способностей и культуры, разные студенты за один и тот же срок обучения могут достигнуть разных уровней профессионального совершенства.

Сама школа располагает зданием или совокупностью зданий, пригодных для проведения коллективных и индивидуальных занятий студентов. К индивидуальной работе относится работа над проектом или написанием текстов, изготовлением чертежей, офортов, скульптурных или живописных, фотографических или кинематографических работ, изготовлением макетов и компьютерной графики и анимации, проведением расчетов и пр. В помощь студентам при школе

должны работать лаборатории и кабинеты обеспеченные необходимым оборудованием и квалифицированными специалистами. Каждый студент имеет право пользоваться консультациями и техникой этих лабораторий.

Кроме этого в индивидуальной работе студентов принимают участие тьюторы – архитекторы – педагоги и консультанты, помогающие студентам выработать план своей индивидуальной работы в любом направлении, в том числе и в вопросах индивидуальной психологической проблематики, разрешать сомнения студента в скорости и направленности его профессиональной подготовки.

Студенту дается право проходить экзаменационные испытания за стенами школы, чтобы оценки его успехов не были связаны с участием преподавателей и администрации школы. Такие экзаменационные испытания для получения дипломов и лицензий на проектирования должны быть ранжированы по уровням квалификационной сложности и число таких попыток сдать экзамен должен регламентироваться внешним образом, в частности, путем оплаты этих испытаний.

Коллективные занятия в школе делятся на три вида:

– диспуты и дискуссии,
– демонстрации,
– экспозиции и экскурсии (в том числе посещения других архитектурных школ).

Диспуты и дискуссии открыты для всех учащихся и состоят в обсуждении какой-либо проблемы, они готовятся профессорами и включают не менее двух докладов, после чего проводится дискуссия (время продолжения дискуссии ограничивается). Видеозаписи всех дискуссий расшифровываются в тексты. Материалы всех дискуссий хранятся в архиве школы и могут использоваться всеми студентами и профессорами. Темы дискуссий объявляются заранее, примерно за месяц, с указанием материалов к дискуссии и тезисов основных докладчиков. Участие в дискуссии добровольное.

Демонстрация понимается как экспозиция проекта или концепции и докладывается автором. Для обсуждения демонстрации заранее выбираются оппоненты, и сам процесс демонстрации и обсуждения напоминает защиту диссертации. Итог дискуссии не влияет на положение студента или профессора, но может быть использован школой как материал, аналогичный прочим проблемным дискуссиям и записывается на видео и хранится в архиве школы. Демонстрации и дискуссии открыты для участия профессоров и профессиональных архитекторов вне школы, для чего их специально приглашают в случае их согласия.

В архитектурной школе действует принцип постоянного возвращения бывших учеников (алumni) и профессоров в стены школы для повышения своей компетенции и квалификации и погружения в атмосферу дискусионной среды школы. Наилучшие проекты и демонстрации хранятся в архиве и музее школы и открыты для всех студентов и профессоров.

Студент, принятый в школу может в течение года или трех лет посещать все демонстрации и дискуссии и все курсы лекций вне школы по согласованию с администрацией. Поэтому в случае необходимости и желания некоторые студенты могут совершенствоваться в области инженерных дисциплин, художественной практики и истории искусства, гуманитарных дисциплин и менеджмента. (Минимальные требования по этим отраслям должны включаться в программы квалификационных и лицензионных экзаменов.)

Экскурсии студентов планируются специальным отделом и охватывают широкий круг объектов – географиче-

ских мест, музеев, археологических экспедиций, конференций и конгрессов, международных выставок и иных архитектурных школ, мастер-классов и летних творческих лагерей.

По договоренности с администрацией должна предусматриваться возможность стажировки студентов в проектных мастерских, музеях, университетах и других учреждениях. Сроки стажировки и время стажировки планируются за несколько месяцев, оплата производится по договоренности.

Периодически архитектурная школа проводит выставки, конкурсы и конференции, круглые столы и консультации, на которые приглашаются все желающие и которые анонсируются в СМИ.

Архитектурная школа имеет свой интернет-сайт, на котором публикуются информация обо всех событиях и все индивидуальные суждения как учащихся, профессоров школы, так и тех профессионалов и экспертов, которые готовы высказать свои замечания или оповестить о своих демонстрациях и дискуссиях. Интернет-сайт школы выполняет информационные и организационные функции в системе профессиональной коммуникации на местном, национальном и международном уровнях. В частности, на сайте школы публикуются все условия приема, образцы работ и отрывки демонстрационных и проблемных дискуссий, а также суждения о достоинствах и недостатках школы ее учеников и профессоров.

Связь архитектурной школы с иными учебными заведениями, в которых студенты могут получить необходимую им помощь или прослушать курсы по отдельным дисциплинам, осуществляется специальным отделом внешних учебных связей школы и помогает студентам в организации таких экстрашкольных занятий. По желанию студента итоги этих занятий могут оформляться в виде экзаменационных процедур и выдачей соответствующих дипломов.

Все сказанное только эскиз школы, ориентированной на стимулирование индивидуальной творческой работы как студентов, так и профессоров. Принцип индивидуации, будучи доминирующим, не исключает всех форм коллективных инициатив. Но сам по себе принцип индивидуации ориентирован на максимально свободный выбор студентом своей профессиональной ориентации и скорости продвижения – никакие общеобязательные нормы не должны препятствовать такой инициативе. Это позволит сту-

дентам в большей мере самим нести ответственность за свое образование и проверять собственные силы в соревновании с другими студентами.

Полагаю, что эта система, с другой стороны, никак не стеснит тех, кто в силу множества особенностей своей одаренности и темперамента предпочтет медленный темп профессионального совершенствования. Наконец, этот способ ориентации и ответственности поможет тем, кто по ходу учебы хочет изменить свою специализацию и плавно перейти на иную систему профессиональной подготовки. Такие переходы должны быть не каким-то редким исключением, а сравнительно нормальным процессом.

Архитектурное образование во многом специфично и предполагает единство мысли и чувства, особый уровень гражданской ответственности и культурной рефлексии. Соединение этих сторон в архитектурной школе обеспечивается непрерывностью ее диалогового процесса, свободным «общением» всех уровней подготовки, выработкой индивидуальной рефлексии и нормировки темпов и масштабов погружения в материал.

Такой диалоговый климат школы сам по себе готовит архитектора к роли активного участника социального и культурного процесса, культурной и социальной политики государства, муниципалитета и более широких процессов формирования программно-проектного видения ситуации в глобальном масштабе.

Сама схема и принципы работы школы в таком случае не могут быть нормативно ограничены каким-то внешним законодательством и правом, они постоянно трансформируются и обсуждаются в самой школе. Сама школа становится не только школой для других, но и школой для себя. Каждая такая школа с годами неизбежно выработает свой особый характер и образ, свою философскую, методологическую и методическую базу, свой человеческий опыт и пристрастия.

История или биография каждой школы станет в таком случае ее подлинным лицом, отражающим как успехи, так и трудности ее становления, их причины и следствия.

Такую школу можно считать новым типом открытого учебного заведения, и не исключено, что именно архитектурные школы в будущем станут прототипом новой системы образования в целом или одним из таких новых типов.

Александр Рапппорт

Спортивно-рекреационный парк в Свердловском районе Иркутска

дипломный проект

автор проекта

студентка кафедры дизайна Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук НИ ИргТУ
Елена Максимова

руководители проекта

М. Г. Захарчук
Д. В. Новопашин

В Иркутске в целом низок уровень благоустройства общественных пространств. Новой рекреационной территорией может стать зеленый массив вдоль ручья Долгий в комплексе микрорайонов Университетского и Первомайского. Проектировщики первого задумывали его в единой системе с микрорайоном Первомайским, градостроительная ось которого продолжается в Университетском. Парк с рекой посередине должен был объединить микрорайоны в единый комплекс: архитекторы понимали качественную среду обитания как чередование и пульсацию урбанизированных пространств и больших зеленых массивов – в противовес застройке с небольшими островками зелени.

Объемно-пространственное построение среды предполагает ее гармонизацию и создание композиционной структуры. Студентка Елена Максимова на получившей решетке из осей продленных улиц и их парал-

лелей выявила места для размещения функциональных зон территории, наметила пешеходно-коммуникационную сеть проектируемого участка, центральная площадь которого ориентируется на существующий бульвар микрорайона Университетского. Полученная схема определила стилистику открытой среды, в которой ясно читаются связанные между собой геометрические формы, присутствующие не только в ландшафте, но и в оборудовании. Значительные перепады рельефа задали мостовые переходы, лестничные сходы и пандусы из ажурных ферм.

Проектом предлагается размещение спортивных площадок, роликодромов, скейт-парка, детских игровых площадок, площадок для отдыха с целью развития видов активного отдыха, а также автостоянок и объектов инфраструктуры. Велодорожки можно использовать в зимнее время как лыжную трассу. Предусмотрено сохранение парковой зоны для прогу-

лок. Озеленение формируется дополнительной посадкой кустарников и деревьев, устройством газонов. Зелень вдоль магистралей должна защищать от шума и пыли.

Стремлением автора создать общественное пространство, обеспечивающее психологический и физический комфорт, продиктованы и его планировочная структура, и стилистика: вместо унылой территории предложена пластичная среда, которая придется горожанам по вкусу.

Марина Захарчук

дипломный проект

автор проекта
студентка кафедры
дизайна Института
изобразительных
искусств и социально-
гуманитарных наук
НИ ИрГТУ
Валентина Кузьменко

руководители проекта
М. Г. Захарчук
С. В. Мурашова

Благоустройство территории Верхней набережной реки Ангары в Иркутске

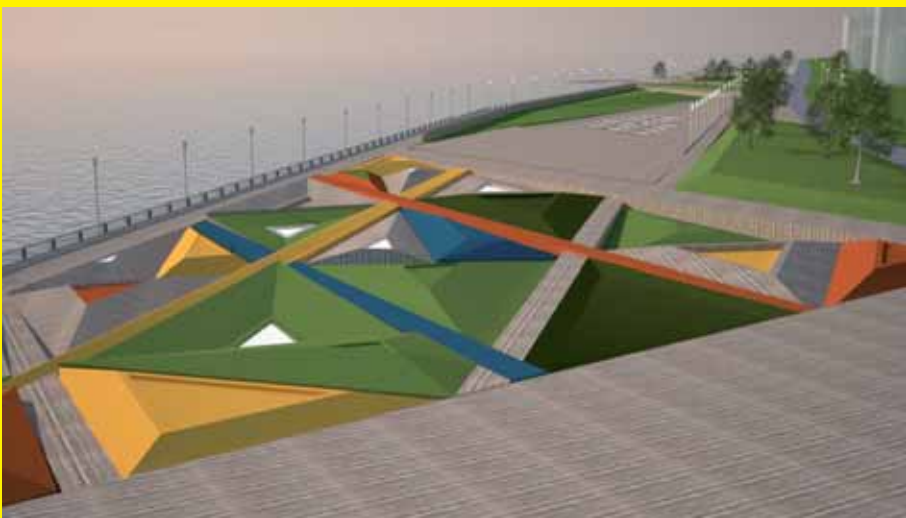
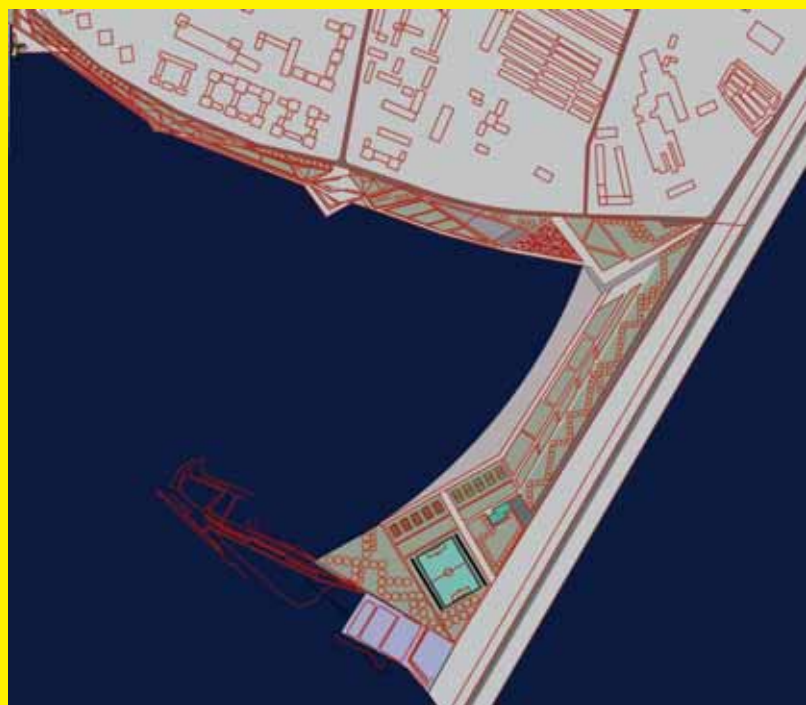
В Иркутске недостаточно зеленых насаждений, удобных для посещения парков и скверов, а жителям так нужны общественные пространства! Включение долин рек Ангары, Иркуты, Ушаковки и Каи с пригородными лесами в структуру городского озеленения, наряду с парками и скверами, приведет к образованию единого природно-экологического каркаса нашего города, а озеленение и благоустройство прибрежных территорий рек, позволит обеспечить прилегающие жилые районы рекреационными зонами.

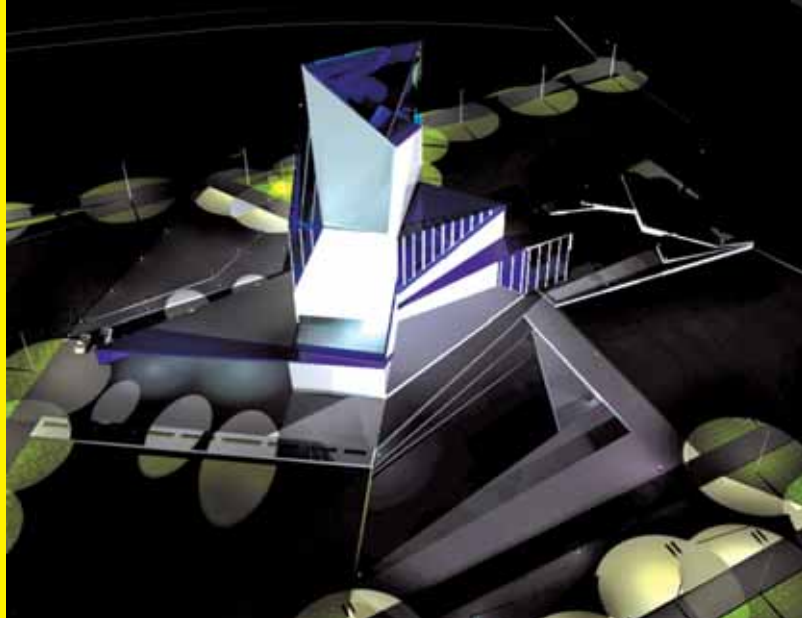
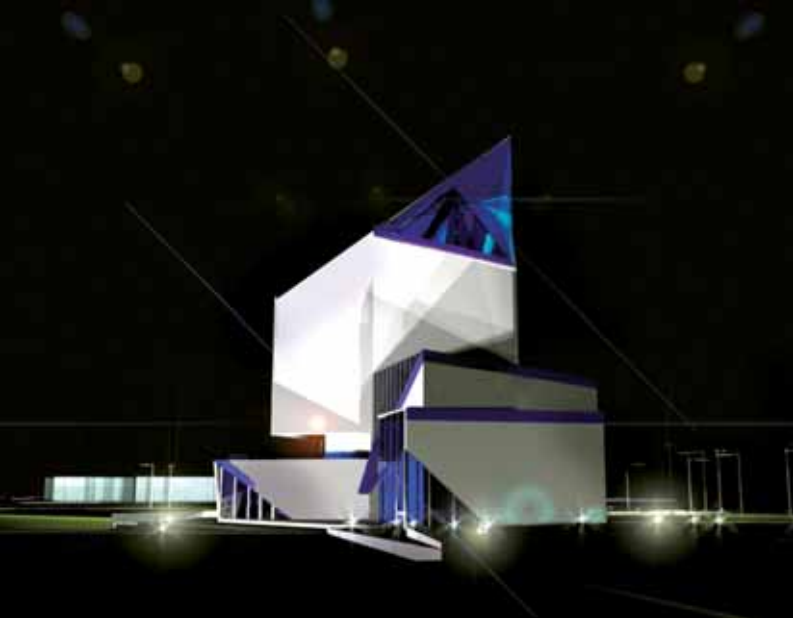
Территория Верхней набережной Ангары сейчас выглядит как пустырь. Дипломный проект Валентины Кузьменко предусматривает развитие благоустройства территории путем создания гармоничного образа открытой предметно-пространственной среды, отвечающего функциональным, эргономическим и эстетическим требованиям. Цель работы – превращение берега в популярную зону отдыха горожан.

В составе территории запроектированы функциональные зоны: входная, развлечений, пляжная, спортивная и прогулочно-созерцательного характера. Вдоль реки предлагается создание набережной для прогулок, открытой площадки для проведения праздничных мероприятий, выставочного комплекса, летней эстрады и кинотеатра под открытым небом, площадки для фейерверков, подземных автомобильных парковок, а у створа плотины – открытых спортивных сооружений и пляжа с разработкой необходимой инфраструктуры: объектов питания, проката, раздевалок, санузлов, а также служебных проездов.

Береговая линия выстроена по линейной композиции, в пересечениях с градостроительными осями komponуются основные акцентные формы, доминанта набережной – кафе. В конструкциях и материалах из дерева – и выявление региональных черт архитектуры Восточной Сибири, и образная тема экологического преобразования среды.

Марина Захарчук

Многофункциональный общественно-деловой центр в Академгородке Иркутска

курсовой проект

авторы проекта

студенты кафедры дизайна Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук НИ ИргТУ

Александра Михайлова
Дарья Богдашина

руководители проекта

М. Г. Захарчук
С. В. Мурашова

Студенты кафедры дизайна Иркутского государственного технического университета уверенно утверждают, что будущее – за крытыми общественными пространствами, атриумами и зимними садами. Для разработки проекта такого многофункционального общественно-делового центра студентам пятого курса была предложена пустующая территория на окраине микрорайона Академгородок. После открытия нового моста через Ангару эта площадка приобрела важное градостроительное значение: направление районных магистралей и ось моста фокусируются на свободном от застройки участке.

При обсуждении исходной ситуации было решено разработать объемно-пространственную композицию с архитектурной доминантой многофункционального здания центра, которое студенты создавали как цельную и сильную форму, способную «держаться» довольно протяженную территорию.

В комплексе необходимо было разместить экспозиционные и торговые пространства, офисные зоны, конференц-залы и кинозал, рестораны и бистро, творческие студии, а также подземную парковку. Авторы предлагают ориентировать инфраструктуру общественных зданий не только на деловых людей, но и на нужды и интересы жителей микрорайона.

Композиция проекта Александры Михайловой построена на контрасте устремленных вверх скатов покрытий центра и ортогональности окружения. Четкие и активные грани сооружения выглядят актуально и современно. Облицовка фасадов выполнена из глянцевого композитного материала. Очевидно то, что работая над образом центра, автор сделала акцент на экстравагантности формы, создающей ощущение динамики.

Общественный центр Дарьи Богдашиной – интересная объемно-пластическая композиция с диагона-

лью как принципом развития пространства и основным конструктивным мотивом: эффектный кристалл со сплошным остеклением, в котором наклонные панорамные витражи полностью заменяют наружные стены. Для контраста с синим тонированным стеклом, студентка расставила наклонные металлические рамы входа: появилась современная органическая структура.

Проекты студентов объединяют те композиционные принципы, которые явились их основой: свободная планировка, создание пространства «неправильной» конфигурации, экспрессивная геометрия форм. Все они подчеркивают основную идею: и в функциональном, и в дизайнерском решении новое должно быть отличным качеством.

Марина Захарчук

winter
university

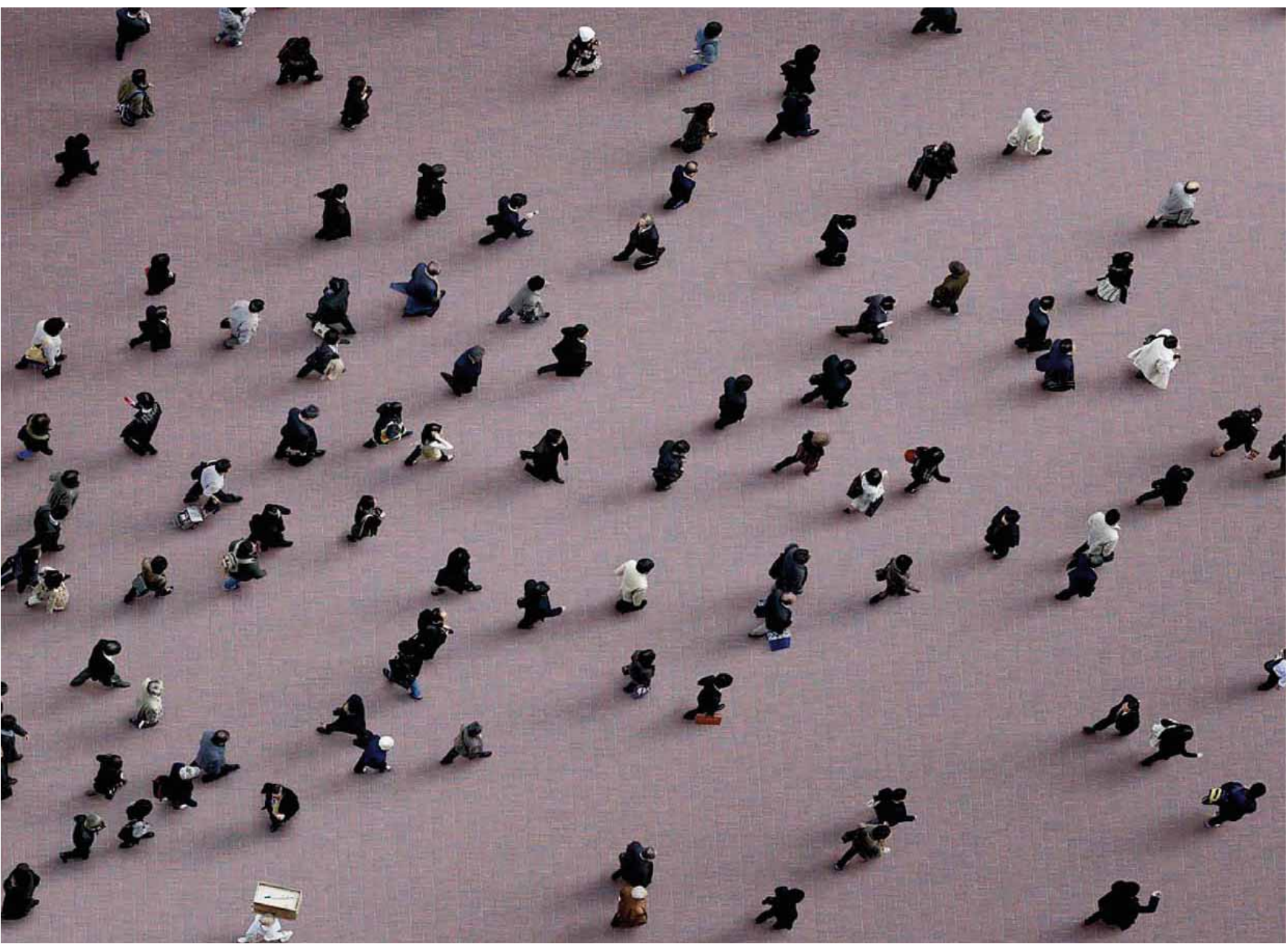

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАЙКАЛЬСКИЙ
ЗИМНИЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Модернизация городской среды

Формирование системы общественно-рекреационных пространств

From the 1st to the 25th of February National Research Irkutsk State Technical University held the 14th regular session of International Baikal Winter University of Urban Planning Design devoted to public and recreational spaces. Vice president of the Union of Architects of Russia Elena Grigoryeva and emeritus professor of High School of Business and Economic Sciences Jean-Michel Guenod were the pilots of the session.

Winter University gathered 35 young specialists in architecture, design, town planning, sociology, ecology, econo-

mics, and transport systems from ten countries. The participants were divided into five teams, each of which worked on two problem sites of Irkutsk. As a result, they worked out five conceptual proposals for systematic approach to urban environment.

Winter University (or Zimnik) is the only one annual international workshop in Russia based on principles of European sessions of Les Ateliers and their 30-year experience. This year the professionals who came from all over the world were satisfied with the work at Zimnik. For the first time in 14 years

the session realized all the organizational and methodological principles of Summer Workshops of European University of Urban Planning (Cergy-Pontoise, France).

After the final presentation, which was held on 22 February in the conference room of ISTU, Team E was announced the winner. Its strategy invited citizens to explore their city, sharing their experience and creating "memory maps".

The experts found the works of young specialists very interesting and close to reality. Head of the Urban

XIV сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета «Модернизация городской среды и формирование системы общественно-рекреационных пространств в Иркутске»

1–25 февраля на базе Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета состоялась очередная, 14-я сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета, посвященная организации общественно-рекреационных пространств. Научные руководители (пилоты) сессии – член-корреспондент РААСН Елена Григорьева и почетный профессор Высшей школы экономических наук и бизнеса Жан-Мишель Гвино.

В этот раз Зимний университет собрал 35 молодых специалистов в области архитектуры, дизайна, градостроительства, социологии, экологии, экономики, транспортных систем из десяти стран мира. Участники разделились на пять команд, каждая из которых разрабатывала по две про-

блемные площадки Иркутска. Итогом работы стали пять концептуальных предложений по развитию системного подхода к городской среде.

Зимний университет в очередной раз подтвердил статус единственного в России ежегодного международного воркшопа, основанного на принципах европейских градостроительных мастерских Les Ateliers, чей 30-летний опыт был взят за основу Зимника. На этот раз профессиональное сообщество, представленное специалистами из разных стран, кажется, не осталось разочарованным. Впервые за 14 лет существования форума удалось реализовать все организационно-методические принципы Летних мастерских Европейского университета градостроительства (г. Сержи-Понтуа, Франция).

Design Department of OAO Irkutskgiprodornii Ruslan Khotulev said: "It is good that young specialists focus on involving citizens in active life. These projects do not require big expenses and can be realized within several months. Each of them will definitely make our city more beautiful and comfortable".

As Alexandra Kozak, director of Winter University, said, the main target of the jury was to choose the proposals applicable to Irkutsk, which could be put into tomorrow's practice. "We hope that the international experience of

Winter University focused on modernization of urban environment will give momentum to development of public spaces in Irkutsk", she said.

The proposed projects will be forwarded to the city administration for detailed study and implementation.

The 14th session of Baikal Winter University of Urban Planning Design "Modernization of the City Environment. Formation of the System of Public and Recreational Spaces in Irkutsk"

По итогам финальной презентации, которая состоялась 22 февраля в конференц-зале ИрГТУ, победителем была выбрана команда «Е», своей стратегией побуждающая жителей исследовать город, делясь впечатлениями и создавая «карты воспоминаний».

По мнению экспертов, которые оценивали работы молодых специалистов, все проекты получились очень интересными и приближенными к реальности. «Очень порадовало, что молодежь делает акцент на вовлечении горожан в активную жизнь, – отметил начальник департамента градостроительного проектирования ОАО «Иркутскгипродорнии» Руслан Хотулев. – Представленные проекты не требуют больших финансовых затрат и могут быть реализованы в течение нескольких месяцев. Безусловно, каждый из них сделает

наш город только красивее и комфортнее».

По словам директора МБЗГУ Александры Козак, главной задачей жюри было выбрать решения, которые применимы к Иркутску и уже завтра могут быть претворены в жизнь. «Мы надеемся, – говорит Александра Козак, – что международный опыт Зимнего университета, сконцентрированный на проработке темы модернизации городской среды придаст необходимый импульс развитию общественных пространств Иркутска».

Разработанные проекты будут отданы в администрацию города для подробного ознакомления, освоения и внедрения представленных предложений.

Инесса Бражникова
по материалам «Строим вместе»

Международный научно-методический симпозиум

В рамках XIV сессии Зимнего университета 19–20 февраля состоялся международный научно-практический симпозиум. И хотя тема симпозиума совпадала с темой сессии, выступления экспертов и развернувшиеся дискуссии этой темой не ограничились. Так, была затронута тема транспортной системы города, неразрывно связанная с системой общественных пространств, а также вопросы сохранения и развития исторической застройки городов. Модератором симпозиума выступил Алексей Козьмин.

Барбара Энгель в своем докладе затронула проблему сохранения архитектурного наследия 70-х годов прошлого века (рис. 1). Тема оказалась актуальной не только для Германии, но и для России. Как сказала Барбара, часто принимаются решения о сносе каких-то зданий, и лишь спустя десятилетия приходит осознание того, что эти объекты представляли ценность и были потеряны безвозвратно.

Обсуждение вопросов развития транспортных систем города, соотношения общественного и личного транспорта в городе, наличия удобных пешеходных и велосипедных маршрутов вызвало бурное обсуждение.

Немецкие коллеги Вальтер Фогт и Герд-Аксель Айренс говорили о необходимости дискриминации личного автотранспорта по отношению к общественному. По словам Айренса, Россия сейчас находится в том же положении, что и Европа 25 лет назад. Количество автомобилей на душу населения непрерывно растет, власти занимаются расширением дорог и строительством автомобильных развязок. Это абсолютно не решает проблему транспортного коллапса, характерного для большинства российских

городов. Решение проблемы не в строительстве новых дорог, а в развитии системы общественного транспорта, устройстве удобных пешеходных и велосипедных путей для горожан. Трафик, по словам Айренса, не возникает сам по себе, он создается людьми. Ограничивая личный транспорт и развивая общественный, мы повышаем качество городской среды и улучшаем экологию, получаем дополнительное место для общественных пространств. В результате последовательных действий немецких властей количество личного автотранспорта на душу населения начало снижаться. В Берлине сейчас оно составляет 300 автомобилей на душу населения. В подтверждение выступления представителей Германии Мейрон Кирк сообщил о проектах создания новых пешеходных улиц в Лондоне.

Первый проект был использован для привлечения частных инвестиций от девелоперов и ритейлеров для проектирования привлекательных общественных пространств, которые, в свою очередь, повышают проходимость, а следовательно, и прибыль торговых объектов и предприятий обслуживания. Проект развития прибрежной территории в Южном Лондоне показал, что общественные пространства могут быть успешно созданы путем постоянного взаимодействия с общественностью в процессе проектирования. Вовлечение городского сообщества было разбито на три этапа: исследования, консультации и образование. Эль Шейх Набиль Менхем на примере двух проектов новой Миланской ярмарки продемонстрировал, что при проектировании общественных пространств необходимо учитывать культуру, менталитет и традиции местных жителей.

Для каждого города и каждого места необходим свой индивидуальный подход, который будет принимать в расчет желания и потребности населения. Алексис Конеса подчеркнул необходимость создания непрерывных пешеходных маршрутов в городах.

Планируя городское пространство, необходимо изучить все связи между городской средой и поведением жителей. Общественные пространства должны быть использованы как населением, проживающим в непосредственной близости от данного места, так и жителями других городских районов. Однако для российских участников симпозиума дискриминация личного автотранспорта пока выглядит нереализуемой. Иван Хомутильников, комментируя предложения европейских коллег, считает, что россияне пока не готовы отказаться от личного автомобиля в пользу общественного транспорта. Большинство жителей наших городов к этому ментально не готовы. Никола Бушо в своем выступлении задался вопросом: что такое общественные пространства для разных групп населения? Если в нашем стандартном представлении это парки и скверы, городские площади, то в понимании разных молодежных групп это могут быть пространства у заборов с граффити, подземные переходы или станции метро.

Также необходимо думать над новыми смыслами общественных пространств в эпоху глобальных систем связи, «гаджетизации» всего населения, массовости использования сервисов GPS и социальных сетей. Как совместить реальные и виртуальные общественные пространства и нужно ли это делать? По словам Никола, этот вопрос в ближайшее время появится в

повестке дня всех мировых городов

Однако, как сообщил в своем выступлении Альберт Каримов, в российских городах пока практически невозможно внедрять передовой европейский опыт. Для реализации проекта иннограда Сколково и строительства олимпийских объектов в Сочи пришлось отменить на этих территориях достаточно большое количество российских законов и нормативных актов. Это говорит о необходимости масштабного изменения российского законодательства.

О необходимости повышения внимания властей к проблемам развития городов говорил и Александр Клевакин. По его словам, сложившийся дефицит урбанизма и преобладание интересов девелоперов над интересами городского сообщества и профессиональным мнением архитекторов и градостроителей, приводит к хаосу в городах, отсутствию градостроительной политики и недоверию к власти. Романа Цилятковска в своем докладе сделала акцент на то, что города должны сохранять свою аутентичность, помнить свои исторические корни и особенности. Романа рассказала, используя в качестве примера свой родной город Гданьск, как в начале 2000-х годов была разработана программа устойчивого развития города, позволяющая совместить современную архитектуру с исторической.

Вечером второго дня Френк ван дер Ховен и Мейрон Кирк провели мастер-класс в Доме архитектора, где после состоялся приветственный ужин от ИрГТУ и Alliance Francaise.

Организаторы провели презентацию Зимнего университета и Les Ateliers, а также Летней мастерской в Иркутске.

21 февраля эксперты проводили

открытые лекции для студентов и преподавателей ИрГТУ, а Никола Бушо провел мастер-класс в Доме архитектора.

В этот же день состоялась встреча немецких экспертов и представителей Зимнего университета с министром строительства, дорожного хозяйства Иркутской области Михаилом Литвиным. Зимний университет представляли специалисты Транспортной лаборатории ИрГТУ Александр Михайлов и Алексей Левашев. Из международных экспертов сессии присутствовали Барбара Энгель, Герд-Аксель Аренс и Вальтер Фогт.

В ходе этой встречи ее участники обсудили наиболее актуальные для Иркутска вопросы транспортной инфраструктуры, такие как реконструкция ул. Пискунова с созданием скоростного кольца по периферии центра Иркутска, перспективы развития федеральной автомобильной дороги Р-258 «Байкал» в районе г. Слюдянки Иркутской области, а также проблемы развития транспортной системы Иркутска и пути их решения. Основываясь на рекомендациях немецких специалистов, Михаил Литвин предложил предварительную программу сотрудничества администрации Иркутской области и немецких проектных и высших учебных заведений по поддержке проектов развития транспортной системы Иркутской области. Зимний университет и в дальнейшем надеется на сотрудничество и обмен опытом в различных областях градостроительства.

**Анна Ведерникова
с использованием материалов
модератора симпозиума
Алексея Козьмина**

XIV сессия Зимнего университета

организаторы

Научный исследовательский Иркутский государственный технический университет

Летние мастерские Европейского университета градостроительства г. Сержи-Понтуа, Франция

правительство Иркутской области

администрация города Иркутска

Востоксибакадцентр РААСН

ИРО Союза архитекторов России

генеральный спонсор

ФСК «Новый город»

спонсоры

ЗАО ПИИ «ГорПроект»

ОАО «Иркутский Промстройпроект»

ОАО «Сибавиастрой»

ОАО «Иркутскгипродорнии»

ОАО «Агентство развития памятников Иркутска»

ООО «СТБ-Проект»

СРО НП «БОАИИ»

СРО НП «БайкалРегионПроект»

партнеры

ЗАО «Байкалвестком»

WBC AIR

типография «Братья Пилоты»

Галерея Революция

книготорговая фирма

«ПродаЛитЪ»

генеральный информационный интернет-партнер

Archi.ru (российский архитектурный web-портал)

Быть неравнодушным к городу и причастным к его развитию и сохранению – именно такую возможность предлагает Зимний университет молодым специалистам в области архитектуры и градостроительства и любому жителю Иркутска. Используя многолетний опыт европейских градостроительных мастерских Les Ateliers (г. Сержи-Понтуа, Франция) в разработке концепций и практик проектов городской среды, в рамках мастерской для решения актуальных задач градопланирования нашего города применяется комплексный подход к проектированию – в процессе формирования стратегий и методик участвуют специалисты разных, но смежных специальностей: урбанистики, экологии, дизайна, социологии, транспорта, психологии и других.

В течение трех недель участники XIV сессии Зимнего университета из десяти стран мира работали над разработкой концепций в рамках темы «Модернизация городской среды. Формирование системы общественно-рекреационных пространств в городе».

Городская среда – одна из тем, которые актуальны как для российского, так и международного профессионального сообщества, и команды-конкурсанты представили различные подходы по разработке общественных пространств на примере своих проектов на разных площадках Иркутска. Качественно новый подход в разработке типологии общественных и рекреационных пространств и возможность реализации проектов

уже сегодня – вот то, что единодушно отметили международные эксперты в представленных работах команд.

Общественные пространства Иркутска, утратившие свое значение за последние годы, промышленные зоны, берега Ангары и малых рек и ручьев, существующие площади и скверы, не отвечающие новым стандартам качества среды, требуют современных решений и методов их реализации. Именно на этом акцентировала свое внимание пилот сессии Елена Григорьева.

В процессе организации и проведения XIV сессии Зимнего университета были введены новшества, которые способствовали повышению уровня мастерской в целом: двухсторонний (Иркутск, Россия – Сержи-Понтуа, Франция) отбор участников и ассистентов, разработка полного комплекта отчетных документов по требованиям европейских градостроительных мастерских Les Ateliers, работа над опорными, подготовительными материалами сессии пилота сессии Елены Григорьевой и ассистента Анна Ведерниковой.

Материалы сессии были выпущены в виде буклетов. «Презентационный документ» сформирован организаторами и дополнен местными экспертами и партнерами. Цель этого документа – представить тему сессии будущим участникам и экспертам и обозначить ее основные вопросы. «Аналитический документ» составлен пилотом сессии и ассистентами пилота и содержит основную информацию о площадках проектирования, материалы Международной конференции

и вводные данные. Документ был разослан участникам и ассистентам до начала сессии для ознакомления с аналитическим материалом. «Журнал сессии» был сформирован на протяжении сессии и включил в себя дневник сессии, проекты команд и материалы симпозиума, состав команд участников, российский и международного жюри сессии. «Досье» – это анализ сессии и проектов команд. Все представленные проектные решения получили экспертную оценку, пилотом сессии были даны рекомендации по применению решений к городу Иркутску на сегодняшний день и в перспективе развития в будущем.

Так же была проведена совместная полноценная и эффективная работа ИРО САР, руководства Зимнего университета и Института архитектуры и строительства с кафедрой архитектурного проектирования ИрГТУ.

Организация учебного процесса по дисциплине «архитектурное проектирование» позволила оптимизировать работу над темой и существенно ускорить процесс генерирования основных идей на каждом этапе проектирования. В работе приняли участие более 50 студентов старших курсов кафедры архитектурного проектирования под руководством профессора С. Н. Элояна, доцентов кафедры архитектурного проектирования Л. Н. Макогон, Е. В. Хохрина, А. А. Ляпина, ст. преподавателей кафедры Е. А. Михайлик и С. А. Смолькова.

Опыт внедрения прогрессивных инноваций в учебный процесс, полученный в ходе подготовки к зимней сессии Зимнего университета в 2013

году, будет положен в основу дальнейшей реорганизации методической работы и усовершенствования форм и методов обучения в рамках федерального государственного образовательного стандарта третьего поколения.

Подготовка и работа сессии начались с выбора темы с представителями ученого совета Зимнего университета и Les Ateliers, а конкретные площадки для проектирования были согласованы в рамках международной конференции «Модернизация городской среды. Общественно-рекреационные пространства города». Для конкурсного концептуального проектирования международным командам были предоставлены шесть площадок, одна из которых – исторический центр города – была общей для всех команд.

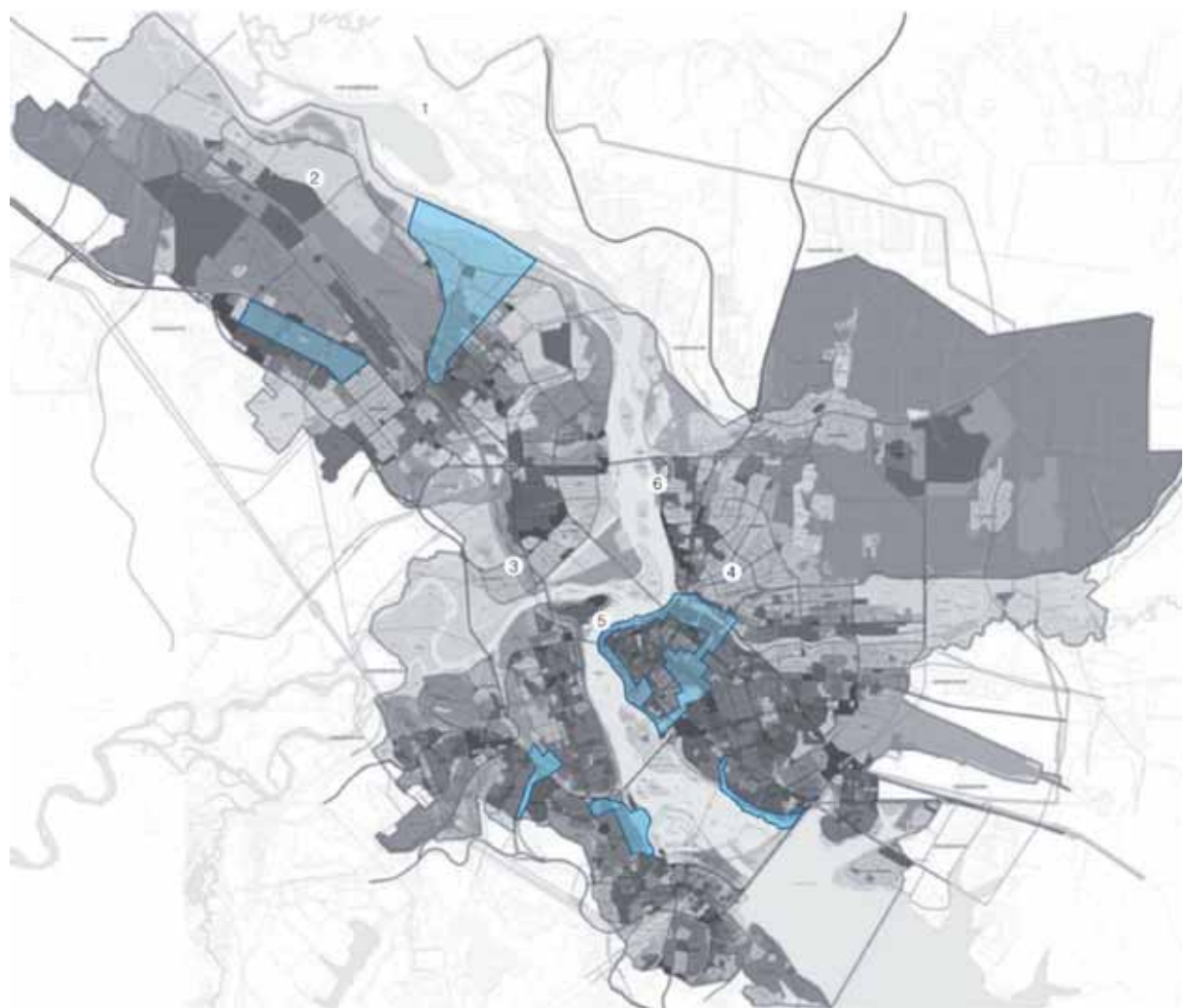
Исторический центр – ядро города, имеющего 350-летнюю историю и наделенного официальным статусом исторического поселения федерального значения, внесен в предварительный Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Подавляющая часть территории исторического центра расположена в границах зон охраны объектов культурного наследия и имеет особый (охранный) режим землепользования и застройки.

Боково (Иркутск II) – периферия жилого района при крупном авиастроительном заводе. Жилой район расположен на тупиковом транспортном направлении в отдалении от основной части города. Территория представляет собой кварталы усадеб-

ной застройки с низким уровнем благоустройства, крупный массив одноэтажных боксовых гаражей и предприятие по добыче песчано-гравийной смеси. В совокупности перечисленные объекты изолируют жилой

район авиастроителей от прибрежной территории реки Ангары.

Ново-Ленино – крупный жилой район при северо-западном промышленном узле. Расположен на значительном расстоянии от основной

информационные партнеры

издательство TATLIN
архитектурный журнал «Проект Байкал»
архитектурный журнал «Проект Россия»
издательский дом «Конкорд»
издательский дом «Град-инфо»
газета «Союз архитекторов России»
журнал «Строим вместе»
журнал «Сити-менеджер»

части города вдоль автодороги Новосибирск – Иркутск. Жилая застройка построена по типовым проектам и представляет собой классические советские микрорайоны, укомплектованные стандартным набором объектов социально-культурного обслуживания. В связи с удаленностью стоимость жилой недвижимости невысокая. В настоящее время на свободных территориях ведется строительство трех новых жилых микрорайонов, которыми завершается формирование жилого района.

Падь Долгая – долина ручья, разделяющая жилые микрорайоны Университетский и Первомайский. Территория расположена в срединной части города на его скоростном транспортном кольце. Микрорайоны Университетский и Первомайский представлены массовой высокоплотной многоэтажной застройкой позднего советского периода (конец 1980-х). Падь Долгая представляет собой захлавленную неблагоустроенную территорию, которая не интегрирована в окружение: районы обращены к пади тылом, отсутствует взаимосвязь с районными центрами обслуживания, падь изолирована от крупного рекреационного объекта – Кайской рощи.

Бульвар Постышева (Нижняя Лисиха). Нижняя Лисиха – строящийся жилой район. Расположен на правом берегу реки Ангары в непосредственной близости от центра города вдоль его главной градостроительной оси. Представляет собой чересполосицу разновременной многоэтажной жилой застройкой, участков нефунк-

ционирующих предприятий строительной индустрии и крупных массивов одноэтажных боксовых гаражей. Современное хаотичное строительство многоэтажных жилых комплексов ведется без соответствующего развития инфраструктуры.

Острова Академгородка (Академгородок). Академгородок – комфортный жилой район при крупном научном центре. Расположен на левом берегу Ангары в срединной части города вдоль его скоростного транспортного кольца. Сложен тремя микрорайонами с относительно низкой плотностью жилой застройки, высоким уровнем озеленения и благоустройства. В связи с престижностью района стоимость жилой недвижимости высокая. В настоящее время в створе моста через Ангару ведется строительство многофункционального общественного центра городского значения.

Работа международных команд разделилась на несколько этапов: концепция, стратегия, проект. Первые дни, после официальной церемонии открытия и презентации домашних проектов всех участников, были посвящены вводным лекциям от местных специалистов и экспертов, экскурсионным обзорам, осмыслению контекста города. Многие команды отправились на свои площадки, чтобы подробно изучить обстановку и еще раз более детально рассмотреть все особенности проектирования.

Задачей первой недели была разработка общей концепции проекта, которую участники представили на первом промежуточном просмотре, по

условиям мастерской, в виде ручной графики с использованием скетчей и схем, сделанных на бумаге. В выходной день у приезжих участников состоялось первое знакомство с озером Байкал – поездка по Кругобайкальской железной дороге на турабазу «Ангасолка».

Целью второй недели стала формулировка стратегии формирования системы общественных пространств в масштабе города, и в целом команды успешно с ней справились. Все члены жюри отметили высокий уровень работы и большой прогресс команд. Достойной наградой за плодотворную работу всем ребятам стала экскурсия в поселок Листвянка и музей деревянного зодчества «Тальцы».

Во время финальной рабочей недели в Иркутск прибыли представители российского и международного экспертного жюри: Барбара Энгель (Дрезден, Германия), Вальтер Фогт (Штутгарт, Германия), Герд-Аксель Айренс (Дрезден, Германия), Никола Бушо (Париж, Франция), Доминик Бадариотти (Страсбург, Франция), Алексис Конеса (Страсбург, Франция), Оливье Годет (Париж, Франция), Леа Морфуас (Париж, Франция), Мейрон Кирк (Лондон, Великобритания), Френк Ван дер Ховен (Делфт, Нидерланды), Эль Шейх Набил Менхем (Бейрут, Ливан), Романа Цилятковска (Гданьск, Польша), Альберт Каримов (Омск, Россия), Михаил Шубенков (Москва, Россия), Сергей Дамберг (Псков, Россия), Сергей Сена (Волгоград, Россия), Александр Клевакин (Новосибирск, Россия).

В рамках XIV сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета 19–20 февраля состоялся международный научно-практический симпозиум. Тема симпозиума была неразрывно связана с темой сессии. Модератором симпозиума выступил Алексей Козьмин, эксперт по региональному развитию, советник мэра г. Северска Томской области. Встреча команд с международными экспертами подтолкнула участников к новым идеям для подготовки финальных проектов.

Финальную презентацию открыла директор Зимнего университета

Александра Козак. В церемонии участвовали заместитель председателя правительства Иркутской области Николай Хиценко и мэр Иркутска Виктор Кондрашев. Участников приветствовали ректор НИ ИрГТУ Иван Головных, пилот сессии Елена Григорьева и председатель правления ИРО САР Игорь Козак. От имени наших французских коллег Les Ateliers выступила заместитель директора Леа Морфуа. После представления интернациональной команды жюри наступило время итоговых презентаций. Затем члены жюри, ассистенты и оргкомитет резюмировали свои впечатления. В этом году

организаторы не ставили цель определить победителя, главной задачей жюри было выявить решения, которые применимы к Иркутску и уже завтра могут быть воплощены. Но Зимний университет – это все же конкурс, и победителем XIV сессии стала команда Е «Городские кочевники».

Достойным финалом сессии стала поездка на Байкал. Традиционные зимние развлечения и великолепная сибирская природа окончательно подружила всех участников зимника и оставила добрые воспоминания.

Евгения Ямова

Team A (Irkutsk Patchwork)
Let's stitch!

Irkutsk is a multinational and multicultural city of incredible contrasts. It connects traditions and features of different people, nations, styles and periods. Its whole territory looks like a canvas divided by streets and highways into many various zones with different types of architecture, different scales and functional content. These spaces are for people with different ages, temperament, charac-

ters, interests and needs.

The question is: how can we connect these dissimilar, sometimes opposite pieces to create a united space for everybody?

It resulted in a "patchwork" system that could be applied throughout the city. There are several types of existing spaces, for example zones with different architectural scales, streets, pedestrian paths, boulevards and courtyards. And these diverse spaces need to be stitched to one simple and clear system for the whole city of Irkutsk.

Stitches are a metaphor for public spaces on different layers.

Informal spaces. We decided not to focus on popular public spaces but on informal ones. It is necessary to develop a system for informal public space to raise the level of quality for

now and in the future. As a result the quality of the whole city will be improved, and in the end it will enrich the life of the people.

Participation of inhabitants. In the city we – as young professionals of built environment – analyzed the public spaces in general. We also asked people – as professionals of Irkutsk – about their favorite informal public space.

At first to involve the habitants into the planning process and secondly so we can analyze the features of their favorite places and add these features into our system.

Analyses. The spaces are formed by architectural borders. We observed many kinds of borders in Irkutsk. For example single-floor houses next to high-rise offices, wooden houses built in 17th century's architectural style or in a modern way only a few years ago.

Other borders that are widespread over the city are fences of construction sites and fences as barriers between different functional zones in streets.

All different elements make the public space nowadays chaotic, instead of merging the different blocks together.

Toolbox. Our survey with inhabitants brought us knowledge about special features of public space which make them likable and usable. We divided them into different levels: underground, ground, vegetation, furniture, facade and overhead. All these levels contain basic instruments which are designed especially for Irkutsk according to the people's needs and, of course, to the different climate during summer and winter.

Use of toolbox throughout the different public spaces of city. The toolbox should be

Работы команд / Teams' projects

Команда А (Лоскутное одеяло)

Участники команды сравнили территорию Иркутска с полотном, разделенным улицами и магистралями на множество зон с разнообразными типами архитектуры, разным масштабом и функциональным наполнением, с разным темпераментом, характером, интересами и нуждами. Так родилась симпатичная концепция Patchwork, в которой разные участки набережной и район Лисиха соединяются между собой и с водой.

Большое внимание в проекте уделено неформальным пространствам как связанным с ежедневной жизнью людей, а также участию жителей путем опросов в процессе проектирования. Анализ пространств позволил определить их архитектурные «границы»: одноэтажные дома стоят рядом с высотными офисными зданиями, старинными деревянными постройками или с современной застройкой

последних лет. Кроме того, это ограждения строительных площадок, разные функциональных зон улиц.

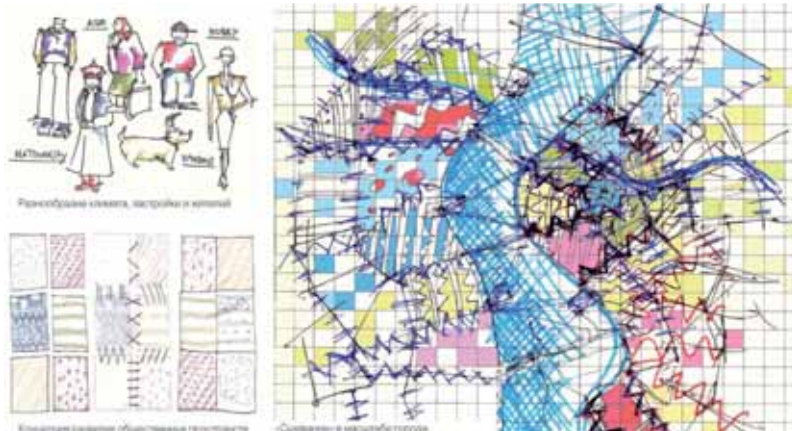
Проектные предложения для создания новой набережной в Лисихе разработаны с учетом особенностей района, расположенного недалеко от центра города, рядом с плотиной, между р. Ангарой и ул. Байкальской. Уникальное местоположение района делает его престижным. Новая набережная должна гармонично вписаться в жилую среду, а также стать рекреационной зоной. Доступность берега для горожан следует улучшить – создать возможность попасть на набережную по воде (на лодке или на судне с воздушной подушкой), пешком или на велосипеде по новым связующим элементам между разными частями набережной и островами. Таким образом, предлагается связать («прошить стежками») разные участки набережной и Лисиху с рекой в целом.

Team A

1. Anna Mokeeva / Architect / Russia, Volgograd
  2. Annalena Nцkel / Civil engineer / Germany, Stuttgart
  3. Camille Boulouis / Designer / France, Paris
  4. Daria Kulesh / Designer / Russia, Irkutsk
  5. Jolijn van den Berg / Urban designer / Netherlands, Breda
  6. Mariya Goryachaya / Architect / Russia, Irkutsk
- Assistant: Anna Lipman / Architect / Russia, Nizhny Novgorod

Команда А

1. Анна Мокеева / архитектор / Волгоград, Россия
  2. Аннелена Некель / инженер-строитель / Штутгарт, Германия
  3. Камиль Булуа / дизайнер / Париж, Франция
  4. Дарья Кулеш / дизайнер / Иркутск, Россия
  5. Джолин ван ден Берг / градостроитель / Бреда, Нидерланды
  6. Мария Горячая / архитектор / Иркутск, Россия
- Ассистент: Анна Липман / архитектор / Нижний Новгород, Россия

usable for development of public spaces in the existing city and in areas that are still under construction.

Design proposal. A new waterfront for Lisiha. This district is located in the southern part of the embankment near the dam between the Angara river and the Baikal'skaya street. It's the residential area of approximately 20.000 people, and the number of inhabitants is still growing. Because of the unique location close to the city center, the area is quite wealthy. That gathers all elements to do a proposal for improvement of the public space and a opportunity to use our toolbox.

The new embankment should be a direct living environment for the inhabitants, but it will also occupy a position as recreational function for the whole city. The accessibility of

Lisiha should be improved. We propose the possibility to enter the site also by boat or hovercraft and by foot or bike over the new connections between the different and individual parts of the embankment and the islands. We literally stitch the different patches of the embankment and the Lisiha district with the water.

Accessibility and activities. The infrastructural entries to the site will be improved as real entrances. The pedestrian underpasses at Baikal'skaya street will guide the visitors towards the waterfront and its functions.

One bus route will be extended to reach the waterfront, so we opened the toolbox and added the design of a bus stop.

To stitch Lisiha with the river, we introduce a new sort of waterfront where people can lite-

rally touch the water. With a very simple, but sustainable and ecological construction of floating docks we connect different functions on and near the water.

We focus on outdoor sport activities during summer and winter to create a lively site all over the year.

Near the dam, as an ending of the embankment, we propose an indoor sport center for usage on a city scale. We also give investors chances to realize a hotel, bar and restaurant, a campsite, kiosks and of course there are spaces for art and self-expression for the inhabitants.

Strolling area. All pedestrians can create their own way over the floating docks and along the river. You choose if you want a 10 minutes stroll or you can have a walk for half a day. This is also a way to create a place that can be

attended in winter but also in summer. The floating docks are only accessible for non motorized traffic and connected to the boulevard which is also downgraded for motorized transport.

Irkutsk in the future. This design is a long term proposal, but we are convinced of the useful toolbox to stitch the divers city of Irkutsk. We can start stitching tomorrow on the micro scale as well as on the scale of the whole city in the future.

Инфраструктура доступов на площадку разработана подобно входным группам. Подземные пешеходные переходы через ул. Байкальскую будут вести горожан прямо к прибрежной территории. Чтобы упростить доступ к набережной, команда предлагает разработать удобные автобусные маршруты (с разработкой дизайна автобусной остановки).

Для «сшивания» Лисихи с рекой введен новый вид набережной, на которой можно коснуться рукой водной поверхности. Устройством простых, но устойчивых и экологических плавучих доков решено связать различные сооружения на воде и рядом с ней. По замыслу команды, на набережной должны быть созданы условия для круглогодичного активного отдыха горожан. Недалеко от плотины, как завершение набережной, предлагается создать крытый спорткомплекс городского масштаба с дополнительными функциями (отель, магазины, салоны красоты, арт-площадки и т. д.). Прогулочную зону предлагается создать вдоль реки или по плавучим докам, которые доступны только для безмоторного трафика и связаны с бульваром, также недоступным для автомобильного движения.

Проект задуман долгосрочным. Команда убеждена в пользе «инструментария» для «сшивания» разнообразных пространств Иркутска и может начать «сшивать» район уже завтра на микроуровне или в масштабе города в будущем.

Team B

The connective green trail

Our objective:

After considering the many problems and potentials of Irkutsk and the districts that were assigned to us (city center and novo-Lenin), we wondered what do we intend to achieve by solving these public spaces? What public spaces should we target? What are the priorities?

How do we manage these spaces? Why should we develop certain spaces? And how can we connect the chaotic urban structure that exists with a

coherent unifying system?

If we intend to solve the problems stated above, we should firstly understand what is a public space? Why is it important? And how can we create a successful public space?

The notion of public space is intimately related to the conception of public life.

These collective spaces are generally considered as areas of communications that are vital for the social life of a community.

Public spaces allow the citizens to build a positive image of themselves;

they give the city its reputation and regional attraction.

Therefore the inapt development of the public space will lead to an unfit public life that will influence the entire city in a negative way.

The public space that will provide a good public life must be: lively, healthy, attractive, sustainable and safe.

That's why we should always put "pedestrian first" by developing "people capacities" instead of "vehicular capacities".

The urban structure of Irkutsk already presents many opportunities to

Команда В (Связующий зеленый путь)

Понятие общественного пространства тесно связано с концепцией общественной жизни. Эти пространства, как правило, рассматриваются как территории для встреч, общения и взаимодействия людей, необходимых для социальной жизни современного общества. Общественные пространства позволяют создать позитивный образ города, сделать его привлекательным для жизни. Поэтому неграмотное развитие общественных пространств может привести к неблагоприятному развитию общественной жизни города, что негативно скажется на его репутации. Общественные места, которые способствуют развитию социальной жизни, должны быть привлекательными, жизнеспособными, устойчивыми и безопасными.

Развивая общественные пространства для таких площадок, как центр города и микрорайон Ново-Ленино, команда особое внимание уделяет транспортной схеме. Для разгрузки

проблемных участков предлагается уменьшить количество машин в центральной зоне путем функциональной разгрузки центра, например через создание альтернативных центров в городских районах; создать транспортное кольцо, что позволит перемещаться из района в район, не заезжая в центральную часть; развивать альтернативный транспорт с акцентом на электрический (от трамвая и троллейбуса до фуникулера и велосипеда).

Объединение районов города друг с другом системой зеленых улиц и детальной проработка внутрирайонных связей позволят устранить социальную и территориальную отдаленность, от которой страдает Ново-Ленино.

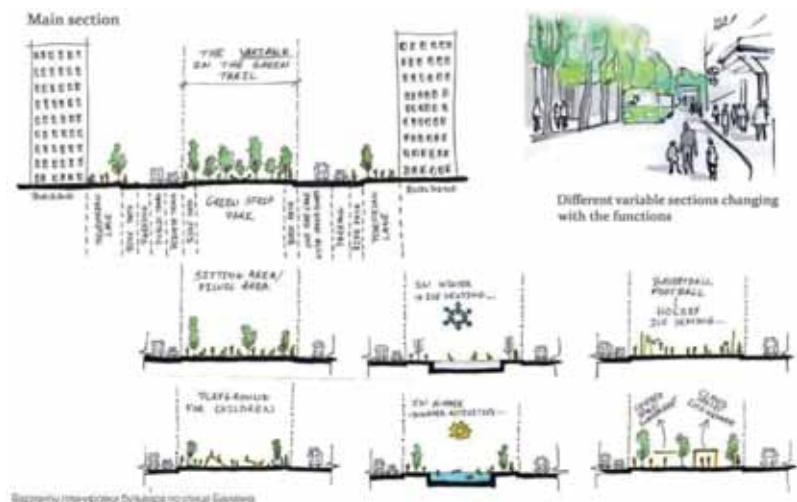
Основой концепции является создание зеленого пути, который объединит большинство существующих и потенциальных рекреационных территорий города. На этом пути создаются точки, которые следует модернизировать, обращая внимание на транспорт (как общественный, так и

Team B

1. Alona Bakalets / Sociologist and Urban Planner / France, Lyon
  2. Daria Kremleva / Architect / Russia, Irkutsk
  3. Ekaterina Ivanchenko / Transport Engineer / Russia, Irkutsk
  4. Emil Semaan / Architect / Lebanon, Kaslik
  5. Mebrouk Louchani / Architect and Town Planner / Algeria, Algeria
  6. Valeria Kol'gan / Architect / Russia, Irkutsk
- Assistant: Dimitry Vorobyev / Sociologist / Russia, Saint Petersburg

Команда В

1. Алена Бекалец / социолог и градостроитель / Лион, Франция
  2. Дарья Кремлева / архитектор / Иркутск, Россия
  3. Екатерина Иванченко / инженер транспорта / Иркутск, Россия
  4. Эмиль Семан / архитектор / Каслик, Ливан
  5. Мабрук Лучани / архитектор и градостроитель / Алжир, Алжир
  6. Валерия Кольган / архитектор / Иркутск, Россия
- Ассистент: Дмитрий Воробьев / социолог / Санкт-Петербург, Россия

develop such kind of high quality public life, space and capacities.

Thus, by developing the kind of spaces stated above we intend to revitalize the city and our specific areas. Mainly we want to solve the global issue of transport because the streets are considered as the primal public space. We want to decentralize the center that is suffering from too many functions and too much traffic while preserving and developing its historical and cultural value. We also want to eliminate the social and physical segregation that Novo-Lenino is suffering from;

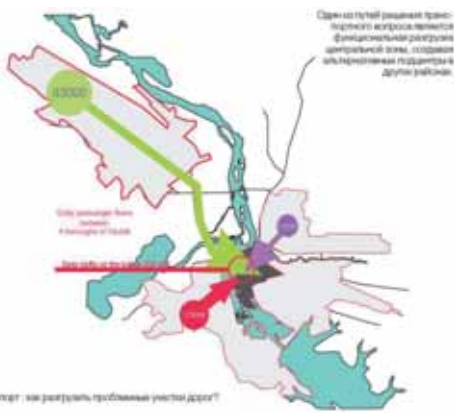
we want to bring it out of its isolation and knit this area with its surrounding while solving its internal problems. Finally, we would like to bring these completely different areas together through a singular harmonized unifying system.

Our concept

Our proposal is the implementation of a system of connected public spaces: "the Green Trail" infiltrating the different areas of the city creating connective spaces between existing public spaces, marginalized places and new

ones. The main element of this system is the streets: our first intervention is the upgrade of these streets and transport: paying attention to pedestrian ways, bicycle paths, public transport and private vehicles. Our second intervention is the rehabilitation of important existing public spaces: making these spaces attractive by inserting certain structures that will be functional in winter and summer.

Different variables of this system and how it works will become clearer as we focus on our specific areas (the center and Novo-Lenino).

частный), тротуары и велосипедные дорожки. Второй шаг – реабилитация уже существующих общественных пространств. Необходимо сделать эти пространства привлекательными для всепогодного использования. Применяя эти наработки к проектным площадкам, команда использовала данную систему с учетом специфики и проблем территорий.

Team C
Participative public spaces

What trends can we observe in Irkutsk?

An imbalance between private and public interests in the current urban development. At the moment, the urban development processes are typically initiated by private investors and developers. There is a perceptible dominance of private sector's profit making over the recogni-

tion of public interests.

A planning practice that keeps focusing on the "material city", in a top-down imposed system, functional zoning.

Shrinking, alteration of public spaces in their common acceptance, as a spatial entity open and accessible to everybody: they have been standardised, privatised, secured or abandoned, become places to be consumed.

There is a sum of undefined, underused or exclusive spaces, that we identified in 4 typical categories (underused courtyards, undefined public spaces, developed public spaces and exceptional opportunities).

Concept. We have been asked to work and think about the modernisation of the

city environment and the creation of a network of public spaces.

Modernisation of the city environment means for us above all modernisation of the way we produce public spaces.

We think that a new policy of public spaces in Irkutsk is a fundamental step to be able to develop a network in the future.

We have to look for a more flexible and informal practice that enables a real diversity of uses/users and that reflects people's expectations.

The empowerment/involvement of the people is the starting point of our concept, as it is crucial to achieve a sustainable and balanced spatial development and urban environment.

We would like to create the possibilities for people to build, shape, work on their environment, so they are able to create their own public spaces.

Small projects, developed by and with people from the beginning and at all steps, are more likely to make sense for them, meet their needs and wishes, be implemented quickly, and be cost effective.

Than any project which would only be decided by usual specialists. The underlying idea/principle is that the people, as users, are specialist of public spaces. They know their needs, preferences, wishes,... and also have the best knowledge of the places, its uses, misuses, issues...

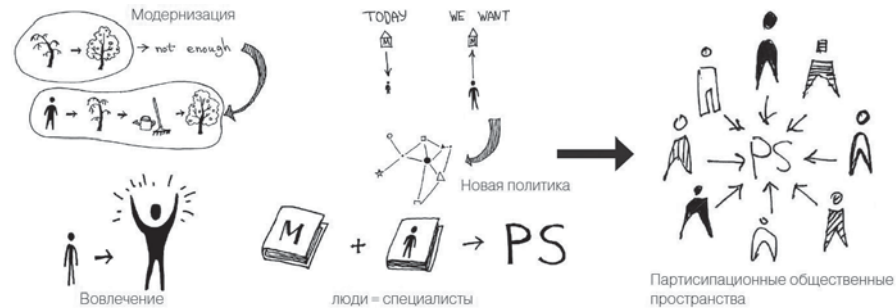

Team C

1. Anastasia Kurtish / Architect / Irkutsk, Russia
  2. Anastasia Repina / Architect / Irkutsk, Russia
  3. Antoine Thevenet / Urban Planner / London, United Kingdom
  4. Bertrand Caty / Urban Planner / Strasbourg, France
  5. Nataliya Kalinovskaya / Architect / Volgograd, Russia
  6. Pavel Dorofeev / Architect / Irkutsk, Russia
- Assistant: Diana Felber / Architect / Germany, Drezden

Команда С

1. Анастасия Куртиш / архитектор / Иркутск, Россия
  2. Анастасия Репина / архитектор / Иркутск, Россия
  3. Антуан Тевенет / градостроитель / Лондон, Великобритания
  4. Бертран Кати / градостроитель / Страсбург, Франция
  5. Наталья Калиновская / архитектор / Волгоград, Россия
  6. Павел Дорофеев / архитектор / Иркутск, Россия
- Ассистент: Диана Фелбер / архитектор / Дрезден, Германия

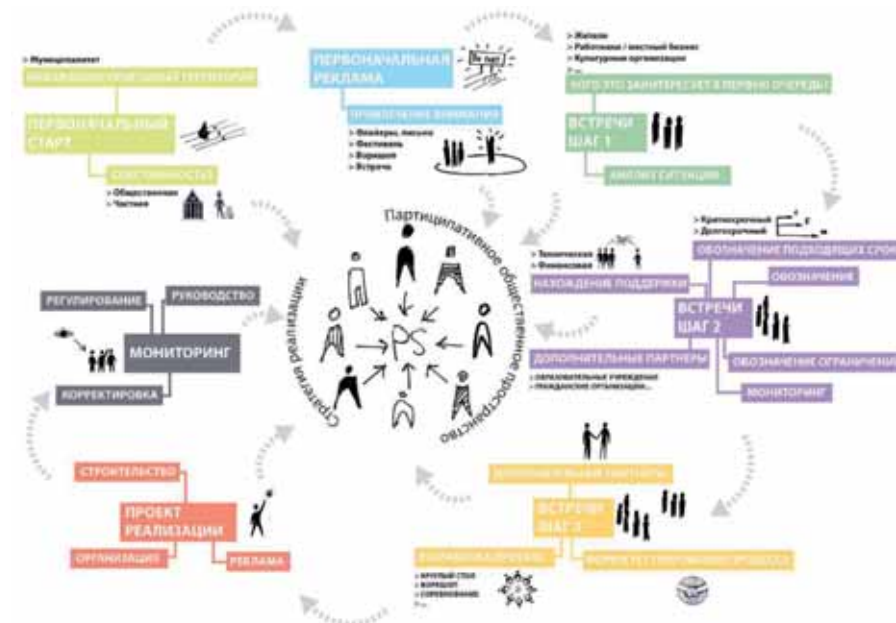

Команда С (Партиципационные общественные пространства)

Анализ ситуации в Иркутске позволяет увидеть дисбаланс общественных и коммерческих интересов в развитии города. В его основе лежит повсеместное влияние интересов

частных инвесторов, преобладающих над общественными интересами.

Основная идея проекта заключается в привлечении жителей к процессу формирования городской среды, поскольку только сами горожане знают свои потребности, предпочте-

Our proposition is a Participative public spaces policy, able to develop common initiatives, which could be material (facilities, installations, furniture, exhibitions...), but also immaterial (mobilisation, exchange of know-how...), temporary or long term. It paves the way for a DiverCity of uses/users and spaces.

Strategy to develop participative and creative public spaces projects

The participation in spatial planning remains dysfunctional in Irkutsk: the possibilities to influence the masterplan are really passive and narrow, happen too late in the process.

Also, people often don't have the skills to participate. People, residents are not

used to that participation, they will probably not make proposals or show initiative spontaneously. So it's really important that the municipality plays a new role as a project stimulator, moderator and supporter.

Identify territories of opportunity: "spots"

Work with people from the beginning
Find ways to catch people's interest in meetings, workshops and events.

Develop a partnership approach and identify the stakeholders

Partners can provide innovative ideas, technical and financial support, joint advertisement/marketing and fundraising.

Who are they? Municipal agencies (different departments), institutions, cultural and educational organisations (schools, universities, museums...), local businesses and merchants, civic associations, societies, generous neighbours...

Many major projects are cancelled because they are too big, too expensive and take too long to be implemented.

Short-term, temporary actions, cheap improvements can both help in testing ideas, developing creativity and in giving people the confidence that change is happening and that their ideas matter. This sense of ownership is essential because it increases people's support and contributions.

Then, the space can grow by experimenting, evaluating and incorporating the lessons in the next steps.

Management: take care of the space

The public spaces have to be well looked after. They are not static, the municipality will have to work with the people, propose new events, notice changes in the use of the space and act on them for example.

ния, пожелания, а также пространство, в котором живут.

По мнению участников, территорию исторического центра города можно условно разделить на четыре категории: развитые и неразвитые общественные пространства, уникальные места и недостаточно используемые двory. Для каждой категории предлагаются различные решения. Для площади перед цирком можно проводить народные гуляния, в неиспользуемом скверике у городской школы искусств создать открытую библиотеку и дискуссионную площадку, территория неработающей ТЭЦ по ул. Сурикова рассматривается как место развития искусства и образования, в малообстроенных дворах исторического центра предполагается разбить небольшие сады.

Воплотить эту идею поможет выделение локальных территорий, обладающих потенциальными возможностями для развития, работа с людьми с первых шагов, поиск путей для привлечения интереса жителей к участию во встречах, воркшопах, праздниках, стимулирование партнерских отношений и заинтересованных сторон.

Команда делает акцент на краткосрочность, временность действий, относительно недорогие проекты, которые могут помочь тестировать и развивать творческие идеи, стимулировать активность жителей. Пространство становится экспериментальным и развивающимся местом, где есть возможность дальнейшего совершенствования.

Team D

Walking Pattern

From the outset, the structure of our team and our various backgrounds has shaped the development of this project. We believe that because of this, the result is a realistic and implementable system but one that challenges some of the existing culture and preconceptions that we have come across in our investigation. Our first task was to collectively define what we considered to be "public space". It was important for us that the starting point was a universally accepted definition that was understood by all

the team. We have defined public space as somewhere that is open to all. This can be indoor or outdoor space but it must have no restrictions to access.

Diagnosis. Our first realisation when visiting our sites and also in the wider Irkutsk region was that there exists a large amount of "public space", if this is defined (as the municipality seems to) as organised, outdoor recreation space. There however seemed to be an overwhelming reluctance to acknowledge this by the Irkutskian people. The general perception was that there was very little public space within the city.

We have identified two key points that sum up our diagnosis.

– Pedestrian accessibility to these sites is on the whole very poor. Usually surrounded by large roads with crowded parking and unclear crossings, these sites become islands of green space that are isolated from the surrounding area and

do not function as transit spaces.

– Seasonal extremes. The extreme weather conditions in winter results in pedestrians choosing strictly functional routes between various indoor activities.

It also became clear that people were not only unhappy with the perceived amount and quality of public space but that there also did not exist a culture of reaction and opinion in relation to the built environment, that would enable such problems to enter into public conversation.

Objectives

1. Engage citizens with the existing cultural heritage in order to develop a new culture of reaction and engagement in urban affairs.

2. To create an implementable system that aims to highlight the existing character and amenities of the different districts of Irkutsk, to help polycentralise the city through improved walkability and wayfinding.

3. To devise a system of public space that adapts to changing pedestrian behaviour in order to provide quality public space in both winter and summer.

Implementation strategy. In order to achieve our objectives we propose a system of temporary interventions that will improve existing pedestrian walk-ways and serve to link different amenities and spaces depending on the requirements of the site or season. By introducing temporary aspects to the built environment we hope this will provoke reaction and conversation with the people of Irkutsk and in the long term help to portray the urban fabric of the city as a malleable and unknown entity.

These temporary interventions will work to facilitate a long term plan for public walk-ways which will give president to public space and aid urban re-generation and development in Irkutsk.

Walking pattern. These interventions will be constructed from a single modular component

Team D

1. Alisa Druzhinina / Architect / Irkutsk, Russia
  2. Alena Semiusova / Architect / Angarsk, Russia
  3. Anna Vedernikova / Architect/Urban Planner / Irkutsk, Russia
  4. Johanna Filipiak / Urban Planner / Strasbourg, France
  5. Lusia Sorokina / Transport Engineer / Irkutsk, Russia
  6. Melanie Vesters / Bio-engineer/Urban Planner / Brussels, Belgium
- Assistant: Rowan McKay / Architect / United Kingdom, Bristol

Команда D

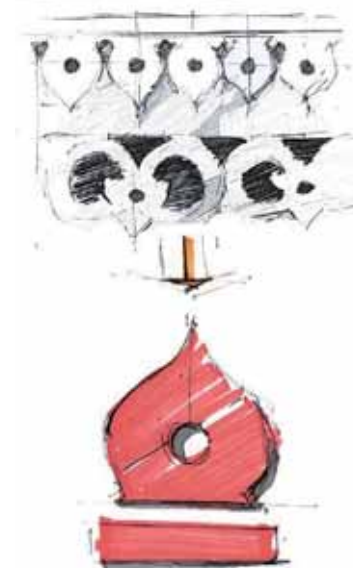
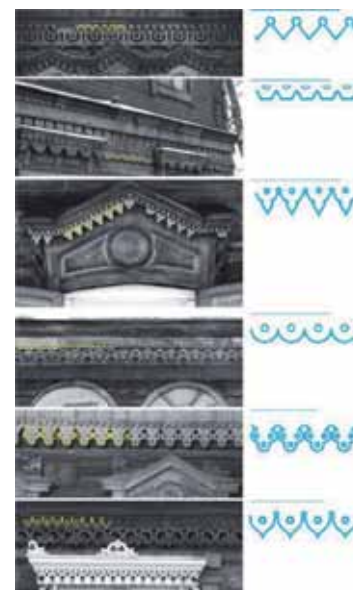
1. Алиса Дружинина / архитектор / Иркутск, Россия
  2. Алена Семиусова / архитектор / Ангарск, Россия
  3. Анна Ведерникова / архитектор и градостроитель / Иркутск, Россия
  4. Джоана Филипак / градостроитель / Страсбург, Франция
  5. Людмила Сорокина / инженер транспорта / Иркутск, Россия
  6. Мелани Вестерс / биоинженер и градостроитель / Брюссель, Бельгия
- Ассистент: Рован Маккей / архитектор / Бристоль, Великобритания

Команда D (Walking Pattern)

В основе концепции лежит понимание общественного пространства как места, открытого для всех (оно может быть как внутри помещения, так и снаружи, но оно не должно иметь ограничений для доступа). Команда предложила улучшить существующие пешеходные маршруты, которые послужат связью между общественными пространствами посредством временных вмешательств в городскую среду. Тем самым авторы концепции надеются подтолкнуть людей к диалогу и в долгосрочной перспективе создать гибкую, изменчивую городскую ткань.

Вмешательства будут акцентировать существующие, интенсивно используемые пешеходные направления, соединяющие основные транспортные узлы с традиционными общественными пространствами. Это поможет повысить уровень пешеходной доступности в районах. Базовый элемент системы внедрений в городскую среду стилизован под абстрактную форму, взятую из классической сибирской резьбы по дереву, является модульным элементом, который будет включаться в городскую среду.

Ведущая роль в реализации данной концепции отводится цвету. Среди существующего городского пейзажа, загроможденного рекламой, бессистемными деталями, система вмешательств будет выделяться на фоне общего стилистического хаоса. Для каждого района определен конкретный цвет, а различия в насыщенности оттенка помогут ориентироваться в пространстве. Например, интенсивность цвета будет ниспадать по мере

that will attach to the existing urban fabric of the city. This component will depict an abstracted form taken from traditional wooden carvings found on the over-hangs of wooden houses in Irkutsk.

Adaptable to each location the component can be used in large numbers to frame an entire road entrance or singularly to clearly mark a route.

Heritage. By aesthetically linking these new interventions to an existing popular heritage style, the system will have a level of familiarity with Irkutskians.

Colour will be the systems strongest asset. In a streetscape cluttered with advertising and branding this system will use continuity in colour break through the confusion.

Differences in saturation or shade will be used to indicate direction, for example towards the river.

The wider network. These interventions will

not stand alone. Simultaneous interventions at locations in various districts across the city will create a network of engaging public spaces. At each location information will display the location of other interventions and routes across the city, situated to compliment the city transport system, this will help to increase the polycentricism of Irkutsk.

In the **city centre** we propose to use this system primarily in the areas that border the Angara embankment. Because of the large amount of established development in the area, stage 1 of the system will be the most implemented. This will focus the interventions on existing pedestrian traffic routes, breathing new life into existing conventional public space and linking the embankment with key public transport terminals.

The site of **Academgorodok** is a key district for developing the polycentricity of the city. With the creation of the new bridge and the

planned extension of the public transportation network, we propose that the WALKING PATTERNS system be used as the first step in developing this area as the first new centre of a polycentric Irkutsk. For this reason, Stage 3 of the system will be predominantly employed in order to create new links between new functional zones and attract investment in the new possibilities to develop the water-front. Stage 1 will be used to strengthen the existing links with Studgorodok and the existing transport links to the west of the site. While Stage 2 will focus attention on the valley route to the south of the site, linking Academgorodok with the science research park and surrounding woodland.

Influences on the city

The success of this proposal lies not with the physical intervention itself but with the collective perception of multiple interventions, across the entire city over a long time period. It is a system that can adapt to the changing needs of the city but one which serves a simple purpose;

to increase the frequency and quality of pedestrian journeys for the people of Irkutsk.

This simple and implementable purpose can however influence numerous complex urban developments. By increasing accessibility to public transport terminals, these services become a more attractive option. By increasing pedestrian footfall, neglected areas of the city become more attractive for investment. Creating visual continuity across different functional zones makes for a more readable city and can help to develop multi-use neighbourhoods.

приближения к реке. Предполагается, что эти вмешательства не будут точечными. Они будут производиться единовременно, в разных частях по всему городу, создавая сеть пространств и связей между ними.

В городском центре предлагается использовать внедрения преимущественно в районах, прилегающих к набережной Ангары. В Академгородке – ключевом районе для развития новой городской системы – система вмешательств будет использована в развитии района как нового подцентра в создаваемой полицентричной городской среде.

По замыслу команды, увеличение доступности транспортных терминалов для пользователей сделает эти услуги более востребованными, а рост пешеходных потоков придаст забытым, изолированным городским районам большую привлекательность для инвестиций. Визуальное объединение различных функциональных зон делает город более понятным и поможет создать мультифункциональную среду.

WALKING PATTERN
DEVELOPING PEDESTRIAN NETWORKS

Alisa Drumina, Architect, Irkutsk
Anna Semakova, Architect, Irkutsk
Anna Kabanova, Architect, Irkutsk
Janaeva Fylova, Urban Planner, Irkutsk
Larisa Kabanova, Transport Engineer, Irkutsk
Mikhail Vozdev, Urban Planner, Irkutsk

**Team E
City Nomads**

Intro. City Nomads are free to choose their path. Roaming from public space to public space on a dynamic grid, they belong to the whole city and get involved in its future.

We will present our project on three scales: Pad'Dolgaya, Irkutsk city center, and the whole City Scale. We see Pad' Dolgaya as pilot project for alternative city centers, based not only on natural and landscape potential, but on existing mixity, with strong internal and external links.

We want to generate local poles of attraction and hook them to a transport network: pedestrian, bike, trails, water and ground links. Our improvements will free inhabitants to discover the city, share their experiences, and create memory maps.

Concept. Irkutsk agglomeration is plagued by an imbalance between a polyfunctional, very dense public center, and small monofunctional public spaces in the periphery.

At all scales, people flow to the center and back, with issues of saturation, of confusion in center identity, and loss of district identity. The existing physical networks reinforce that process, with large transit flows through the center, and very little connections between districts.

Strategy. Our strategy is the proliferation of public spaces in the 5 districts of the city of Irkutsk (Leninskiy, Pravoberezhniy, Kirovsky,

Octyabrsky and Sverdlovsky) using the physical and social potential of each territory, and linking them in a system of connections. Each of these spaces would have a dominant function, with poly-activity, and polymorph uses (winter, summer; day and night...).

We believe that the more public places people discover at all scales, the greater the interaction with the people of Irkutsk. Interaction leads to a greater feeling of belonging, and creates a thirst for new discoveries.

Local poles with complementary dominant functions (sport, nature, water, transport...), linked by tangible and intangible network, will create constant flows and lead to greater mixity between monofunctional places, and between disconnected groups of inhabitants.

We believe in strengthening three networks. The Physical Network will connect public spaces through foot, transport, water and green paths.

City-wide urban furniture, lights, and polymorphic spaces will make up the Visible Network. The Virtual Network brings people together and gets them involved in a series of partnerships in public spaces.

Pad' Dolgaya. Pad' Dolgaya is a natural fault between neighborhoods. It is a site of broken links: internal link between Piervomaisky and Universitetsky, external link with Universitetsky and Akadem Gorodok districts, and ecological link where the fault is cut by a highway and a railway. However, Dolgaya has strong natural potential; an interesting 3D morphology, and a strong mixity potential, since people spontaneously use the fault as informal public space. The "internal" link, a bridge between districts in the continuation of the main social alley of Universitetsky, would be echoed by a series of ramps and stairs leading into the organized park-scape of the fault.

Team E

1. Ekaterina Filipova / Architect / Urban planner / Irkutsk, Russia
  2. Ksenia Mikhailova / Architect / Krasnoyarsk, Russia
  3. Olesya Syomina / Architect / Artist / Irkutsk, Russia
  4. Laura S. Herman / Urban Economist / Paris, France
  5. Guillermo Morales / Social Facilitator / Puebla, Mexico
  6. Teddy Touma / Architect / Beirut, Lebanon
- Assistant: Aditya Vipparthi / Architect / Urban Designer / Hyderabad, India

Команда Е

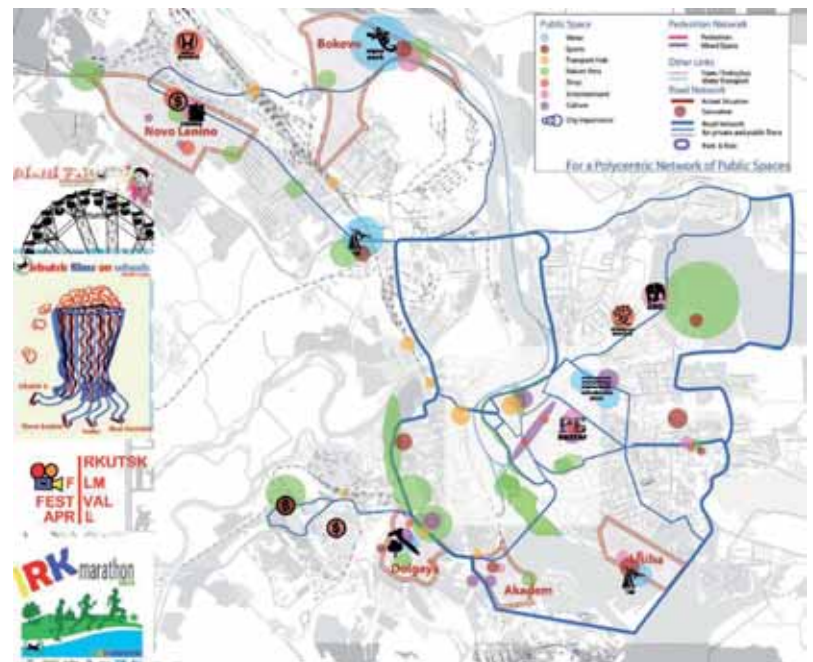
1. Екатерина Филиппова / архитектор и градостроитель / Иркутск, Россия
  2. Ксения Михайлова / архитектор / Красноярск, Россия
  3. Олеся Семина / архитектор и художник / Иркутск, Россия
  4. Лаура С. Херман / экономист-градостроитель / Париж, Франция
  5. Гилермо Моралес / социолог / Пуэбла, Мексика
  6. Тедди Тума / архитектор / Бейрут, Ливан
- Ассистент: Адития Виппарти / архитектор и градостроитель / Хайдарабад, Индия

Команда Е «Городские кочевники»

Конкурсанты обратили внимание на то, что в Иркутске существует дисбаланс между многофункциональным общественным центром и небольшими монофункциональными общественными пространствами на периферии. Потоки людей направлены в центр и обратно, провоцируя перенасыщенность и путаницу в восприятии, одновременно разрушая уникальность районов. Существующая транспортная система усугубляет процесс, активно соединяя районы с центром и слабо – между собой. Стратегия команды – в развитии профильности районов Иркутска: Ленинского, Правобережного, Кировского,

Октябрьского и Свердловского, а также в использовании физического и социального потенциалов каждой местности и соединении их в единую систему. Согласно проекту, каждое из этих мест при многообразии функций должно играть доминирующую роль и полиморфно использоваться (зима / лето, день / ночь). Чем больше люди исследуют разные пространства города, тем больше они вовлекаются в его жизнь.

Замысел команды отчетливо виден на примере благоустройства пади Долгой – территории, расположенной между микрорайонами Первомайским и Университетским. Сейчас она выглядит достаточно хаотично: стихийные

Districts would meet not only on the bridge, but through a series of activities designed to involve people in the fault (shared gardens, fishing, dog walking, painting...) and with each other, through punctual competitions and shared responsibility.

We want to create an "external" link with surrounding districts for people and ecological continuity. An eco-bridge would link with Styd Gorodok.

To the East, walking paths and public transport will link Dolgaya with the new public spaces of Akadem Gorodok.

To the South, the forest would continue.

Organisation. Meeting: every 2 months in the school in public sessions.

We suggest involving people through world cafe foundation and open spaces. This will encourage people of all backgrounds to come together and form a sense of belonging.

City center. The center today is one huge public space, with a dominant commercial function, crossed by dense traffic. Pedestrians walk the center on intuitive routes between the main poles despite traffic. We do not believe in creating new public space in the center, but in valorizing the existing ones, and offering polymorphic uses of the space.

To desaturate the center, we promote 4 steps: change dominant function of the center / decrease auto network capacity / offer alternative paths through the center / involve people in polymorph uses. All this will be reinforced by the proliferation of public spaces in districts.

Phase a transition to pedestrian and mixed spaces on the walking routes from the embankments to the commercial heart of the center. Karl Marx goes from a City Wall to a Door between public activities.

The transition is eased by festivals to celebrate the transformed spaces.
Change Dominant Function.
Revive the historical aspect of the center.

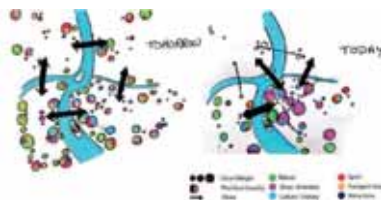
City scale. Pad'Dolgaya is a pilot project for future public spaces in Irkutsk: a network of multifunctional, attractive, complementary local poles that would re-route flows of people from the center, to the districts. We choose to desaturate the center and focus on its historical and cultural functions.

In the long-term, this proliferation of peripheral poles will continue at all scales, reinforced by a Ring transportation network, and fueled by a series of dynamic city-wide festivals.

Management & City Branding. We will provide strategies for financing, maintaining and updating public spaces at all levels. At city level, the seasonal transformation of Irkutsk Shore is powered by sponsors who invest in the

organisation while getting the benefit from commercial activities. At district level, sites as Pad'Dolgaya are fertile grounds for the collaboration of local representatives and official partners, in a public management board. The image of the city is also built by people's use of the virtual network, where they can check events posted by others, review the city "app" on their Smartphone, stay in touch with public transport, share their experience in their favorite spots, and create their own memory maps.

Smile, it's Irkutsk!

парковки и свалки мусора, гаражи. Предлагается соединить два жилых микрорайона пешеходным мостом, а также открыть специализированные кафе, где люди не просто едят, но и обсуждают проблемы и могут получить консультации экспертов. Все это поможет объединить жителей соседних территорий для реализации общественно-полезных инициатив.

text
Barbara Engel

Open spaces are 'backbones' of the city, important places of communication and identification of the urban society. In an era of increasing privatization and commercialization of urban spaces the design of public spaces remains as one of the most important responsibilities for the municipality. The article discusses possibilities for improving public spaces in Irkutsk. Three conceptual approaches – 1: Network of public spaces, 2: Integration of different interests, 3: Encouraging special features and spatial identity – by presenting international best practices (e.g. from Dresden, Cleveland, Oulu) are recommended as approach for sustainable city development.

Keywords: Open Space, Urban Planning, temporarily public spaces, Inner Planning Strategy, Placemaking

Public spaces – general acknowledgements

Make no little plans – a vision for Irkutsk:

Whatever and wherever you are planning — it starts with a vision. Before you can discuss public spaces of one city

-problems, potentials and perspectives- it is necessary to take the city development in general into focus. What are the main aims concerning the development of Irkutsk, what is the overall goal? What is Irkutsk going to be in the future? Currently there is an important need for

strategic plan in the city which sets framework, a guiding line for the spatial development of the city.

Looking at the city from the open space, from landscape:

Open spaces become for city development more and more important. Urban

Перспективы общественных пространств в Иркутске: взгляды, интеграция, требования /

текст
Барбара Энгель

Открытые пространства составляют «каркас» города, являясь важными местами коммуникации и идентификации городского общества. В эпоху роста приватизации и коммерциализации городских пространств, проектирование общественных мест остается в числе основных обязанностей муниципалитета. В статье обсуждаются возможности улучшения общественных пространств в городе Иркутске. В качестве подхода к устойчивому развитию города предлагаются три концепции: сеть общественных пространств, интеграция различных интересов, поддержание индивидуальных особенностей и своеобразия общественных пространств. Приводятся примеры лучших международных практик (Дрездена, Кливленда и Оулу).

Ключевые слова: открытое пространство, градостроительство, временно-общественные пространства, планировочная концепция центра, организация архитектурной среды

> Square Kirov, 1890, 1970, 2001 / Сквер им. Кирова, 1890, 1970, 2001 годы

Общественные пространства: основные положения

Не делайте маленьких планов: замысел для Иркутска. Для Иркутска не подходит мелкий масштаб планирования. Чтобы и где бы вы ни планировали – все начинается с замысла. Перед тем как обсуждать общественные про-

странства города – их проблемы, потенциал и перспективы, необходимо рассмотреть главные аспекты городского развития. Каковы основные задачи, касающиеся развития Иркутска, какова наивысшая цель? Каким Иркутск станет в будущем? Сегодня необходимо разработать стратегический план города, который установил бы основные пара-

метры, структуру-каркас для его пространственного развития.

Взгляд на город с точки зрения открытого пространства, ландшафта. Открытые пространства становятся все более важными для развития города. Градостроительная структура и ландшафт не должны рассматриваться отдельно не только из-за климатических

v Square Kirov / Сквер им. Кирова

ates city. The new, foreseen address is not created by buildings but by a central park, the river embankment and a cultural axis.

Integration of different interests

It is the character of public spaces that they have to fulfill a variety of interests. Public spaces are places of communication, of sports and leisure, for free appropriation, they are places of mobility as well as meeting places of the urban society. Not all interests fit together. But the goal should be to integrate as much different functions as possible, not to limit and narrow public activities. Therefore the municipality is responsible to balance and measure different interests. There is the necessity of creating

organizations – e.g. round table with representatives of business and tourism organizations, association of planners and citizens and others.

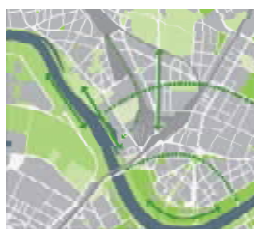
Public space for everybody

Public spaces are used by different participants with different speeds. Planning goal is to reduce individual motorized transport and increase „transfer“ of people from private to public transport and bike mobility. One conception for multiple use of public spaces, especially streets is the so called shared space. Foreseen is the utilization of streets and squares with less traffic signs and borderlines. Safety will be increased by insecurity. Less rules will encourage to watch each other.

Transport and mobility are essential and integral parts of public spaces. Therefore there is the need of careful and high quality design of public functional building and urban furniture, such as parking garages, waste buckets, lights etc. Because of the huge volume of such elements there is a need of securing architectural quality. In Dresden has been worked out a design manual for urban furniture. This manual is already well known and used as best practice in other cities in Germany.

Conception for utilization of public spaces

In Dresden as well as in other cities there are many applications for using public spaces for different purposes such

Übergreifende Raumstrukturen

Gebietsinterne Strukturen

Arbeitsgespräch Hafenebereich 08.Februar 2012

^ Networks of public spaces: Gruenquertel Frankfurt and the conception for development of Neustaedter Hafen in Dresden / Сети общественных пространств: зеленый пояс Франкфурта и концепция развития порта в районе Нойштадт (Дрезден)

Планировочная концепция центра Дрездена (Planungsleitbild Innenstadt Dresden) и Концепция городских деревьев в Дрездене (Urban Tree Conception in Dresden), а также система «Плюс 15» в Калгари (Plus-15-System in Calgary) в Канаде. Крытые переходы «Плюс 15» в Калгари (Канада) – пешеходная система около 15 футов (примерно 4,5 метра) над уровнем улицы, с протяженностью в 16 километров,

включая 59 мостов, связывающих большое количество зданий центра Калгари. Одна из важнейших задач Планировочной концепции центра Дрездена – улучшение существующих общественных пространств и создание взаимосвязанной сети. Городская концепция деревьев в Дрездене – концепция по планированию озелененных пространств, которая создает систему бульваров, авеню и зеленых улиц, придающих каждой улице особый характер.

Даже генеральный план порта в районе Нойштадт основывается на жесткой пространственной сети общественных пространств: парк создает город. Новый замысел места создан не зданиями, а центральным парком, рекой, набережной и культурными осями.

Интеграция разных интересов.

Характер общественных пространств заключается в удовлетворении различных интересов. Общественные пространства – места для общения, спорта и развлечения, для передвижения и встреч горожан. Не все интересы соответствуют друг другу. Но цель открытых пространств – интегрировать как можно больше различных функций, не ограничивая диапазон общественных видов деятельности. Поэтому муниципалитет должен отвечать за баланс и соотношение различных интересов. Необходимо создать организации – такие как ассоциации планировщиков и жителей, проводящие круглые столы с представителями бизнеса, туристических организаций и пр.

Общественное пространство для каждого.

Общественные пространства используются участниками с разной скоростью передвижения. Планировочная цель – снизить количество индивидуального автотранспорта и увеличить переход людей от использования личного транспорта к общественному и велосипедному. Одна из таких концепций многофункционального использования общественных уличных пространств называется shared space – «общее пространство». Для этого предусматривается использование улиц и площадей с наименьшим количеством знаков дорожного движения и ограничений. Безопасность достигается за

as markets, concerts, public viewing, song contest etc. Temporarily activities are a chance to vitalize the city centre. At the same time it has to be secured that the activities respect the single spatial situation. A balance of public and private interests has to be achieved. Activities should refer to the special character, whether it is a historic or modern environment, whether it is a traffic-through-space or quiet place etc. Therefore the municipality of Dresden worked out a conception which describes the existing (or planned) situation of the public space, offers activities and defines design requirements. Idea is to rule utilization of activities according to every unique location. Aim is not to forbid something but to place it in the suitable

place. The conception should be published in the internet, so that private enterprises could get information and plan their activities before they ask for official permission.

Genius Loci – encouraging special features

Irkutsk is a Siberian city with special assets – darkness and cold could be even more highlighted and presented as special destination of the Paris of Siberia. There are plenty of examples of new types of public spaces – like „indoor-public spaces“ or „semi-public“ and temporarily-public spaces in other cities, e.g. the public used hotel lobby and the former railway centre as shopping mall and public hall in Cleveland (USA), mechanic

roofs, covering streets and squares in (often rainy) Dublin, or various activities (tango dancing, art exhibition, sports competition) in Oulu (Finland) or the illumination plan in Dresden. Design, programme and strategies for public spaces need to refer to the special weather and climate condition of Irkutsk. Even there exist already some winter activities – e.g. ice sculptures on public spaces – more special winter activities of sports, culture and art could be established and highlighted,

Temporarily elements and uses are not only suitable elements for referring to the Siberian seasons with long winter and short summer but give also the possibility to try and to explore the city – with not fixing a special status for all

счет отсутствия какой-либо защиты от опасности. Уменьшение количества ограничений заставляет участников движения внимательнее относиться друг к другу.

Транспорт и движение – неотъемлемые составляющие общественных пространств. Необходим высококачественный дизайн общественных сооружений и уличной мебели, например парковочных мест, урн, освещения и т. д., и таких элементов очень много. В Дрездене было разработано руководство по проектированию уличной мебели, этот материал уже используется и хорошо известен и в других городах Германии как один из лучших примеров на практике.

Концепция использования общественных пространств

В Дрездене, как и в других городах, существует много примеров использования общественных пространств для различных целей, таких, как, рынки, концерты, общественные смотры, музыкальные фестивали и т. д. Обеспечение временных видов деятельности – это шанс оживить город. В то же время эти виды деятельности не должны препятствовать внимательному, индивидуальному подходу к каждому отдельно взятому пространству. Необходимо достичь баланса частных и общественных интересов. Различные виды деятельности должны отражать определенный характер среды, будь то современное или историческое, тихое или оживленное место города. Для этого муниципалитет города Дрездена разработал концепцию, которая описывает существующие (или планируемые) общественные пространства, предлагает виды деятельно-

сти и определяет параметры требования к дизайну. Идея состоит в том, что те или иные виды деятельности должны соответствовать индивидуальными особенностями места их осуществления. Цель заключается не в запрете каких-либо мероприятий, а в проведении их в подходящем для этого месте. Концепцию следует опубликовать в Интернете, чтобы частные организации могли получать информацию и планировать свою деятельность до обращения за официальным разрешением.

Дух места: усиление существующих особенностей пространства

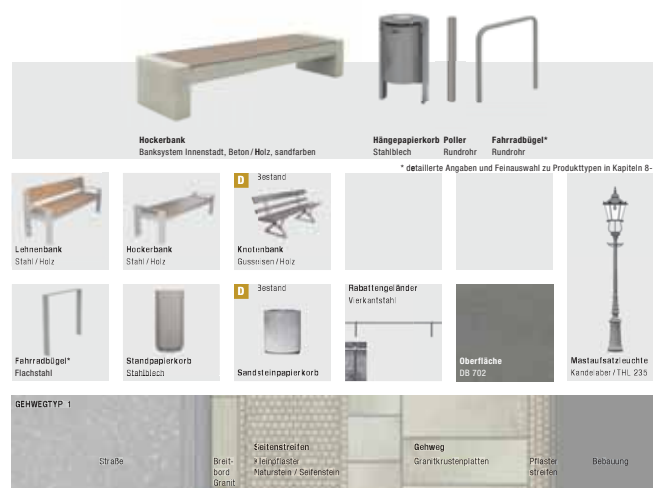
Иркутск – сибирский город, имеющий свои особенности. Можно было бы сделать еще больший акцент на темноту и холод и представить этот город как сибирский Париж. Существует множество примеров новой типологии общественных пространств, например «внутренние общественные пространства» (indoor-public spaces) или «полуобщественные» (semi-public). Известны примеры временно-общественных пространств в других городах: гостиничный вестибюль и бывший железнодорожный узел, используемые в качестве торгового центра и зала общественного назначения в Кливленде (США), раздвижные крыши над улицами и площадями в дождливом Дублине (Ирландия), проведение различных мероприятий (танцы, художественные выставки, спортивные соревнования) в Оулу (Финляндия) или реализация плана освещения в Дрездене. Дизайн, программа и стратегии, разработанные для общественных пространств, должны отражать специфические климатические условия Иркутска. Даже там, где

Bsp.: Innere Neustadt - Königstraße

Straßenquerschnitt

Produktfamilie

уже реализуются зимние виды деятельности (например, строительство ледяных скульптур в общественных местах), необходимо активно развивать зимние виды спорта и искусства.

Временные элементы и функции общественных пространств не только подходят для сибирского климата с длительным зимним и коротким летним периодами, но также дают возможность изучить и преобразить город. В течение всего года необходима не одна, а

^ Design sheet for urban furniture in the city centre / Дизайн уличной мебели для центра города

time but for interim- and inbetween uses. It is as well suitable for a period when still change of values and ownerships is going on.

All temporarily activities need at least some basic rules and guiding lines for uses, competitions for temporarily design could improve architectural and spatial quality.

Outlook – placemaking in Irkutsk

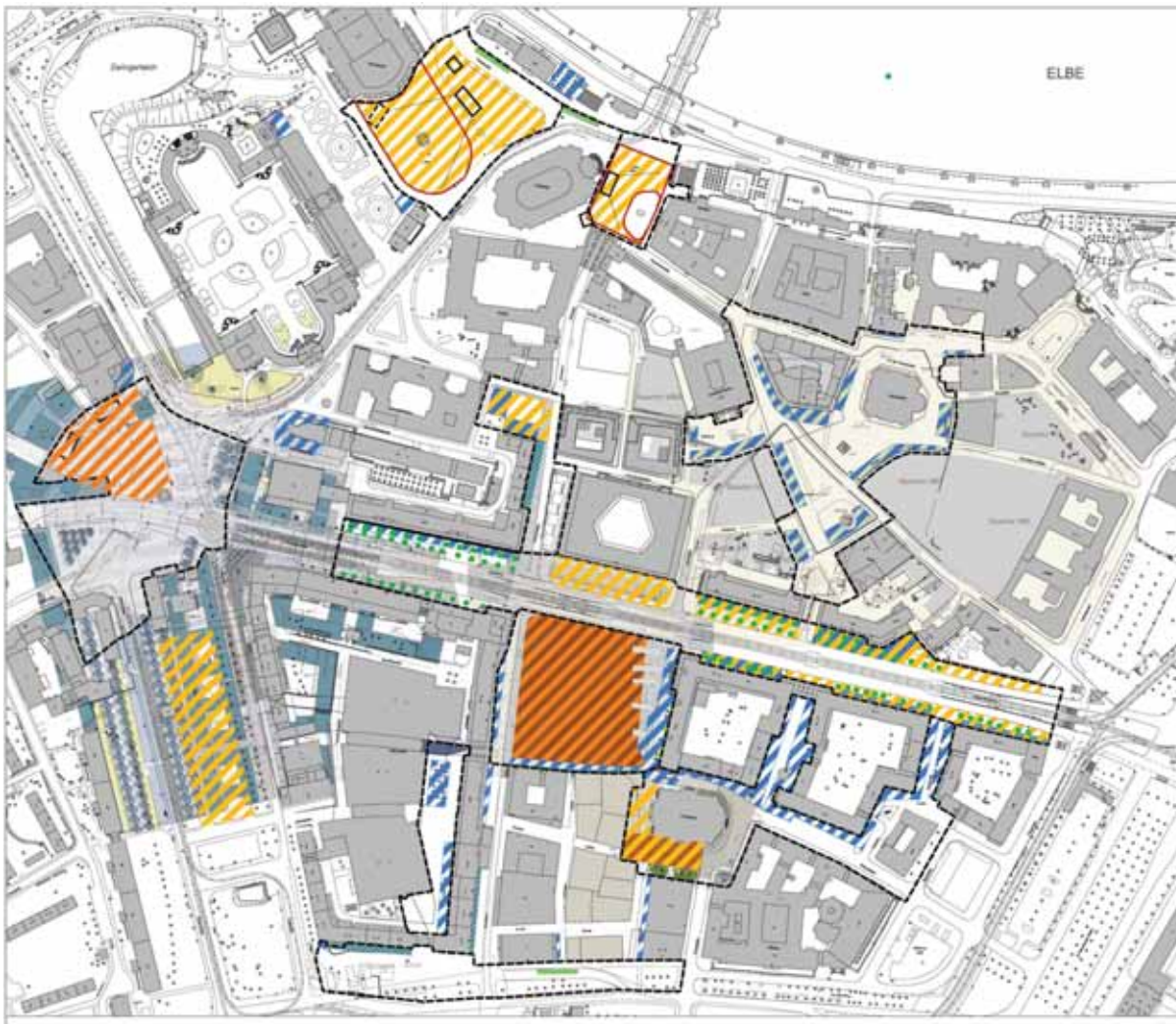
Irkutsk is a growing city. Irkutsk needs public spaces which attract population, students and business people. Public spaces should encourage and create possibilities of identification and identity. Irkutsk has a wonderful potential, rich history, beautiful landscape, special way of living. Irkutsk is a unique city, with

built heritage from long history, including prerevolutionary buildings as well as such from the soviet period. At the same time it is a modern, towards the future orientated city.

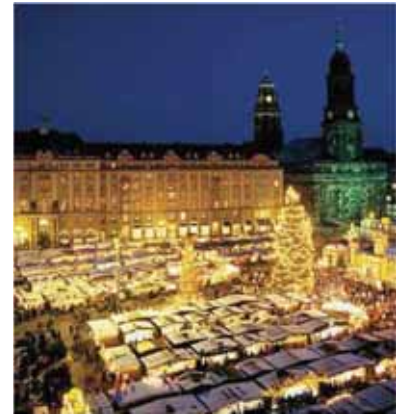
Today cities are confronted with a regional, national and international competition between them. Public spaces form the backbone of the city and create spatial identities. The demand to generate high-quality public spaces is often in contradiction to the financial situation of the municipalities. Therefore, new forms of financing models have to be developed for the design and maintenance of public spaces, such as PPP models, sponsorship concepts and more. It should not be overlooked, that there might occur at the same time problems

of control and responsibility for the maintenance of public spaces. This requires appropriate regulations and controls in order to ensure that public spaces remain under control of the municipality

In an era of increasing privatization and commercialization of urban spaces the design of public spaces remains as one of the most important responsibilities for the municipality. Potentials of renewal and further development of public spaces are located on many levels - they range from the development of master plans for public spaces over design standards to license agreements and others. Public areas are policy tasks of urban development at the highest level.

Altmark

Profile:
Central, active, vivid modern market square

Possible utilization: markets, events of culture, music, sports

^ location of public spaces in historic core of the city / Расположение общественных пространств в историческом центре города

References / Литература

Doehler-Bezhad, Marta: Neue Allianzen für die europäische Stadt. In: Sulzer, Juerg (ed.): Stadt gestalten. Visionen. Allianzen. Wege. Jovis Verlag GmbH, 2009, pp. 62–68.

Engel, Barbara: Zukunftsaufgabe Innenstadt – Perspektiven für Dresden. In: PlanerIn 4/09, pp. 47–49.

Koenigs, Tom (ed): Vision offener Grünräume. Grüngürtel Frankfurt, Campus Verlag, Frankfurt am Main / New York, 1991.

Landeshauptstadt Dresden (ed) / Pesch & Partner: Lebendige Geschichte – Urbane Stadtlandschaft. Dresden. Planungsleitbild Innenstadt Dresden, 2008.

Landeshauptstadt Dresden (ed) / Rehwaldt Landschaftsarchitekten: Dresdner Standard. Gestaltungshandbuch öffentlicher Raum. Dresden, 2007

Sulzer, Juerg: Strategische Stadtgestaltung – Visionen. Allianzen. Wege. In: Sulzer, Juerg (ed.): Stadtgestalten. Visionen. Allianzen. Wege. Jovis Verlag GmbH 2009, pp 6–13.

Valentin, Donata (ed.): Return of landscape, 2010. Jovis Verlag GmbH und Akademie der Kuenste, Berlin.

^ Winter activities – sport race in Oulu (Finland) / Зимние спортивные соревнования в Оулу (Финляндия)

несколько временных и промежуточных функций. Все временные виды деятельности нуждаются в базовых правилах. Проведение конкурсов на тему временного использования общественных пространств может улучшить качество архитектуры и самих пространств.

Перспектива организации архитектурной среды в Иркутске

Иркутск – растущий город, которому необходимы общественные пространства для привлечения населения, студентов и бизнесменов. Общественные пространства должны подчеркивать особенность и уникальность города. У Иркутска великолепный потенциал, богатая история, красивый ландшафт, особый стиль жизни. Это самобытный город с богатым архитектурным наследием, включая как дореволюционные здания, так и застройку советского периода. В то же время Иркутск – современный город, ориентированный на будущее развитие.

Сегодня города конкурируют на региональном, национальном и международном уровне. Общественные пространства создают основу города, придавая ему уникальность. Требования к высокому качеству общественных пространств часто противоречат финансовым возможностям муниципалитета. В связи с этим должны быть разработаны новые формы финансовых моделей проектирования и сохранения общественных пространств, такие как, например, модели PPP (Public Private Partnership, общественно-частное партнерство), спонсорские модели и др. Необходимо надлежащее законодательство, чтобы обеспечить контроль общественных пространств со стороны муниципалитета.

В эпоху роста приватизации и коммерциализации городских территорий проектирование общественных пространств остается одной из важнейших обязанностей муниципалитета. Возможности восстановления и будущего развития общественных пространств должны согласовываться на разных уровнях – от разработки генеральных планов общественных пространств и стандартов проектирования до лицензионных соглашений и пр. Общественные зоны должны рассматриваться как приоритетные направления городского развития на самом высоком уровне.

v The Illumination Master Plan for Dresden strengthens the cities shape at night. The lobby of the hotel (Arcade) in Cleveland is permanent open to the public. Mobile roof in Dublin covers public spaces if needed due to weather conditions / Генеральный план освещения Дрездена придает городу четкие очертания в ночное время. Вестибюль гостиницы «Аркада» (Кливленд) постоянно открыт для посетителей. Переносная крыша в Дублине устанавливается в общественных пространствах в зависимости от погодных условий

text
Frank van der Hoeven

In the 20th century, the Dutch city of Rotterdam was radically transformed from a historic town into a modern city, becoming the self-acclaimed 'city of architecture', home to international architectural design offices, publishers and institutions. Although it is already 60 years after the destruction of the Rotterdam inner city, the city still struggles to be the vibrant, rigorous urban environment it needs to be in order to attract the so-called creative class. This article provides a contextual overview of the transformations of a number of key public spaces that are symbolic for the challenges the city faces. After the post-war reconstruction the city continues to transform beyond modernism.

Keywords: urban design, public space, modernism, Nieuwe Bouwen, reconstruction, Rotterdam, city centre, Coolingsel, Lijnbaan, Rotterdam Forum, Cool63, Schouwburgplein, Dudok, MVRDV, OMA, West 8, Allies & Morrison, Benthem & Crowel.

Rotterdam

Rotterdam is Holland's second largest city. The municipality is home to about 600.000 inhabitants. The overall population amounts to well over 1 million if we include its suburbs in the

headcount. Traditionally Rotterdam has been a port city, and vast tracts of lands are still used for harbour related trade, distribution and production. But since most of the harbour labor is automatised, people tend to work

elsewhere. The (spatial) relation between the city and its harbour is rapidly disappearing. The inhabitants work nowadays predominantly in the service sector that is located in the centre of town with its growing cluster of high-

Перестройка современного центра Роттердама / Deconstructing Rotterdam's modern city centre

В XX веке голландский город Роттердам радикально трансформировался, превратившись из исторического в современный, провозгласив себя «городом архитектуры» и став родным домом для множества архитектурных фирм, издательств и учреждений. Несмотря на то что прошло уже 60 лет со времени разрушения центральной части Роттердама, город по сей день стремится сохранить живую, строго организованную среду, которая бы привлекала творческую интеллигенцию. В статье предлагается контекстуальный обзор трансформаций главных общественных пространств, играющих знаковую роль в решении тех задач, которые стоят перед городом. Пройдя послевоенную реконструкцию, город продолжает изменяться, выходя за рамки модернизма.

Ключевые слова: градостроительство, общественное пространство, Nieuwe Bouwen, реконструкция, Роттердам, центр города, Коолсингел, Лийнбаан, Роттердамский форум, Cool63, Шоубургплайн, Дудок, MVRDV, OMA, West 8, Allies & Morrison, Benthem & Crowel.

Роттердам

Роттердам – второй по величине город в Голландии. Он насчитывает около 600 тыс. жителей. Вместе с пригородами Роттердама общая численность населения может составить более одного миллиона. Роттердам всегда был портовым городом. Значительная часть его территории все еще используется в качестве гавани, где размещается торговля, производство и транспортировка товаров. Но поскольку портовый труд в основном автоматизирован, население стремится работать в других

ТЕКСТ
Фрэнк ван дер Ховен

^ Рис. 1. Коолсингел с городской ратушей и почтой, 1920-е гг. / Coolingsel, with City Hall and Post Office [1920s]

> Рис. 2. Площадь Хофплайн, Роттердам, 1929 год / Hofplein, Rotterdam. [1929]

rise buildings (van der Hoeven & Nijhuis, 2011).

'Rotterdam' carefully cultivated over the years an image as 'city of architecture' (in Dutch: architectuurstad). This image is reflected in various articles, books, manifestations, exhibitions, its annual 'day of architecture', the International Architecture Biennale Rotterdam, and in the presence of The New Institute (including the former Netherlands Architecture Institute, or NAi). The city is also home to Rem Koolhaas' Office for Metropolitan Architecture, to design firms like West 8, MVRDV, Atelier Kempe Thill, Maxwan, and KCAP, and to

(recently merged) architectural book publishers O10 and NAi.

Historic architecture however isn't Rotterdam's main feature. In May 1940 the inner city was bombed by the German air force. This act of war destroyed almost all of the city's main core and with that its historic buildings and monuments. Just a few buildings were left standing after the rubble was cleared, most of them modern buildings built in the first half of the twentieth century.

The city had to rebuild its centre from scratch. No serious attempt was made to undo the war damage through a careful reconstruction of the origi-

nal built heritage like was done in cities like Dresden or Warsaw. Modernism was at the time as a leading paradigm in architecture and urbanism in Holland, and modernism didn't had much respect for the old.

industrialisation

Rotterdam was a fairly small town of 100.000 inhabitants when the Industrial Revolution reached Holland in the second half of the 19th century. The Rotterdam port grew rapidly, due to its German hinterland (the Ruhr-area in particularly) and its natural connections (the river Rhine). The city's industrial development lead to an steady influx of new workers. The

местах. Пространственная связь между городом и его портом стремительно исчезает. В настоящее время жители главным образом заняты в сфере услуг, их рабочие места находятся в центре города, где также наблюдается рост числа высотных домов [1].

В течение многих лет Роттердам тщательно культивировал свой образ «города архитектуры» (нидерл. architectuurstad). Этот образ отражен во многих статьях, книгах, манифестациях, экспозициях, он присутствует на ежегодном Дне архитектуры, Международной архитектурной биеннале в Роттердаме, о нем говорит наличие здесь Нового института (а также бывшего Нидерландского архитектурного института NAi). В Роттердаме расположено архитектурное бюро OMA Рема Коолхааса, архитектурные фирмы West 8, MVRDV, Atelier Kempe Thill, Maxwan и KCAP, а также недавно слившиеся книжные архитектурные издательства O10 и NAi.

Однако историческая архитектура не является главной чертой Роттердама. В мае 1940 года центр города разбомбила германская авиация. В результате военных действий практически весь центр с его историческими зданиями и памятниками был разрушен. После расчистки завалов осталось стоять лишь несколько зданий, в основном постройки первой половины XX века.

Город пришлось отстраивать с нуля. При этом не было серьезных попыток устраним последствия военных разрушений путем бережной реконструкции архитектурного наследия, как,

например, в Дрездене или Варшаве. В то время ведущей парадигмой в архитектуре и градостроительстве Нидерландов был модернизм, не проявлявший большого уважения к старинным зданиям.

Индустриализация

Когда во второй половине XIX века индустриальная революция достигла Голландии, Роттердам был довольно маленьким городком с населением 100 тыс. жителей. Порт Роттердама быстро развивался благодаря германскому внутреннему району (в частности, Руру) и естественным связям (река Рейн). Промышленное развитие города привело к устойчивому притоку новой рабочей силы. Число жите-

лей выросло с 90 тыс. в 1850-м до 420 тыс. в 1910 году [2].

До 1910-х годов три важных водных объекта города были засыпаны землей с целью обеспечения пространства для инфраструктуры. Каналы (сингелы), которые были частью городского укрепления, превратились в бульвары (Коолсингел и Гоудсесингел), а небольшой реке, в честь которой город получил свое название (Ротте), пришлось уступить место надземной железной дороге (лухтспоор), обеспечивающей международное железнодорожное сообщение с Бельгией и Германией.

Фотодокументы того времени отражают динамичный и живой образ города, где присутствует разнообра-

< Рис. 3. Базовый план реконструкции / Basic Plan for the Reconstruction

number of inhabitants grew from 90.000 in 1850 to 420.000 in 1910 (Brand, 2013).

In the period leading up to the 1910s three important waterbodies in the city were filled up to provide space for infrastructure. The canals (Singels) that were part of the town's fortification were converted into boulevards (Coolensingel and Goudsesingel), and the small river after which the city was named (Rotte) had to make way for an elevated railway (luchtspoor). It provided the international rail connections with Belgium and Germany.

Photographic documentation of this time shows a dynamic and lively city image with a strong mix of building styles and urban functions and remarkably: shared space (Olshevich, 2013) in which pedestrians, cyclists, trams, omnibuses, cars, even horse drawn carts intermingled.

The city deployed in 1904 an electric tram network. In 1908 the first Dutch electric railroad was initiated, providing a direct connection between Rotterdam and The Hague. The station serving the new rail link was located at the Hofplein square, right between Coolensingel and Goudsesingel. The

Hofplein itself became one of the busiest places in town.

The rapid growth and the modernisation of the city required new large public buildings such as the city hall, post office, and the stock exchange. Historic buildings along the Coolensingel were demolished to accommodate them, turning the former Coolensingel into the town's main boulevard. The Bijenkorf department store by Dudok was part of this ensemble of modern programmes along the Coolensingel.

reconstruction

While Holland succeeded to stay out of World War I, its tactics to stay out

в Рис. 4. Кварталы Лийнбаан, национальный памятник 1960-х гг. / Lijnbaanflats, national monument [1960s]

of World War II failed. The German army crossed the country's border in May 1940 and after just a few days it gave the Dutch an ultimatum to capitulate or else to see its cities bombed, starting with Rotterdam. On the 14th of May 1940 the German airforce bombed the downtown of Rotterdam with phosphor in order to set the city ablaze. The centre burned for four days and almost all of its built heritage was lost. Holland did indeed give up and was effectively occupied for the next five years until May 1945.

Before the Germans settled, the city began the preparations for the recon-

struction of its own centre. The initial plan for the Rotterdam inner-city by Witteveen, early 1940s, proposed to restore the historic city fabric with its original street pattern. Witteveen kept deliberately the architects out of the loop that represented the so-called 'Nieuwe Bouwen' (the Dutch strain of the Modern Movement).

Witteveen's ideas were conceived as conservative and not well received. Under pressure of the 'Club Rotterdam', an organisation of business and finance leaders, a new plan was conceived by van Traa: the Basic Plan for the Reconstruction (Beeren,

Dettingmeijer, Kauffmann, Idsinga & Schilt, 1982)

The Basic Plan was very much in line with the principles of the "Nieuwe Bouwen". It limited the number of dwellings of the inner city and introduced a strict separation of functions. It paved the way for modern (car) traffic and planned to move the city centre in western direction, confirming the central role of the Coolasingel boulevard. It also introduced the idea of creating a visual link (or window) between the city centre and the river.

One of the key buildings that survived the war happened to stand in the

зие стилей построек и городских функций, и особенно примечательным является shared space (общее пространство) [3], в котором происходит смешанное движение пешеходов, велосипедистов, трамваев, омнибусов, машин и даже конных экипажей.

В 1904 году в городе запущена сеть электрических трамваев. В 1908 году была открыта первая электрическая железная дорога в Голландии, обеспечивающая прямое сообщение между Роттердамом и Гаагой. Железнодорожная станция находилась на площади Хофплайн, как раз между бульварами Коолсингел и Гоудсесингел. Сама площадь Хофплайн стала одним из самых оживленных мест в городе.

Быстрый рост и модернизация города требовали строительства больших общественных зданий, таких как городская ратуша, почта и фондовая биржа. Чтобы освободить для них место, исторические здания на Коолсингел были разрушены, и быв-

ший канал превратился в главный бульвар города. Универмаг «Бийенкорф» по проекту Дудока был частью этого современного ансамбля на бульваре Коолсингел.

Реконструкция

Голландии удалось избежать участия в Первой мировой войне, однако во время Второй мировой такая тактика не сработала. Немецкая армия перешла границу с Голландией в мае 1940 года и спустя несколько дней вручила голландцам ультиматум с требованием капитулировать, угрожая в противном случае бомбардировкой их городов, начиная с Роттердама. 14 мая 1940 года немецкая авиация сбросила фосфорные бомбы на центр города. В результате этого произошел пожар, длившийся четыре дня и уничтоживший практически все архитектурное наследие центра. Голландия сдалась и была оккупирована все последующие пять лет до мая 1945 года.

До прихода немцев в городе началась подготовка реконструкции центра. Первоначальный план центра Роттердама начала 1940-х, предложенный Виттевеном, предполагал восстановление исторической структуры города с ее оригинальной планиров-

^ Рис. 5. Универмаг «Бийенкорф» по проекту Дудока, снесенный в 1950-е гг. / Dudok's Vlietkorf department store, demolished [1950s]

< Рис. 6. Бульвар Коолсингел, где преобладающую роль играет транспорт, 1970-е годы / Coolasingel boulevard, dominated by traffic [1970s]

way of the new grid of boulevards and blocked the view from the 'window on the river': Dudok's Bijenkorf department store. Although the building was of great architectural importance, it was effectively demolished. Modern times seem to require it.

The May 1940 bombardment and the fire it ignited had a tremendous impact on the development of the Rotterdam city centre. It set the stage for an accelerated overhaul of the city centre using the latest modernistic principles. Wide boulevards and through fares had replaced waterways and alleys. Separation of pedestrians and

car traffic was put in practice with the opening of the low-rise shopping centre Lijnbaan. Trams were gradually replaced by cars. An underground metro was built to facilitate this process even further. The 'slab' or 'block of flats' became the predominant building type in the centre replacing the original dense city blocks. The so-called Lijnbaan flats are the most characteristic examples of these.

you could fire a canon without hurting anyone ...

Although 'Rotterdam' likes to praise itself for its innovation during the post-war reconstruction years, some of

the experiments with new planning principles and concept didn't produce the results that people expected. One of the key elements of modernist planning is to divide the city in different zones limited to only one or a few urban functions. Within this framework the city centre is the place to work or to shop. The outskirts and suburbs were meant for living only. Public spaces were paved with impervious materials without much care for trees or green, or any other requirements to suit the needs of those we would nowadays call the 'creative class'.

^ Рис. 7. Торговая зона Лийнбаан, 1970-е годы / Lijnbaan shopping facility [1970s]

v Рис. 8. Бульвар Коолсингел, засаженный растениями (конец 1970-х) / Coolsingel with plants and grass [late 1970s]

кой улиц. Виттевен намеренно ограждал своих архитекторов от влияния Nieuwe Bouwen (голландского направления модернизма). Идеи Виттевена считались консервативными и не получали широкого признания. Под давлением организации деловых и финансовых лидеров, именуемой Клуб Роттердам, новый Базовый план реконструкции был разработан архитектором ван Траа [4].

Базовый план во многом соответствовал принципам Nieuwe Bouwen. Согласно этому плану, в центральной части города было ограничено количество жилых домов и введено строгое разделение функций. Был проложен путь для современного (автомобильного) транспорта, а центр города планировалось переместить на запад, что подтверждало ведущую роль бульвара Коолсингел. План также предполагал создание зрительной связи («окна») между городским центром и рекой.

Как оказалось, одно из самых значимых зданий, уцелевших во время войны, стояло прямо на новой сетке бульваров и блокировало вид «из окна на реку». Это был универмаг «Бийенкорф» по проекту Дудока. Несмотря на то что здание представляло большую архитектурную ценность, оно было снесено. В наши дни его явно не хватает.

Бомбардировка в мае 1940 года и вызванный ею пожар колоссальным образом изменили застройку центра Роттердама. Они подготовили почву для форсированной перестройки городского центра на основе новейших модернистских принципов. Широкие бульвары и сквозные торго-

вые ряды пришли на смену каналам и аллеям. Разделение на пешеходную и транспортную зоны появилось с открытием малоэтажного торгового центра Лийнбаан. Трамваи постепенно сменились автомобилями. Для ускорения этого процесса было построено подземное метро. Многоквартирные дома стали доминирующим видом строительства в центре города, заменив первоначальную плотную застройку городских кварталов. Характерным примером являются так называемые квартиры Лийнбаан.

Выстрелить из пушки и ни в кого не попасть...

Хотя Роттердам и любит превозносить свои нововведения в области реконструкции послевоенного периода, все же некоторые эксперименты на основе принципов и концепций нового планирования не принесли ожидаемых результатов. Одним из главных элементов модернистского планирования было разделение города на разные зоны, которые ограничивались лишь одной или несколькими городскими функциями. В связи с этим городской центр предназначался для офисов или торговых точек. Пригороды и окраины – только для жилья. Для общественных пространств использовали водонепроницаемые материалы, не заботясь о зеленых насаждениях или о комфорте тех, кого мы сейчас называем творческой интеллигенцией.

В середине 70-х, когда, согласно этим принципам, была перестроена уже большая часть центра Роттердама, вид его стал довольно неприветливым. В дневное время

In the mid seventies, when large parts of the Rotterdam city centre were rebuilt along such principles the centre had become a rather inhospitable place. In the daytime the city was busy but what remained after office or shopping hours was virtually a ghost town. The common saying was that in the evening you could fire a canon on the city's main boulevard without hurting anyone.

Images from this time show a stark contrast with similar images from the 1920s and 1930s. Traffic dominates the streets while pedestrians were confined to the pedestrianised shop-

ping area, the Lijnbaan. Although that same Lijnbaan may look 'suburban' according to current views, at the time it was an icon for the modern shopping district. It drew many foreign experts to visit it as an example of how to plan and design such facilities.

seventies

In the early seventies the way urban planning dealt with the interests of citizens shifted considerably. In the so-called urban renewal districts (in Dutch: stadsvernieuwingswijken) citizens revolted to the idea to demolish and rebuilt pre-war residential districts from scratch as was proposed.

People were no longer willing to accept topdown planning practices. A more subtle approach of careful reconstruction and renovation was introduced.

A similar shift in urban planning was about to take place a few years later in the city centre. Political and public opinion demanded a livelier centre offering a higher quality of live. The general opinion was that this could be accomplished by adding more residents to the centre. The construction of offices had to be subsidized to make place for new housing projects

город был наполнен жизнью, но, когда время работы и торговли подходило к концу, он превращался в город-призрак. В ходу была поговорка: «Вечером на главном бульваре города можно выстрелить из пушки и ни в кого не попасть».

Фотографии того времени сильно контрастируют с изображениями времен 1920–1930 годов. На улицах преобладающую роль играет транспорт, пешеходам же приходится довольствоваться только торговой зоной Лийнбаан. Нашему современнику эта зона может показаться провинциальной, однако в свое время она воплощала в себе идеальный образ торгового района. Сюда приезжали многочисленные иностранные эксперты, чтобы познакомиться с тем, как нужно проектировать подобные объекты.

Семидесятые

В начале семидесятых в городском планировании произошел значительный сдвиг в сторону интересов горожан. В районах городской модернизации (нидерл. stadsvernieuwingswijken) жители выступили против запланированного разрушения довоенных жилых районов и последующего строительства их с нуля. Люди больше не желали принимать практику нисходящего планирования. Был введен более тонкий подход, подразумевающий бережную реконструкцию и обновление.

Похожий сдвиг в градостроительной концепции развития центра должен был произойти несколькими годами позже. Политические и общественные деятели потребовали повысить качество жизни в центре города,

сделать его более оживленным, увеличив число его резидентов.

Строительство офисов должно было снизить обороты, чтобы уступить место новым проектам жилья и восстановить потерянную после войны многофункциональность.

Полномасштабный переход в строительстве от высотных офисных зданий к высотным многоквартирным домам был невозможен. Большие жилые комплексы в пригородах (построенные в стиле модернизма в конце 1960-х – начале 1970-х) представляли многоэтажное жильё в неприглядном свете. Среди населения эта формула не пользовалась популярностью. Решение заморозить строительство офисов в пользу жилья на практике привело к полной приостановке строительства всех высотных зданий до середины 1980-х. Вместо этого центр стал площадкой для различных экспериментов с малоэтажным жильем.

После перепланировки бульвар Коолсингел был засажен растительностью. То, что сейчас может показаться банальным, в свое время было главным показателем значительного сдвига в градостроительной политике.

Конец «замораживания»

После периода стремительного роста темпы экономики начали снижаться, и в начале 1980-х наступил экономический спад. В порту Роттердама, который последние сто лет служил надежным оплотом экономики города, число рабочих мест быстро сокращалось. В связи с этим руководству города пришлось использовать все возможности

^ в Рис. 9 и 10.
Шоубургплейн в 1970-х и 1990-х годах.
Модернизация: фирма West 8 / Schouwburgplein in 1970s and 1990s.
Redesign by West 8.

re-establishing that was lost after the war: mixed functions.

A full-scale conversion from (high-rise) office construction towards high-rise apartments towers or slabs was not feasible. The large modernist housing estates in the suburbs (dating from the late 1960s, early 1970s) had put a negative spin on the combination of high-rise and living. This formula wasn't popular at all among the population. The decision to freeze the construction of offices to the benefit of housing meant in practice an almost complete stop to the construction of tall buildings altogether until

the mid 1980s. Instead the centre was littered with various low-rise housing experiments.

The Coolingsingel itself was redesigned to include grass, plants and trees. It may look trivial now but at the time this was a major statement that signalled a significant shift in urban policies!

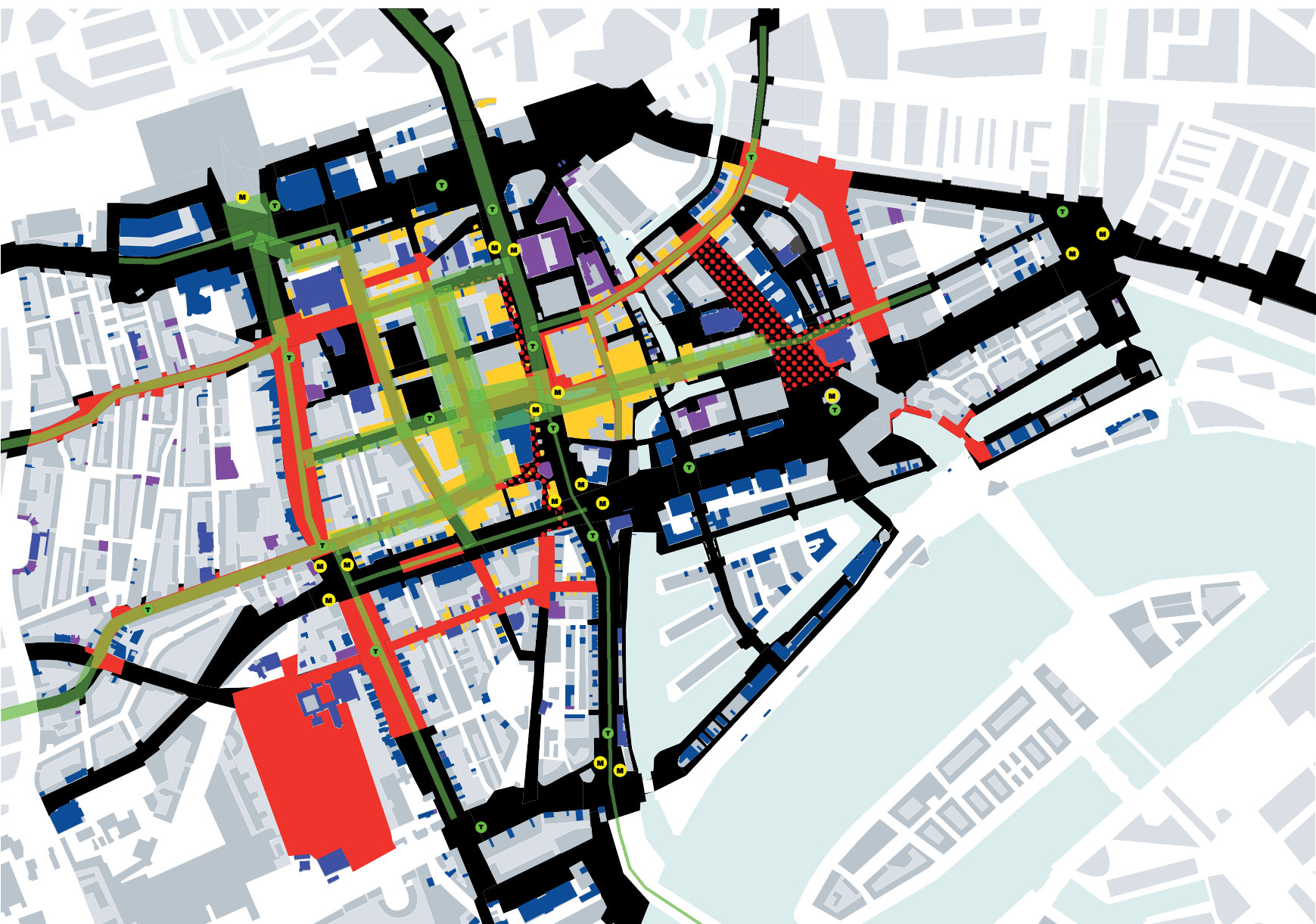
end of the freeze

After years of rapid economic growth the economy slowed down in the early 1980s and went into depression. The harbour, the strong pillar of the Rotterdam economy for the last century, was increasingly losing jobs. In

this context the city government had to use all the options available to generate new employment. The city centre held in that respect a large potential that could no longer be overlooked. Politicians started to change their perception on banning offices. As a result we see in the mid eighties the construction of offices picking up after the completion of the WTC in 1986.

From 1990 on, the construction of tall buildings in the inner-city was in full swing, both for apartments and offices. This building boom, largely based on the postponed demand of

в Рис. 11. Схема общественных пространств центра Роттердама, разработчик – Stadsontwikkeling Rotterdam / Public space map inner city Rotterdam by Stadsontwikkeling Rotterdam

the building freeze years, filled up the last parts of the centre that lay waste as a result of the May 1940 fire.

For decades the centre's image had been dominated by the architecture and urban planning principles of Modernism. Gradually a new layer of urban development emerged on top of the original 'Basic Plan for the Reconstruction'. New high-rises blurred the buildings from the fifties and sixties from sight. The first reconstruction architecture (like the iconic C&A department store) was replaced by new developments. The undergro-

und 'Koopgoot' shopping arcade by Jon Jerde was built to link the Lijnbaan with the centre east of the Coolingsingel. The construction of the Willems(rail)tunnel replaced the century old high-line and offered the opportunity to convert the Binnerotte into a true market square (design by West 8). The traffic space of the Westblaak office boulevard was recognised as the place to build Europe's largest open air skate park. Last but not least the Schouwburgplein (Theatre Square) was redesigned by West 8 as a showcase of

Dutch landscape architecture. Also here the differences between 'before and after' are striking.

The city of Rotterdam clearly wanted to transform its image into that of a modern European metropolis, offering the urban life that comes along with it. It wasn't there yet.

the city at eyesight

The economic boom of the 1990s resulted in a building frenzy that went bust just after the turn of the century. A short lived crisis in the building construction and architectural design industry occurred in 2002/3

для повышения занятости населения. В этом отношении центр города обладал большим потенциалом, которым уже нельзя было пренебрегать.

Политические деятели решили пересмотреть свое негативное отношение к офисным зданиям. В результате в середине 80-х строительство офисов стало восстанавливаться. Началом для этого послужило открытие башни Всемирного торгового центра в 1986 году.

С 1990 года строительство многоэтажных зданий (как жилых, так и офисных) в центре города испытывало подъем. Начался строительный бум, главной причиной которого стал отложенный спрос, сформировавший-

ся в годы «замороженного» строительства. Стали застраиваться те участки центра, которые пустовали со времен пожара в мае 1940 года.

Несколько десятилетий облик города испытывал влияние архитектурных и градостроительных принципов модернизма. Однако поверх Базового плана реконструкции постепенно стал нарастать новый слой городской застройки. Новые небоскребы заслонили собой здания 50–60-х годов. Архитектура времен реконструкции (например, знаменитое здание универмага C&A) уступила место новым постройкам. Торговая галерея «Кoopгoot», построенная по проекту Джона Джерде, соединила Лийнбан с

частью центра к востоку от Коолсингела. По проекту West 8, вместо столетней линии был построен железнодорожный Виллемс-туннель, после чего Бинненротте превратилась в настоящую рыночную площадь. Транспортный участок бульвара Вестблаак был использован для строительства самого большого в Европе скейт-парка под открытым небом. И наконец, не менее ярким примером может служить Шоубургплайн (Театральная площадь), которая была перепроектирована фирмой West 8 для демонстрации ландшафтной архитектуры Голландии. Как и в предыдущих примерах, разница между тем, что было «до» и стало

^ Рис. 12. Рынок «Маркет Холл» в Роттердаме, проект MVRDV / Market Hall Rotterdam by MVRDV

^ Рис. 13. Центральный вокзал в Роттердаме по проекту Benthem & Crouwel / Rotterdam Central train station by Benthem & Crouwel

«после» производит неизгладимое впечатление.

Роттердам старался соответствовать образу современной европейской метрополии, трансформируясь и развивая характерные черты городской жизни. Но пока ему это не вполне удавалось.

Взгляд на город

Экономический бум 1990-х привел к бешеным темпам строительства, которые стихли сразу с наступлением нового века. В 2002–2003 годах в сфере строительства и архитектурного проектирования наблюдался непродолжительный кризис. В 2008–2009 годах он вернулся, нанеся сокрушительный удар: архитектурный сектор в то время потерял в результате финансового кризиса почти половину своего оборота. Одновременно город столкнулся с так называемой «революцией Фортейна», которой впервые

and made a smashing return in 2008/9 when the architectural sector lost almost half of its turnover in the wake of the financial crisis. In parallel the city faced the so-called 'Fortuyn revolution' that unseated the social democrats from power for the first time since the end of World War II.

The city and its population lost its appetite for large urban projects, strategic visions and considerations concerning the city's skyline in order to focus at the quality of life as people perceive this at street-level (Bureau Binnenstad, 2008). It hired the services of Jan Gehl, the famous Danish

designer-expert on public spaces. The municipal urban planning department started to deliver effective analysis and policies to improve the inner-city at 'plinth' level (Dienst Stadsontwikkeling, 2011).

The differences between the maps of the Reconstruction Plan and the maps currently produced by the city's urban planners speak for itself. Whereas in the 1950's the focus was on zoning and streetlines, currently the key elements in spatial thinking are pedestrian flows, public spaces, and public programmes linked to those public spaces.

за годы, прошедшие с момента окончания Второй мировой войны, удалось лишить власти социал-демократов.

Город и его жители потеряли интерес к широкомасштабным городским проектам, стратегическому планированию и обсуждению вопросов, касающихся силуэта города. Вместо этого людей стало волновать качество жизни, воспринимаемое на уровне улицы [5]. Муниципалитет обратился к услугам Яна Гейла, известного голландского эксперта по проектированию общественных пространств. Департамент градостроительства города Роттердама начал проведение эффективного анализа и разработку стратегии улучшения центра города на «цокольном» уровне [6].

Разница между Планом реконструкции и планами, недавно разработанными местными градостроителями, говорит сама за себя. Если в 1950-х в центре внимания было зонирование и

уличная сеть, то теперь ключевыми элементами являются пешеходные потоки, общественные пространства и связанные с ними общественные программы.

Новые общественные программы

В 2010-х появятся новые программы, которые окажут влияние на развитие общественных пространств Роттердама.

Согласно постановлениям ЕС по безопасности продуктов питания, большая часть открытого рынка на площади Бинненротте должна переходить в закрытые помещения. Такие продукты, как рыба, сыр и мясо, должны храниться и реализовываться с использованием охлаждаемого оборудования. Для этих целей сейчас возводится большой крытый рынок «Маркет Холл», примыкающий к рыночной площади. Автор многообещающего проекта – фирма MVRDV.

v Рис. 14. Роттердамский форум по проекту OMA и Cool63 по проекту Allies & Morrison / Rotterdam Forum by OMA and Cool63 by Allies & Morrison

new public programmes

The 2010s will yet bring again new programmes that will have an impact the use of public space in the city.

EU regulations on food safety require a large part of the Rotterdam outdoor day market at the Binnenrotte to move indoors. Items such as fish, cheese and meat need to be stored and sold in a refrigerated environment. For this purpose a large indoor Market Hall is under construction adjacent to the market square. The building's design is done by MVRDV and the images are promising.

The construction of the high-speed rail line from Amsterdam Airport Schiphol to Antwerp in Belgium has been the reason to modernise the Rotterdam Central train station and its surrounding district. Yet another iconic building from the reconstruction period was demolished. It is replaced by a much more convenient and adequate terminal that links all public transport services. The Weena boulevard that separated the station from the city centre is put underground. Unobstructed access from the central station to the shopping district is now being provided to pedestrians.

The Lijnbaan is still out there as the main shopping facility. Its status as 'national monument' is uncontested. The size and the floor plans of the shops do no longer meet the requirements of the current retail industry but no-one seems to know what to do with it next. The city seems to bypass this issue by developing simultaneously two projects in the small strip between the Lijnbaan and Coolsingel: Forum Rotterdam, the new integrated retail development designed by Rem Koolhaas' OMA, and Cool63 a design by Allies & Morrison. Together these two projects add 50.000 square meters retail and leisure

Сооружение высокоскоростной железной дороги, ведущей из амстердамского аэропорта Схипхол в бельгийский Антверпен, стало причиной модернизацией роттердамского Центрального вокзала и прилегающей к нему территории. Очередное культовое здание времен реконструкции было снесено. На его месте появился более удобный и подходящий терминал, который соединяет в себе все услуги общественного транспорта. Бульвар Веена, ранее отделявший вокзал от центральной части города, проложили под землей. Теперь пешеходы могут беспрепятственно перейти от Центрального вокзала к торговому району.

Главным торговым объектом остается Лийнбаан, бесспорно признанный «национальным памятником». Размеры и поэтажные планы расположенных здесь магазинов уже не отвечают требованиям современной роз-

ничной торговли, но что с этим делать – никто не знает. Однако придуман обходной путь решения этого вопроса. Одновременно были разработаны два проекта на узком участке между Лийнбааном и Коолсингелом. Это роттердамский форум, новый интегрированный объект розничной торговли (проект фирмы OMA Рема Коолхааса), и Cool63 (проект Allies & Morrison). Вместе эти два проекта добавляют 50 тыс. кв. м пространства для торговли и отдыха на рынке, который предполагают уменьшить на двадцать процентов. Другими словами, в статусе памятника или нет, будущее Лийнбаана остается неясным.

В центре города планируется построить 10 тыс. жилых единиц, при этом уделяя особое внимание развитию общественных пространств и реализации многоцелевых программ. Все это дает городу шанс приблизиться к тому образу современного города, к

которому он стремится. Однако потребуется еще немало времени, чтобы восполнить огромный урон, причиненный войной. Кроме того, необходимо постоянно совершенствовать градостроительную политику города, которая долго находилась под влиянием модернизма.

^ Рис. 15. Роттердамский форум по проекту OMA и Cool63 по проекту Allies & Morrison / Rotterdam Forum by OMA and Cool63 by Allies & Morrison

re space in a market that is expected to shrink with about twenty percent. In other words: the future of the Lijnbaan is not certain at all, monument or not.

Still, with the ambitions to built 10.000 housing units in the city centre and a policy that focusses on public spaces and mixed use programmes the city is well positioned to become more like the the modern city it aspires to be. The damage done by war and modernism to the intricate interactions between people, buildings, public spaces and programmes may yet take more time to heal.

в Рис. 15. Роттердамский форум по проекту ОМА и Cool63 по проекту Allies & Morrison / Rotterdam Forum by OMA and Cool63 by Allies & Morrison

References / Литература

1. Van der Hoeven, F., & Nijhuis, S. (2011). *Hi Rise, I can see you! Planning and visibility assessment of high building development in Rotterdam*. *Research In Urbanism Series*, 2(1), 277–301. Retrieved from <http://rius.tudelft.nl/article/view/216>
2. Brand, N. (2013). *De wortels van de Randstad. Overheidsinvloed en stedelijke hiërarchie in het westen van Nederland tussen de 13de en 20ste eeuw*. *A+BE | Architecture And The Built Environment*, 2(2), 1–352. doi:10.7480/a+be.vol2.diss2
3. Olshevich, A. *Shared Space: Revolutionary Changes in the Streets of British Cities*. *Project Baikal*, 2013, 10(35), 74–79. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/19>
4. Beeren, W., Dettingmeijer, R., Kauffmann, F., Idsinga, T. & Schilt, J. (1982). *Het Nieuwe Bouwen in Rotterdam 1920–1960*. Delft/Rotterdam, Netherlands: Delft University Press & Museum Boymans van Beuningen.
5. Bureau Binnenstad. (2008). *Binnenstad als City Lounge. Binnenstadsplan voor de periode 2008–2020*. Rotterdam, Netherlands: City of Rotterdam.
6. Dienst Stadsontwikkeling. (2011). *Binnenstad op ooghoogte. Plintenstrategie voor de Rotterdamse binnenstad*. Rotterdam, Netherlands: City of Rotterdam.
7. www.forumrotterdam.nl
8. www.cool63.nl

заборы / fences

text
Konstantin Lidin

The article attempts to identify a symbolical sense of the fence as an element of city semantics. Methods of the analysis of the sense of the word "fence" and its derivatives in Russian and the analysis of examples from architecture and town planning history are used. It is shown that the fence possesses not only a delimitative, but also offensive and aggressive sense. The fence means a border between different ways of life, each of which seeks to take away a vital space from the neighbor. The fence-wall literally divides sites with different structures of life. The fence-sign, the fence-notional border divides the areas protected from each other by the law. At last, the decorative and demonstrative fence not merely divides structures, but also expresses claims of one of them to be a model for another. Often the communities divided by a fence consider only their own way of life as something structured, ordered, natural and correct. The way of life existing "behind a fence" is perceived not as a different structure, but as an unstructured chaos. The more uncomprehended the alien structure is, the more chaotic and fearful it seems, and the higher and stronger the fences become. Like the majority of socio-psychological processes, the balance between uneasiness and trust has periodic oscillatory changes. In recent twenty years a strong growth of uneasiness and all related phenomena have been observed. Including the growth in the number, variety and aggressive activity of various fences.

Key words: semantics of the city, architecture, town planning, city structure, fence, way of life, balance "uneasiness – trust"

In the Russian language, the word 'zabor' (fence) at a first glance seems to involve a meaning of fight and passive protection. But if we get deeper, we can see another shade of meaning. 'Zabor' is related to 'brat' (take), 'vybor' (choice) and

'nabor' (selection), thus evoking active and even aggressive associations. It means an object taken away from somebody.¹

The aggressive shade of meaning is seen in the metaphoric usage of the derivative adjectives. 'Zaborny' and 'podzaborny'

Забористые времена / Hot Times of Fencing

текст
Konstantin Lidin

Статья посвящена попытке выявления символического смысла забора как элемента городской семантики. Используются методы анализа смысла слова «забор» и его производных в русском языке, а также анализ примеров из истории архитектуры и градостроительства. Показано, что забор обладает не только разграничительным, но и наступательным, агрессивным смыслом. Забор означает границу между различными укладами жизни, каждый из которых стремится забрать жизненное пространство у соседа. Зачастую сообщества, разделенные забором, только свой уклад жизни ощущают в качестве чего-то структурированного. Свой образ жизни воспринимается как нечто упорядоченное, закономерное и правильное. Уклад жизни, существующий «за забором», воспринимается не как иная структура, а как бесструктурный хаос. Чем хуже различается чужая структура, чем более хаотичной она кажется, тем страшнее выглядит, и тем выше и мощнее становятся заборы. Как и большинство социально-психологических процессов, баланс тревожности и доверия испытывает периодические колебательные изменения. В последние годы наблюдается сильный рост тревожности и всех связанных с ней феноменов. В том числе – рост числа, разнообразия и агрессивной активности всевозможных заборов.

Ключевые слова: семантика города, архитектура, градостроительство, забор, структура, уклад жизни, баланс тревожность – доверие.

1. Виноградов В. В. История слов. М. : Толк, 1994. / Vinogradov, V. V. (1994), Istoriya slov [History of Words], Tolk, Moscow.

2. Письмо А. П. Вяземскому от 5 ноября 1830 г. Собр. соч. А. С. Пушкина в 10 т. Т. 9. Письма, записки 1815–1830. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1962. / Letter to A. P. Vyazemsky of November 5, 1830 (1962), in Collected works of A. S. Pushkin in 10 volumes. Vol. 9. Letters and notes 1815–1830. Gosudarstvennoye izdatelstvo Khudozhestvennoy Literatury, Moscow.

3. Этимологический словарь русского языка. М. : Русский язык от А до Я. М. : ЮНВЕС. 2003. / Etymological dictionary of the Russian language (2003), Russkiy yazyk ot A do Ya, Moscow, Yunves, Moscow.

Возьмем слово «забор» и оторвем знакомый префикс «за». На первый взгляд оставшийся корень «бор» отсылает нас к словам «бороться», «борьба». То есть забор предназначен для боронения, обороны. Пассивная защита, броня.

Но нет, достаточно немного помять слово, и из него выглядывает совсем другой смысловой элемент. Забор – то, что забрано (например, досками). Родство со словами «брат», «выбор», «сбор», «набор» выявляет родство забора с активными, наступательными и даже агрессивными образами. Забор обозначает то, что у кого-то отобрано.¹

Агрессивный оттенок слова особенно заметен в переносном использовании производных от него прилагательных. Слова «заборный», «подзаборный» означают нечто грубое, непристойное, неприличное. Заметим, однако, что употребление заборных (забористых) выражений не всегда носило однозначно негативный характер. Во времена, скажем, Гавриила Романовича Державина ненормативная лексика воспринималась как признак удали, жизненной энергии и дерзости. Некоторые стихи мастера торжественных од носят весьма-таки пряный характер. А всеобъемлющий А. С. Пушкин еще в лице прославился как мастер не только французского языка, но и «русского матерного». Сохранилась эпиграмма на него, сочиненная соучениками:

*А наш Француз
Свой хвалит вкус
И матерщину порет.*

В зрелости поэт тоже не отказывал себе в сочной заборности. Например, в письме Вяземскому из Болдина (Болдинская осень, высочайший взлет пушкинского гения!): «...Заехал я в глушь Нижнюю, да и сам не знаю, как выбраться? Точно еловая шишка в жопе; вошла хорошо, а выйти, так и шершаво».²

Слова «заборный», «подзаборный» в большинстве словарей трактуются не только как «бездомный», «бродяжнический», «низкого происхождения, безродный», но также и «крепкий», «грубый», «сильный».³

Да и современное заборное искусство граффити воспринимается как дерзкая и эпатажная изобразительная культура, живучая, как релейник. Все это наводит на мысль, что забор – предмет символический. Это не просто стенка, разделяющая соседей. Забор, в терминологии Ролана Барта, предстает перед нами как мощный денотат, окруженный обширным облаком коннотативных смыслов.

Человечеству известны примеры величественных и даже Великих заборов. Стены Микен и «крепкостенного» Тиринфа, воспетые Гомером. Великая китайская стена. Стены Константинополя...

mean something rude and indecent. It should be noted that the use of 'zaboristy' (hot) expressions did not always bear a negative connotation. For example, in Gavriil Romanovich Derzhavin's time, the indecent vocabulary was indicative of boldness and vital power. Some of his verses are rather spicy. And many-sided A. S. Pushkin was famous not only for his fluent French language, but also for his "vile Russian language" already in the lyceum. His schoolfellows wrote about him:

*Our Frenchman
Thinks his taste is super
And swears like a trooper*

In his adulthood, the poet did not deny himself 'zabornyi' language. For example, he writes to Vyazemsky from Boldino (it was in Boldino autumn when Pushkin's genius reaches its zenith): "... I have come to the depth of the country and do not know how to get out of it. Like a fir-corn in the ass: smooth to enter, but rough to get out".²

In many dictionaries the words 'zabornyi' and 'podzabornyi' are interpreted not only as 'homeless' or 'rootless', but also 'firm', 'rough' and 'strong'.³

The modern graffiti art on fences is also considered as a bold and appealing art, which dies hard like a burdock. It suggests an idea of the fence as a symbolic object. It is not just a wall separating the neighbours. According to Roland Barthes, the fence is a strong denotation surrounded by a vast cloud of connotative meanings.

Humankind has witnessed examples of impressive and even Great fences. The walls of Mycenae and "mighty walled" Tiryns praised by Homer. The Great Wall of China. The walls of Constantinople...

Having united China in 221 B.C., the Yellow Emperor Qin Shi Huangdi began to build a continuous wall 6-10 meters high and 5-6 meters thick to separate the land of the Middle Empire from the territory inhabited by nomads. The wall may not only have protected China from "the northern barbarians", but also have kept the emperor's subjects away from the temptations of nomadic way of life. In the first century B.C., if the year was not yielding, people from the north-eastern provinces could leave their homes and move to more fruitful places of Manchuria. It was impermissible from the point of view of the central authori-

Объединив Китай в 221 году до н. э., Желтый император Цинь Ши-хуанди начал строительство сплошной стены высотой 6–10 метров и толщиной 5–6 метров, чтобы отделить земли Серединной империи от земель, населенных кочевниками. Есть такое мнение, что стена не только защищала Китай от «северных варваров», но и предохраняла подданных императора от соблазнов кочевнической образа жизни. В первом веке до н. э. жители северо-восточных провинций в неурожайный год вполне могли сняться с места и откочевать в более благополучные области Маньчжурии. Нельзя же было допускать такого ускользания от контроля центральной власти!

Друцкая Губерния. Училище мужское

< Здание Иркутской губернской мужской гимназии, ныне Иркутский областной художественный музей. В начале XX века здание окружала ограда, но фасад был открыт и визуально доступен. Затем, вплоть до середины восьмидесятых годов, даже эта прозрачная ограда отсутствовала, музей отделяла от тротуара только полоса невысоких кустарников / The building of Irkutsk Gubernial Men's Gymnasium, now the Museum of Art. In the early XXth century the building was enclosed by a fence, but the façade remained open and visually available. Then, up to the middle of the 1980s, there was no fencing at all, and the museum was separated from the pavement with nothing but a row of low bushes

< На сегодняшний день здание перекрыто трижды – разросшимися растениями, восстановленной оградой плюс сплошным слоем рекламных баннеров. Увидеть фасад в его первоначальном виде практически невозможно / Today the building is hidden three times: with overgrown vegetation, restored fencing and a continuous layer of advertising banners. The original façade is practically invisible.

4. Керам К. Боги, гробницы, ученые. Роман археологии. М. : Вече, 2005. 480 с. / Ceram, C. (2005), Gods, Graves and Scholars: The Story of Archaeology, Veche, Moscow.

5. Там же. / ibid

6. Beadle Jeremy, Harrison Ian. Crime. Firsts, Lasts & Onlys. London: Anova Books, 2008.

7. Лидин К. Л. Железный символизм. Орнаментальный декор в архитектуре Иркутска // Проект Байкал. 2006. № 10. С. 25–28. / Lidin, K. L. (2006), "Zheleznyi simbolizm. Ornamentalnyi dekor v arkhitekture Irkutsk" [The iron symbolism. Ornamental decoration in the architecture of Irkutsk], Project Baikal, No. 10, pp. 25-28.

ty control.

The walls of Tiryns were built a thousand years before the Wall of China. Their symbolic meaning is demonstrated even more brightly. "Tiryns was considered Heracles' motherland. The Cyclopean walls excited general admiration in the ancient world. Pausanias compares them with the pyramids. According to the legend, Proitos from Tiryns asked seven Cyclops to build those walls for him. Later similar walls were built in other places, first of all in Mycenae. Basing on this, Euripides called Argolida a "Cyclopean country"⁴.

The admiration aroused by the legendary construction was quite explainable: the walls were formed by 2-3 meters high and one meter thick stone blocks, which weighed about 12 tons each. In the lower part of the city, where household buildings and stables were located, the walls were eleven meters thick and sixteen meters high. What danger caused the building of such fortifications? After all, in the XIV-XIII centuries B.C. all the siege equipment was nothing but primitive rams. The builders of Tiryns seemed to prepare protection at least from King Kong rather than the Achean pirates or the nomadic Pelasgians.

Построенные на тысячу лет раньше Китайской стены, стены Тиринфа еще ярче демонстрируют свою символическую сущность. «Тиринф считался родиной Геракла. Циклопические стены вызывали во времена античности восхищение. Павсаний сравнивает их с пирамидами. Рассказывали, что Проитос, легендарный правитель Тиринфа, призвал семь циклопов, которые и выстроили ему эти стены. Впоследствии такие же стены были сооружены в других местах, прежде всего в Микенах, что дало основание Эврипиду называть Арголиду "циклопической страной"⁴.

Восхищение легендарной постройкой вполне понятно. Стены выложены из каменных блоков длиной в два-три метра, толщиной в метр и весом около двенадцати тонн каждый. В нижней части города, там, где находились хозяйственные постройки и конюшни, толщина стен составляла семь-восемь метров. Наверху, там, где жил владелец дворца, стены достигали одиннадцати метров в толщину, высота их равнялась шестнадцати метрам. Какая угроза могла оправдать строительство таких фортификаций? Ведь речь идет о XIV–XIII веках до н. э., когда вся стеновая техника ограничивалась примитивными таранами. Возникает впечатление, что строители Тиринфа планировали защиту не от ахейских пиратов или кочевников-пеласгов, а от Кинг-Конга. Или надо признать, что стены Тиринфа носили столь же сильное символическое значение, как пирамиды Египта.

Заметим, что царь Проитос вовсе не был таким уж brutальным фанатиком войны. За циклопическими стенами укрывался «настоящий гомеровский дворец с залами и колоннадами, с красивым мегароном (залом с очагом), с атриумом и пропyleями. Здесь еще можно было увидеть остатки банного помещения (пол в нем заменяла цельная известняковая плита весом в 20 тонн), того, в котором герои Гомера мылись и умащивали себя мазями»⁵.

Исторический пример поможет нам выявить еще один символический аспект забора.

В самом начале V века н. э. на византийский престол возшел император Феодосий Второй. Императору

Otherwise we should admit that the symbolic meaning of the walls of Tiryns was as strong as the one of the Egyptian pyramids.

However, King Proitas was not a vigorous warrior. Behind the Cyclopean walls there was "a true Homeric palace with halls and colonnades, with a beautiful megaron (a hall with a hearth), an atrium and propylaea. Here one could see the remains of bath premises (with a monolithic calciferous slab weighting 20 tons served as a floor), where Homer's heroes washed and embrocated themselves"⁵.

The following historical example can reveal one more symbolic aspect of the fence.

In the early Vth century A.D. Theodosius II became Byzantine Emperor. He was only seven, that is why Praetorian Prefect Anthemius started to rule on his behalf. A talented leader and administrator, Anthemius was famous for building stately fortifications around Constantinople with an overall length of more than five and a half thousand kilometers. The Empire was threatened by envious and aggressive neighbours from all sides – the Vandals from the west, the Huns ruled by

было тогда семь лет от роду, поэтому от его имени стал править префект претория Анфимий, талантливый руководитель и хозяйственник. Он прославился главным образом строительством величественных укреплений вокруг Константинополя общей длиной больше пяти с половиной тысяч километров. Завистливые и агрессивные соседи угрожали империи со всех сторон – с запада вандалы, с севера – Аттила во главе гуннов, с востока – мощное государство Сасанидов... Сухопутная часть укреплений была построена в рекордно короткие сроки, всего за пять лет. Они простояли больше тысячи лет и были разрушены (и то частично) только при завоевании Константинополя турецким султаном Мехмедом Вторым в 1453 году. Заметим, что древние стены удалось проломить лишь на самом слабом их участке при помощи специально построенных пушек, метавших ядра диаметром около метра.

Какой пример для сегодняшних строителей!

Со стороны моря Анфимий также возвел стену, но совсем другого рода. Сама стена, в те времена вплотную примыкавшая к обрезу воды, тоньше и ниже «сухопутной» части укрепления. Кроме того, в морских стенах Константинополя было прорезано множество ворот, окон и прочих проемов – через них люди и товары сгружались прямо с подплывающих судов. Однако не это самое удивительное.

Прямо в морской стене до сих пор различается фасад парадного дворца императора. Фасад с рядом больших арочных окон был украшен статуями быкольева, откуда и его название – Буколеон. Буколеон оставался резиденцией императоров вплоть до 1204 года, когда он был razoren крестоносцами. Можно представить себе, какой впечатляющей демонстрацией византийского богатства и высокомерия был этот пышный фасад, встроенный прямо в крепостную стену.

Демонстративная функция особенно заметна в декоративной разновидности забора, и в этом своем смысле она использует весь арсенал знаков и символов, накопленных человечеством. Иногда исторические корни декоративных элементов забора довольно глу-

Attila from the north, and a mighty Sassanid state from the east... The land-based fortifications were built in record-breaking time, within 5 years. They had stood for over a thousand years and were destroyed (only partially) when Turkish Sultan Mehmed II conquered Constantinople in 1453. The old walls were broken only in their weakest part with the help of specially built cannons firing one-meter diameter shots.

Such a good example for today's builders!

From the sea-side, Anthemius erected a wall of different kind. The wall adjoining the water edge is thinner and lower than the "above-grade" part of the fortification. Besides, the sea walls of Constantinople had many gates, windows and other openings to unload cargo and people directly from the coming ships. But this is not the most wonderful thing.

In the sea wall the façade of the grand palace is still visible. The façade with a row of big arched windows was decorated with statues featuring a bull and a lion. Thus the palace was named Bukoleon. The palace had remained the residence of emperors until 1204, the year when the Crusaders ravaged it. Indeed, that rich façade embedded in the fortification was a

wonderful demonstration of Byzantine luxury and haughtiness.

Such a demonstrative function is obvious in the decorative type of the fence, using a wide range of signs and symbols accumulated by mankind. Sometimes historical roots of ornamental motives of the fence are rather deep and sinister. For example, such wide-spread elements as sharp pikes and balls possibly symbolize an old and horrible tradition to put a head of a defeated enemy or an executed criminal on a pike. Such "ornamental motives" were used during many centuries. In the enlightened Europe, for example, the criminals' heads put on pikes decorated the main southern entrance to London Bridge until the late XVIIIth century.⁶ The demonstrative and threatening meaning of balls and pikes used in the decorations of fences seems to be lost nowadays. But is it a pure accident that the largest number of pikes and balls in Irkutsk is noted in the fence around the Federal Security Service building? A lot of other symbolic meanings can be observed in the decorative fencing today.⁷

So, what is the fence as a symbolic object? Summarizing the examples, we will try to understand the fence as a symbol of

боки и зловещи. Например, такой распространенный элемент, как острые «пики» и шары, скорее всего, символически воспроизводят обычай, столь же древний, как и жуткий – насаживать на пику голову поверженного врага или казненного преступника. Такие «декоративные элементы» использовались на протяжении многих веков. В просвещенной Европе, например, насаженные на пики головы преступников украшали главный, южный въезд на Лондонский мост вплоть до конца XVII века.⁶ Демонстративно-угрожающий смысл шаров и пик в составе декоративного забора ныне, казалось бы, утрачен. Однако случайно ли, что наибольшее количество пик и шаров в Иркутске можно обнаружить в ограде, окружающей здание ФСБ? Множество других символических и знаковых смыслов и сегодня присутствуют в структуре декоративных заборов.⁷

Итак, что же это за символический объект – забор? Суммируя примеры, попробуем понять забор как сим-

вол захвата, отторжения пространства у какой-то иной, враждебной и чужеродной структуры. Забор означает границу между различными укладами жизни, каждый из которых стремится забрать жизненное пространство у соседа. Забор-стена буквально разделяет участки с различной структурой жизни. Забор-знак, забор – условная граница разделяет области, защищенные друг от друга законом. Наконец, декоративный и демонстративный забор не просто разделяет структуры, но и выражает претензии одной из них служить образцом для другой. Декоративный забор вокруг дворца демонстрирует: здесь, во дворце, живут высшие существа, они лучше знают, как надо жить и их структура жизни совершеннее, чем у тех, которые живут за забором (или даже под забором).

Эволюцию заборов в связи с социальными структурами общества можно проследить на примере Санкт-Петербурга. При закладке города и в первые десятилетия его роста действовали три правила, введенных

< Здание Торгового комплекса также окружено многослойным забором – металлической оградой с шарами («головами») на высоких шестах, строем автомобилей на парковке и рекламными баннерами. Торговля – дело опасное... / The building of the Shopping Centre is surrounded by a multilayer fence: a metal barrier with balls ("heads") on high poles, a row of automobiles on the parking lot and advertising banners. Trading is dangerous...

taking some space away from an alien structure. The fence means a border between different ways of life, each of which seeks to take the vital space away from the neighbour. The fence-wall divides sites with different structures of life. The fence-sign or a notional boundary divides areas protected from each other by the law. At last, the decorative and demonstrative fence not merely divides structures, but also expresses claims of one of them to be a model for another. The decorative fence around a palace demonstrates that the palace is inhabited by higher beings who have a better understanding of life and a more sophisticated life structure than those who are fenced off.

The evolution of fences related to social structures can be traced through the example of Saint Petersburg. When the city was founded and during the first decades of its growth there were three rules initiated by Peter the Great: straightness of the streets; regular development in terms of leveled height of buildings placed strictly along the red street lines; the perspective of streets directed towards towers or grand buildings. The red line was built up only with façades of the buildings, mansion houses were prohibited, and all outbuildings were located

in the courts behind the building. The spaces between buildings were filled with decorative and visually transparent metal or stone fences. In Catherine the Great's time, when the division between classes grew firmer, the ribbon development with no gaps between buildings was implemented. The streets turned into corridors formed by main façades.⁸

Divided by a fence, communities often think that only their lifestyle is structured, well-ordered and proper. For them, the lifestyle behind the fence is not just a different structure but an unstructured chaos. They believe that they live in accordance with the law, and people behind the fence live a ruleless and wrong life.

In terms of emotions, chaos is experienced as the emotions of the "fear" group, from its weakest forms (distrust and suspicion) to its strongest ones (horror and panic). The opposite feeling of having the Law and the Order is experienced as the emotions of the "conscience" group (confidence, reliability, duty, honour, guilt, repentance...). The more uncomprehended the alien structure is, the more chaotic and fearful it seems, and the higher and stronger the fences become.

8. Градостроительство / под ред. В. А. Шкваринова. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1945. / Gradostroitelstvo [Town planning] (1945), Shkvarikov V. A. (Ed.), Izdatelstvo Akademii Arkhitektury SSSR, Moscow.

9. Akerlof, George A., Shiller, Robert J. (2009), Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism, Princeton University Press, Princeton.

Петром Первым: прямолинейность уличной трассы; регулярность застройки в смысле выровненной этажности и поставленной строго по красным линиям улиц; устремление перспективы улиц к башням или подобным выдающимся зданиям, замыкающим перспективу улицы. При этом на красную линию выходили именно фасады домов, усадебная застройка была запрещена, а все хозяйственные и служебные постройки размещались во дворах, позади самого дома. Разрывы между домами заполнялись декоративными, визуально прозрачными металлическими или каменными оградками. Во времена Екатерины Великой, когда сословные перегородки окрепли, была введена сплошная периметральная застройка, без разрывов между домами. Улицы столицы окончательно превратились в коридоры, образованные парадными фасадами.⁸

Зачастую сообщества, разделенные забором, только свой уклад жизни ощущают в качестве чего-то структурированного. Свой образ жизни воспринимается как нечто упорядоченное, закономерное и правильное. Уклад жизни за забором при этом воспринимается не как иная структура, а как бесструктурный хаос. Мы тут живем по закону, а они там, за забором, живут незаконно, неправильно (без правил), не по-людски.

В эмоциональном плане хаос переживается как эмоции группы «страх» – от слабых его форм (недоверие, подозрительность) до сильных (ужас, паника). Противоположное ощущение присутствия Закона и Порядка переживается эмоциями группы «совесть» (доверие, надежность, долг, честь, вина, раскаяние...). Чем хуже различается чужая структура, чем более хаотичной она кажется, тем страшнее выглядит, и тем выше и мощнее становятся заборы.

Мало того. Чем выше уровень страха и недоверия, тем больше заборов появляется на каждый квадратный километр. Общество дробится на все более мелкие страды, растет разобщенность (но и разнообразие) укладов жизни. При высоких уровнях социальной тревожности наступает атомизация: каждый человек ощущает себя одиночкой, окруженным какими-то малопонятными и враждебными пришельцами. Однако и на этом процесс не останавливается. Нарастание тревоги

приводит к расщеплению личности: обычный человек распадается на отдельные фрагменты (субличности), враждующие между собой. Такой человек не доверяет сам себе и постоянно подозревает сам себя в каких-то тайных умыслах против самого себя. Такая «бытовая шизофрения» заставляет человека строить заборы внутри собственной личности.

Как и большинство социально-психологических процессов, баланс тревожности и доверия испытывает периодические колебательные изменения. В последние годы наблюдается сильный рост тревожности и всех связанных с ней феноменов. Возможно, это связано с экономическим кризисом. Хотя есть и противоположное мнение: глобальный финансовый кризис представляет собой следствие наступления «страшных времен».⁹

Так или иначе, рост уровня тревожности сказывается на облике современных городов. Быстро растет и количество, и разнообразие заборов. Поисковые системы Интернета предлагают около полумиллиона сайтов с ключевым словом «забор», и почти все они являются торговыми предложениями по изготовлению или продаже различных заборов. Быстро возрождается производство металлических – литых и кованных – оград, ворот, решеток. При этом традиционные заборы из досок или стального листа тоже встречаются все чаще и выглядят все заметнее. Стандартный забор для ограждения стройплощадок, например, теперь положено набирать из профлиста в яркую зелено-белую полосу. Кроме того, уже имеющиеся заборы и ограды обрастают целыми слоями рекламных плакатов, баннеров и объявлений. Эта яркая и крикливая оболочка играет роль нахального «визуального захватчика» – в том самом смысле слова «забор», который связан с агрессивным наступлением на психику горожан.

Разнообразные заборы окружают нас со всех сторон. Они угрожают, требуют, заманивают, теснят... Заставляют каждого из нас окружать глухим забором собственный разум и душу. Остается только верить, что когда-то эпоха тревожного заборостроительства закончится так же неожиданно, как и началась.

Moreover, the higher level of fear and distrust, the more fences are built per square meter. Society is breaking up into smaller and smaller strata, and isolation (as well as diversity) of ways of life is growing. A high level of social uneasiness leads to atomization – everybody feels like a loner surrounded by unfamiliar and enemy aliens. But this is not the end of the process. The growth of uneasiness leads to dissociation of personality – an ordinary person splits into separate conflicting fragments (subpersonalities). This person does not trust himself and always suspects that he has designs against himself. Such a “social schizophrenia” makes a person build fences inside his personality.

Like the majority of socio-psychological processes, the balance between uneasiness and trust has periodic oscillatory changes. In recent years uneasiness and all related phenomena have increased. It may be connected with the economic crisis, though there is an opposite point of view that the global financial crisis is a consequence of “dire times”.⁹

The growth of the level of uneasiness affects the visage of present-day cities. The number and variety of fences increase

too. The Internet search engines suggest about half a million sites with the key word ‘fence’, practically all of them are commercial proposals to produce and sell different kinds of fences. The production of metal (cast and wrought-iron) fences, gates and railings is gaining momentum. At the same time, traditional fences made of boards or steel sheets are also widely spread. For example, a standard fence enclosing building sites is traditionally composed of stainless steel sheets with bright green and white stripes. Besides, the existing fences are covered with layers of advertisement posters and banners. This colorful and screaming envelope plays a role of an arrogant “visual invader” in the sense of the word ‘zabor’ referring to aggressive invasion of citizens’ mind.

Various fences surround us from all the sides. They threaten, demand, tempt, press... They make everybody enclose his or her mind and soul with a blind fence. Nothing is left but to believe that some day the epoch of anxious fencing will end up as unexpectedly as it started.

в Титанический забор около четырех метров в высоту в центре Иркутска (ул. Борцов Революции). За забором находится пустырь с несколькими старыми контейнерами на нем. Смысл забора, очевидно, чисто символический... / A titanic four-meter-high fence in Irkutsk downtown. Behind the fence there is a waste ground with a few old containers. The sense of the fence seems to be merely symbolic...

текст
Марина Ткачева

Эти попутные заметки посвящаются двум темам. Первая – некоторые социологические «ума холодные наблюдения и горестные заметки» по поводу назначения заборов – не в том привычном смысле, что забор и в Африке забор, а так, как это складывается на наших глазах в городе.

Вторая тема проклюнулась прямо в процессе письма: следует ли забору быть проектируемым и красивым? И что такое его красота? Ответа я пока не вижу, но приходит в голову уже интересовавшая меня когда-то тема рамы и картины. Тут много аналогий.

Пока что удавшейся историей видится сюжет первый, который может служить прелюдией к теме и принадлежит истории довольно давней. Я еще помню, какие споры кипели в среде неархитектурной интеллигенции, когда было решено восстановить ограду вокруг Художественного музея. Противники установления аргументировали свою позицию тем, что здание музея

станет «закрытым», перестанет быть публичным местом. Опасения не оправдались: территория музея – удачный пример гармонии «рамки» (исторической ограды) и «картины» (самого здания). Прозрачность, доступность для взгляда территории двора дополнена «режимом ограниченной функциональности» – возможностью соблюдать порядок, не допускать на ней хаоса и варварства.

Лет восемь назад по местному телевидению показывали документальный цикл Е. Поддубной «Иркутск. Избранное» (кстати, очень неплохой цикл! Странно, что его не повторили к юбилею города). В фильме «Два генплана» автор рассказывает, как застраивался центр города после пожара 1879 года. Владельцы участков земли в зоне пожара мгновенно огородили свои наделы и вновь начали строиться как бог на душу положит, не считаясь с генпланом и замыслами губернатора и управы. Для наведения хоть какого-нибудь

v Как ограду превратить в музей Фигерас музей-театр
Дали стена, она же забор

Место встречи изменить нельзя?

порядка, соблюдения необходимой регулярности в организации улиц городским властям приходилось даже отпиливать куски некоторых домов. Частные интересы и цели с трудом подчинялись логике города.

Деревянная и частная застройка предполагала усадьбу, пространство вокруг дома. Выделение его было бы невозможно без ограды, заплота. Когда происходило строительство, двор был территорией порядка, обжитым и «своим» местом. Так создавалась двойная перспектива: изнутри двора – защищенность и безопасность, снаружи – непроницаемость для взглядов и вторжения. Приватное спорило с городским, устанавливало линию разломов, где традиционное сталкивалось с современным, создавая «телесный» каркас для сегодняшних проблем и сегодняшней жизни Иркутска. Без загородки и сегодня не обходятся ни территория школы и детского сада, ни самый простенький газон где-нибудь в новом микрорайоне; в против-

ном случае место становится «ничьим». Его затапывают, используют для парковки автомобилей (а иначе невозможно при отсутствии парковочных мест возле сооружений и офисов) или для несанкционированной свалки мусора.

Сегодня выйти за пределы линии уличной застройки весьма трудно: она и так вплотную приблизилась к проезжей части. Но городское пространство возможно «приватизировать» (и подчас весьма успешно). Так, вытесняя пешеходов, уменьшая и без того незначительную территорию доступных публичных мест в городе, появляются штендеры, выносные крылечки, лесенки офисов и магазинов, самовольные парковки на тротуарах. Одновременно умножается количество глухих заборов, создавая феномен непроницаемости большей части городского пространства, отсутствия возможности необходимой для любого города публичной жизни, усиливая монотонность (термин

v Гауди превращает пыль в искусство парк Гуэль Барселона

В. Глазычева) той деятельности, которая в нем осуществляется горожанами.

Организация жизни города и не самый теплый климат предполагают «свертывание» пространства, «утягивание» традиционных форм деятельности внутрь стен. Двор становится «полем битвы» публичного, общедоступного с частым, превращается в буферную зону, обозначенную разнокалиберными заборами. То, что находится вне стен домов, воспринимается как ничье, там умножается хаос, приходят в негодность надворные постройки, заборчики у палисадников (да и сами палисадники) исчезают... Забор, как и реклама, превращается в способ маскировки этого хаоса.

Пестрота этих сооружений зависит не только от небрежного отношения к территории фронта, не только от состоятельности хозяев, стремящихся к приватности, но и от фантазии «строителей»: заборы почти всегда – плод индивидуальной изобретательно-

сти. Во всяком случае, я ни разу не слышала, чтобы внешний облик забора проектировали специально (за исключением уже упомянутого Художественного музея и сквера Кирова); встречаются заборы-коряги, заборы – заросли стеклянных банок и бутылок, не говоря о привычных заборах – автомобильных покрышках.

Но забор – это и временное сооружение для маскировки строящегося объекта, защиты прохожих от случайностей на стройплощадке. Долгострой чреват опривычиванием забора: его поверхность обживается, обклеивается объявлениями разного сорта; вокруг него, опять-таки, копится мусор. Забор ограничивает обзор исторических памятников, скрывает недоделки и разруху. Он становится фокусом того, что я бы назвала «замершим изменением», затянувшимся переходом, очевидным и типичным признаком сегодняшней городской повседневности, в которой старое соприкасается

v Оутераоа Новая
Зеландия. Врата ада: вход
в парк гейзеров

> За 17 лет там вырос лесок, а забор стоит

> Был дом, стал забор.
Иркутск

с новым. И есть такие места, где оно переливается в новое.

Казалось, «про это» сказано все и написано достаточно. Но вот пару лет назад весной появилось «новенькое»: вновь поставленные или обновленные старые заборы выкрасили в бело-зеленую вертикальную полосу. Огороженных территорий стало даже больше, чем прежде, и назойливые полосы сделали забор самостоятельным предметом городской жизни. Это уже не просто забор, а ЗАБОР!

У моих друзей в Окленде тоже есть заборчик: этикие символические пенечки между их и соседским участками. С этими людьми они очень дружны. Но на предложение убрать пенечки Джеймс, весьма приветливый программист средних лет, мягко сказал: «Да нет, зачем же? Пусть будут».

^ Когда б вы знали, из какого сора...

v Калатрава. Будущее архитектуры. Валенсия, ограда оранжереи

Кочующая идеология заборов

Забор – ограда, чем место забрано, обнесено, огорожено; ряд кольев, который ставится поперек чего-то; прясельник, городьба, тын, частокол, палисадник; плетень; стена; живая изгородь; перегородка в доме...

Владимир Даль.

Толковый словарь живого великорусского языка

В феврале 2013 года в редколлегии журнала «Проект Байкал» состоялся круглый стол, посвященный обсуждению функций и особенностей заборов в социальном пространстве. В нем приняли участие: Елена Григорьева – архитектор, издатель; Владимир Бух – заслуженный архитектор России; Николай Жуковский – главный архитектор и директор ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского»; Татьяна Чеботарева – архитектор; Марина Ткачева – кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУЭП, член Союза журналистов России; Елена Ладейщикова – сотрудник Службы охраны объектов культурного наследия Иркутской области; Константин Лидин – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента ИргУПС.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Начнем с того, что тема заборов актуальна для мировой архитектурной общественности: в Италии прошла конференция, заявлена азиатская дискуссия о преодолении границ (тоже заборов!). Тема интересна и для нас, она предполагает интересные повороты: исторические заборы; то, что можно обозначить как «философия заборов»; волновой характер «заборизации» в Иркутске. То он весь в заборах, даже на центральных улицах, то приходит время – и заборы убирают.

МАРИНА ТКАЧЕВА Политолог А. Аузан прямо связывает идеологию установки заборов со сверхиндивидуалистическим характером постсоветского общества, эгоистическим стремлением оградить свою территорию, сделать недоступной для других, «посторонних». Мне кажется, сюда можно кое-что добавить.

Первое я называю «крамой для картины»: картинка – это само здание, а есть еще окружающая территория, которая создает настроение, делает понятным замысел

или вводит в контекст времени. Исторические заборы (или те, которые имитируют их) – это именно такой случай.

Второе – это функция своеобразного «места встречи». Впервые натолкнулась на эту идею в Новой Зеландии, где большинство заборов сделаны в архаических традициях, а скульптура и архитектура могут быть вполне европейскими: памятник офицеру-участнику Первой мировой войны огорожен столбами с изображением местных божеств-покровителей; скульптура королевы Виктории – а вокруг языческие символы... Потом я подумала: что-то похожее по назначению происходит и у нас. Здесь не маорийские боги встречаются с британцами, но пересекаются пространство и чувства, ритуальные действия и устойчивые структуры. Вот на перилах Нижней набережной, на ограде вокруг драмтеатра висят замки – подарки от новобранцев (во многих городах я видела то же самое); такая материализация клятвы в любви, встреча общественного и частного.

Третье – нестандартный пример, подсмотренный в Кисловодске, который считается чуть ли не самым престижным и дорогим городом коттеджной застройки в южной России. Сами эти домики и дворцы достаточно стандартны, похожи друг на друга, отличаются разве что размерами. Но вот заборы и ворота у всех разные; такая демонстрация статуса исключительно «навынос».

Наконец, наиболее очевидное, четвертое. Забор – отгораживание территории безопасности и порядка от территории хаоса.

НИКОЛАЙ ЖУКОВСКИЙ А с какой стороны был хаос – изнутри или снаружи?

ЕГ Когда в Сибирь пришли казаки, поставили свой острог, где был хаос? У кочевников был свой мир, свой порядок, а пришлые вторглись туда со своим хаосом.

МТ Это симметричная ситуация: казакам казалось, что порядок у них, местным жителям – что у них.

ВЛАДИМИР БУХ Мне иногда кажется, что люди чем-то похожи на животных: коровы ведь ходят там, где ограды нет. Студенты в сквере Кирова, вокруг памятника Горькому тоже толпчат газон, как им понравится, хаотично, если территория ничем не огорожена. Мне кажется, что когда людей много, они как бы теряют сознание,

действуют стихийно. Мне интересно, что в голове у человека, когда он идет по газону: корова он или человек? Конечно, тропинки должны быть удобными; еще Курчатов предлагал асфальтировать те дорожки, которые люди зимой протаптывают. Но жизнь в городе устроена не так, как удобно каждому, вот заборы и регулируют движение, упорядочивают жизнь.

КОНСТАНТИН ЛИДИН Если бы студенты думали, что регулировать вообще не надо, то они бы тогда ходили где попало и равномерно вытоптали бы весь газон. Они же ходят тоже определенными путями, а не везде.

ЕГ На мой взгляд, планировщики скверов не учли огромные потоки студентов БГУЭП и ИГЛУ. Надо было или дорожки проложить по-другому, или надо замостить короткую дорожку, раз уж она вытоптана, другим материалом, не асфальтом.

НЖ При планировке сквера Кирова сделана грубая ошибка: на самом ходу поставлены скамейки. Но мне интересно, что архитектурными средствами можно даже на таком примитивном уровне управлять людьми: например, сделать ограду повыше, чтобы ее преодолеть уже было невозможно. А еще управлять можно людьми средствами и архитектуры, и цвета, и формы, и направления.

ЕГ Наш сквер, конечно, не Летний сад, где главное – сохранение исторической памяти, исторического порядка. Но все-таки он тоже объект с историей, которую нужно уважать. В большинстве стран, кстати, давно поняли, что по газонам не только ходить можно, но и устраивать пикники, загорать, лежать... Главное – организовать территорию безопасности и красоты. Мы в проекте 130-го квартала предусматривали подобные газоны на крышах (переходящие в частные газоны) именно для такого времяпрепровождения. К сожалению, при нынешней реализации проекта это уже невозможно осуществить.

КЛ Забор – это еще и символический предмет. Он не обязательно должен выглядеть как доски, поставленные торчком. Очень часто функции забора выполняют элементы, казалось бы, совсем на забор не похожие. Эти функции выполняет МКАД: за МКАДом и внутри МКАДа – большая разница. В ментальных картах москвичей

МКАД – такая сакральная линия, за которой не очень понятно, есть ли вообще какая-то жизнь. Забор – если рассматривать его не как строение, а как смысл – это граница между двумя структурами, укладами жизни. Естественно, что каждый житель одного уклада жизни второй уклад воспринимает как отсутствие структуры – хаос. В классическом городе, где осталась традиционная застройка, видно, что между дворами и улицей и между дворами соседей были примерно одинаковые по мощности заборы: ведь в каждом дворе свой уклад, который отличается от соседского. Только в исключительных случаях люди выходили из одной структуры, перемещались в другую; и это все должно быть обставлено ритуалами, потому что чужая структура – штука довольно ядовитая. Можно и свою порушить.

НЖ Линия между структурами или граница между какими-то структурами может быть не обязательно социально-нормативной, обозначенной в виде запрета или закона, иногда она воображаемая.

КЛ Государственные границы – тоже пример забора. Но приходит время – и структуры перемешиваются, камни разбрасываются. Это происходит в глобальном масштабе... В первую очередь стремится проламывать заборы – во всех смыслах – молодежь. Появляется дыра в заборе – тоже довольно символический объект во многих случаях. Потом наступает период, когда идет укрепление разнообразия; внутри каждого объема начинает создаваться и укрепляться своя структура. А для того, чтобы этому процессу не мешали соседи, его нужно отгородить забором. Сейчас явно мы видим, как заканчивается период «заборолательства», начинается период «заборостроительства». Еще несколько лет назад тенденция к перемещению, мобильности, «забороборчеству» была на максимуме; половина человечества куда-то ехала, даже без особой нужды. На наших глазах она в очередной раз завершается.

ЕГ Вернемся к градостроительному значению забора. Вот Садовое кольцо вообще было земляным валом. В Иркутске интересна история улиц, примыкающих к улице Карла Маркса: они не сквозные, а в основном вразброску из-за того, что там была стена. Из-за этого у центра Иркутска такая забавная необычная структура.

Исторические города имеют структуру, на которую повлияли заборы.

ЕЛЕНА ЛАДЕЙЩИКОВА В нашем городе была такая традиционная структура – палисад, оборонительное укрепление, которое трассировано по современной улице Маркса. Если посмотреть на более раннюю и более позднюю сетку улиц города, очень четко «считываются» места ворот: улицы к ним веерообразно сходятся. Заморские ворота – на месте нынешнего памятника Ленину. Мельничные ворота в районе улиц Декабрьских Событий, Франк-Каменецкого и Карла Маркса, также «запрограммировали» пучок улиц. Монастырские ворота, ведущие к Знаменскому монастырю – то же самое.

Кроме схождения, забор отразился еще вот на чем. Более старая часть города (до ул. К. Маркса) имела горизонтальную направленность улиц: они сжимались, уплотнялись, разрастались количественно по мере приближения к стене. И, наоборот, за стеной образовывался как бы «выхлоп», появлялось более свободное пространство, улицы трассируются перпендикулярно этой стене. А поскольку стена еще некоторое время существовала, обе части города жили своей самостоятельной жизнью, то стыка улиц нет. В Иркутске есть продольные улицы, но переходящие одна в другую. Прямых улиц очень немного, это такие связывающие магистрали.

Спрявление тоже происходило, но медленно, десятилетиями, потому что у любого частного любую квадратную сажень нужно было купить за очень хорошие деньги. Планы расширения и спрявления улиц осуществились в очень малой степени: казна бы захлебнулась, если бы все планы реализовывались. Екатерина Вторая в высочайше утвержденном плане 1792 года старую часть города оставляла в уже сложившемся виде. А жесткая регулярная планировка должна начинаться за стеной, где были только намечены основные перпендикулярные направления, там эта структура легла сравнительно легко. Спрявление делалось в тех местах, где были глухие тупики, где улицы грубо ломались выступами частных владений. Но сама планировка не изменена.

ЕГ А что это за забор был по улице Карла Маркса? Частокол?

ЕЛ Предположительно он был деревянный; я встречала где-то небольшой рисунок фрагмента частоккола,

там были и редуты. Но у исследователей до настоящего времени мнения расходятся: а был ли он? Лично я считаю, что он был: современная траектория улицы соответствует известным историческим планам. В поддержку этой версии все градостроительные моменты, которые я сейчас проговорила. Но есть план 1735 года, где оборонительное укрепление показано овалчиком, примерно совпадающим с районом улицы Горького. Так что версий две.

МТ Получается, что в городе лоб в лоб столкнулись частные интересы и государственные?

ЕЛ Они всегда сталкиваются. Государственного регулирования на начальной стадии не было. Когда оно возникает, возникает и конфликт интересов. Естественно, город сначала развивался без плана. Но я категорически не соглашусь, что он был хаотическим: развитие любого поселения соответствует непреодолимой логике. Здесь тоже был жесточайший, но свой порядок. Первая улица, естественно, шла параллельно берегу. Возник острог – ядро, от которого в разные стороны расходятся лучи, в первую очередь в сторону Байкала. Потом создаются дубли этих направлений, скотопргоны и переулки.

ЕГ А заборы, которые отделяли усадьбы от общих пространств – от улиц – и усадьбы между собой, как они регламентировались?

ЕЛ Самые первые свидетельства относятся к 1747 году. Рядом с нынешним Богоявленским собором находился первый гостинный двор. Время шло, и на этом месте синод решил за счет территории гостиного двора строить архиерейский двор. Но перед тем как строить, для дальнейшего планирования протодьякон Красовский сделал очень четкую зарисовку, показал строение гостиного двора, его забор, частичное ограждение острога и часть частных, обывательских дворов. Показаны дома, внутрисадебные хозяйственные постройки и заборы с воротами. Забор – это изоляция своего мира от внешнего, и для этого внешнего контакта существовали какие-то предписания; в основном они касались облика ворот, парадного въезда и парадного фасада. Заборы по линии улицы сохранялись, их можно увидеть на фотографиях 60-70 годов XIX века.

Отчетливо видно, что планировка дворов подобна планировке крестьянских усадеб. Вид хозяйствования еще сельский – и застройка сельская. Внутри – жесткое ограждение по периметру от соседей. Чаще всего это глухой надежный заплот из теси, очень толстый, чтобы исключить подглядывание. Этот тип забора сохранялся буквально до XX века. И продолжает сохраняться. А внутри еще одна линия ограждений – разграничение функциональных зон: чистый двор огораживался, скотный двор, огород, и все заборчики очень разные.

На панорамных фотографиях третьей четверти XIX века можно видеть, что есть заборы бедные, очень простенькие, и есть заборы, выполненные в стилистике, пошедшей от образцовых архитектурных проектов начала XIX века. Специальные же образцовые проекты ворот относятся к концу XIX века, в основном они выполнялись в классицистском стиле – и деревянные, и каменные. Когда начали строить особняки, которые проектировались индивидуально, то естественно, там проектировались и заборы с воротами. Но для зданий общественного назначения предполагалась и изоляция от внешнего вмешательства, и попытка организации жизнедеятельности этого заведения. Тем не менее, частичный просвет в ограде есть всегда, пространство открылось, становилось прозрачным.

ЕГ Заборы не только создавались, они и отмирали: забор, ограждающий острог, развалился сам.

ЕЛ Если бы он был нужен, его бы ремонтировали. Палисад тоже за полной ветхостью и ненужностью разобрали. Но заборы продолжали делать и в конце XIX – начале XX веков, когда доходные усадьбы застраивались несколькими доходными домиками для большого количества семей. Своего хозяйства не было, исчез замкнутый мир отдельной семьи, двор принадлежит кругу лиц, а ворота и забор все равно ставят в точности по тем же самым законам: двор ограждается по периметру, по красной линии ставятся ворота.

НЖ В советский период то, перестало быть частной собственностью – дома культуры, дома пионеров – чаще всего были открыты, доступны, вообще заборов не было. Не от кого отделяться, должно быть обеспечена доступность для широких масс. А сейчас тот же самый театр Народной драмы соорудил огромную стенку, да еще забор поставил. Почему? Потому, что он перешел в чьи-то руки? Появилась новая частная собственность – появились новые заборы?

ЕЛ Интересно провести параллели между современностью и историческими примерами.

КЛ Сейчас муссируется идея многоукладного города: в нем должно найтись место для всех, от сирийского лавочника до ирландского священника. Если принять эту идею, тогда неизбежно мы должны ожидать повсеместного роста заборов, всплеска заборостроения. Может, он уже и пошел: вот и в Европе заборы возрождаются.

ВБ Нет, многоукладность сейчас разграничивается не заборами на земле, а какими-то рамками, которые в голове.

ЕГ В Америке достаточно таблички с надписью *privat* – и никакого забора не надо, закон устанавливает неприкосновенность территории.

КЛ Но если там граничат две национальные диаспоры внутри города, между ними надо из чистой безопасности границу обозначить. Иначе возможны конфликты.

ЕГ Да, но в Париже еврейский, китайский кварталы не отгорожены друг от друга, плавно перетекают друг в друга.

НЖ Сейчас действуют туристические законы: если город или объект – исторические, владелец обязан открыть ворота, двери, чтоб доступ был обеспечен; сами люди могут этого и не одобряют.

ЕГ Хотя посещение и бесплатное, но это привлекает туристов и приносит доход.

КЛ Да, в Европе символические заборы. Я вспоминаю район компактного проживания казахских немцев в германском городе. Видимой границы нет, но очень резкая граница в образе жизни; ощущение кусочка застойного Советского Союза. Репатрианты в России были европейцами, а в Германии стали азиатами, причем последнего разбора. Им выделили там жилье, была большая программа переселения, репатриации, но все равно это гетто, невидимый, но отчетливо ощущаемый забор.

ВБ Забор в уме стоит.

КЛ Человек не корова: он всегда понимает символы.

ЕГ Сейчас самая элитная или просто прогрессивная жилая застройка ограждены, и по разным причинам. Почему, например, канадскую деревню сразу предполагалось оградить?

ВБ Я рисовал генплан категорически без заборов, только маленькие заборчики между участками, чтобы случайно собаки дворы не перепутали. Но оказалось, заборы нужны были даже по пожарным нормативам. Потом наглухо заварили вторые ворота – это уже сознание постсоветского частника сработало.

ЕГ Собственники не захотели, чтобы чужие туда заходили и заезжали, они захотели создать свой мир: там на Новый год елки украшенные, ухоженные площадки. Если бы там появились случайные люди, нельзя было бы оставить нарядную елку.

ВФ В канадской деревне все считают себя выше остальных.

ЕГ Настоящая проблема – это доступ к берегу залива или Байкала. В большинстве стран, да и по нашим законам береговая линия – общественная территория, она и благоустраивается соответственно.

ВБ В канадской деревне тоже общественная зеленая зона запроектирована, как положено по нормативам – от воды до застройки 70 метров. Общественную зону благоустраивает город. Она содержится за счет бюджета. Но власть, начиная с Якубовского, отдала благоустройство на откуп жителям. Они под видом благоустройства просто приватизировали, самовольно захватили берег.

НЖ Да, по Ершовскому водохранилищу сплошные нарушения кадастрового плана. То же самое по Байкалу: побережье по большей части захвачено. Администрация установила границу 500 метров от берега, а владельцы коттеджей утверждают, что это их территория.

ЕЛ Психологически они считают это уже своим. Это как раз про вопрос символа. Они наделили его символически...

МТ Нет, они сначала его присвоили, а потом наделили символически. На первом месте все равно экономика.

ЕЛ Мне нравится Белоруссия: можно дойти до двери практически любого дома, не увидев никаких препятствий. А Сибирь – край, куда ссылали, край, где изначально была угроза вторжения, вот и нужно было создать почти крепостное ограждение. Создание территории безопасности тоже нельзя сбрасывать со счетов.

НЖ Иногда все-таки стремление огородиться отдает абсурдом. Мне пришлось проектировать поселок на 60 домов. По плану там высота заборов в палисадниках была 1,2 метра. Но как только участки были раскуплены, еще даже крыши не достроили – уже построили мощные заборищи из камней, кирпича.

ТАТЬЯНА ЧЕБОТАРЕВА Такое ощущение, что нам есть, что прятать. Есть что-то такое сокровенное, что мы показать не можем. И за это сокровенное нам подсознательно стыдно. Заборами тоже ограждают свой быт, он у нас неприглядный, некрасивый.

ВБ Тут много сложностей, одной причиной не объяснишь. В старых садоводствах, например, где и новые русские, и старые пенсионеры, глухие заборы – это симптом благосостояния, которое нет интереса показывать соседу: газонокосилки, другие приспособления недешевые. Боятся воровства.

НЖ А мне кажется, что человек, который забор строит, показывает свою слабость: он боится, чтобы его не ограбили, чтобы другая фракция людей не появилась, быт не проник.

МТ Зависть.

ВБ Все еще сложнее: ведь вороватые людишки именно за капитальными заборами ищут, чем бы поживиться. А за штакетником нечего брать. Дмитрий Быков в одной из статей говорит: новый русский действительно боится, что его вот-вот схватят за руку. Они же все нечисты перед законом. Так что и забор – тоже защита.

НЖ Вспомните про международный конкурс «Отмена границ», объявленный азиатскими странами. Как в связи с этим может измениться структура пространства? Параллельно в США объявляется конкурс «Посткапиталистическое пространство». Может, забор – это часть капиталистического общества, где идет мощное разделение, и есть кого защищать? Может, признак посткапитализма – это как раз разрушение заборов, отмена границ?

КЛ Нет, там просто другие заборы. В Азии границы становятся чисто условными.

МТ Само понятие забора изменилось, перетекло в символическое пространство.

КЛ Есть еще целая тематическая область – подзаборность, зазаборность. Вообще-то словарное значение слова «подзаборность» – безродность, непринадлежность ни к какому сословию. Но вот тюремная субкультура, напротив, считает профессиональных преступников своего рода аристократией. В блатном фольклоре «за забором» – это на самом деле внутри зоны, в тюрьме или в лагере. С точки зрения уголовного, который проводит большую часть жизни в местах заключения, именно там порядок, а на воле – хаос. И ему неуютно на воле, он стремится обратно. Это обоюдный закон: у нас порядок, а у них хаос, и неважно, кто мы, а кто они. Те, кто живут другими законами, в другой структуре вызывают такую смесь отвращения, гнева, интереса и страха...

ЕГ Вокруг Парижа есть несколько мультикультурных районов, и там реально страшно, хотя никаких заборов не наблюдается.

КЛ Важен не хаос как таковой, выраженный, например, в количестве мусора на улицах. Важны отношения людей из разных жизненных укладов друг к другу: боятся – не боятся, стесняются – не стесняются... негативная реакция на другого и есть причина появления заборов.

ТЧ Чем опаснее и страшнее общество, чем менее обеспечена безопасность, тем выше заборы? Но это еще и вопрос ценности визуальных связей с пространством, в котором люди живут.

ЕГ Да, наша коллега из Красноярска Ольга Смирнова любит рассказывать, как они отказались работать с богатыми заказчиками, когда те потребовали отгородить свои усадьбы от великолепного вида на акваторию. Ты права, им не дорого самое ценное, что есть на участке. Может, архитекторам удастся их хоть в чем-то вразумить?

Вот еще одно явление. Есть как минимум два места в центре Иркутска, где построены новые особнячки, а перед ними ажурные (а вовсе не глухие!) заборчики. Но они прихватывают территорию за красной линией. Этот забор не спасет от взглядов или проникновений. Он для чего?

МТ Это знак власти собственника в противополож-

ность власти города или кого-то еще. У французских интеллектуалов XX века любимая тема – тема власти. В этом контексте ажурный заборчик и есть символ власти. Власть над пространством, следовательно, и над людьми, которые вынуждены теперь этот забор обходить: дескать, моя воля выше, чем государственный закон.

ВБ Но разве все власть предрежащие так поступали? Это же редкий случай! Если у тебя власть, ты должен быть образцом.

КЛ С точки зрения владельца это и есть доблесть, удаль.

ЕГ В принципе он и явился образцом, потому что за ним последовали захваты на набережной: «Акула», «Нежный бульдог» и т. д. Он подал пример.

КЛ Не думаю, что это хамский поступок, демонстрирующий отсутствие культуры. Если бы это были отдельные «выбросы», легче было бы их преодолеть и прощепить. К сожалению, это тоже культура, цельная система, в которой и молодежь воспитывается. Мафиози тоже не выходят за границу того, что им причитается, просто разные понятия о том, кому что причитается.

Гораздо более интересна тема прозрачных заборов. Почему они появляются у гимназий, церквей, музеев? Мне кажется, что структура, которая огораживается прозрачным забором, претендует на то, чтобы быть образцом для подражания и выказывает несколько пренебрежительное отношение к людям вне этого пространства.

ЕГ Художественный музей тоже огорожен прозрачным забором. Но мне кажется, что в нем нет никакого пренебрежения к городу и горожанам.

МТ Когда его восстанавливали, это было, по сути дела, восстановление исторической справедливости, исторического облика здания. Он еще показывает, как может быть красиво в центре нашего города.

ЕЛ Все архитекторы знают, что в XIX веке существовали регламенты на фасады; были даже альбомы предписанных фасадов. Нечто похожее произошло и с заборами. Они были у всех, и совершенно отчетливо в них видны стилистические признаки, роднящие их с архитектурой. А их высота диктовалась утилитарными обстоятельствами: размерами повозки, высотой лошади, толщиной бревна.

ТЧ Кстати, глухие заборы украшают граффити – как холст для свободного художника, территория свободно высказывания.

ЕГ Надписи на заборах – старинная русская традиция.

КЛ Как раз потому, что это символические двери. Но это и отношение к той структуре, которая за забором. Матершинное – реликтовые заклатья, попытка навредить тем, кто за забором. Таким магическим, символическим способом. Это может стать своеобразным итогом нашего круглого стола – символические функции заборов.

МТ Тема заборов и границ возникает на переломе ситуации, когда «импульс к свободе» плавно переходит в импульс к ограничению, свертыванию контактов, миграций, взаимодействий с внешним миром, как мы и говорили. Да, забор более всего нагружен символическими смыслами, но этим не исчерпывается его роль в городской жизни. Забор – пересечение, столкновение пространств, каждое из которых обладает своей ценностью и структурой. Это визуализация власти, ненависти, любви, рубеж между своими и чужими, историей и современностью. Казалось бы, простой предмет, но он равно относится и к миру материалов, и к миру идей, содержит массу подтекстов и намеков... Может, этим и объясняется вдруг возросшая популярность темы нашего обсуждения? Мы стремимся создать некую универсальную «формулу забора», а также испытываем непреходящий интерес к заборами и «зазаборному миру», погружаясь в историю вопроса.

МЫ НАЧИНАЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО

**20 ЛЕТ
УСПЕШНОЙ РАБОТЫ**

ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

- инженерно-геодезические изыскания***
- топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы***
- инженерно-геологические изыскания***
- инженерные изыскания грунтовых строительных материалов***
- инженерные изыскания источников водоснабжения***
- исследование грунтов оснований зданий и сооружений***
- контроль качества работ***
- инжиниринговые и консультативные услуги***

ООО «ИНГЕО»
**Тел.: 200-001,
211-327, 211-329**
E-mail: ingeo@list.ru

text
Olga Sevan

The article studies historical and modern aspects of design and building of small architectural forms (fences, gates, wicket doors, retaining walls and partially – bridge fences) in many regions of the Russian North and other regions of Russia. This work is based on the author's investigations of the great number of monuments of wooden architecture during the visit to several regions of Russia in connection with preparation of the Collection of Monuments and the building of open-air museums in the Vologda and Arkhangelsk regions ("Malye Korely"). The author suggests her own systematization of the above-mentioned constructions, most of which have eventually become monuments of folk architecture. The majority of the discovered and measured small architectural forms are reconstructed in the museums. They can be also easily built in the real environment of rural settlements, small towns, country estates and dacha communities of the mentioned regions.

Key words: small architectural forms, fences, gates, wicket doors, retaining walls, regional peculiarities, rural settlements, small towns, open-air museums.

Малые формы деревянной архитектура Русского Севера: ограды, ворота, калитки, подпорные стенки /

текст
Ольга Севан

Рассматриваются исторические и современные аспекты проектирования и строительства малых форм архитектуры (ограды, ворота, калитки, подпорные стенки, частично ограды мостов), которые можно встретить во многих регионах Русского Севера, а также и в других регионах страны. Работа основывается на материалах собственных исследований большого числа памятников деревянной архитектуры во время обследования ряда областей России в связи с работой по Своду памятников и с проектированием и строительством музеев под открытым небом Вологодской и Архангельской областей («Малые Корелы»). Предложена авторская систематизация перечисленных построек, многие из которых со временем стали памятниками народного зодчества. Многие из выявленных и обмеренных малых форм архитектуры воссозданы в музеях, а также легко могут быть построены и в реальной среде сельских поселений, малых городов, в усадьбах и в дачном строительстве перечисленных регионов.

Ключевые слова: малые формы архитектуры, ограды, ворота, калитки, подпорные стенки, региональные особенности, сельские поселения, малые города, музеи под открытым небом.

Рис. 1. Общий вид деревни Союла, верховье р. Пинеги, Архангельская обл. Рис. автора, 1979 г.

1. Севан О. Малые Корелы. Архангельский музей деревянного зодчества. История создания, методология проектирования, современное состояние. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 368 с.: ил.

2. Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типологическая система сельской архитектурно-пространственной среды. Вып. 1. Жилищно-хозяйственные комплексы, их части и элементы. Петрозаводск, 1990. 253 с. Рукопись деп. в ВНИИПИ, №10827.

В настоящее время после архитектурного хаоса, наблюдаемого в последние десятилетия, обычные граждане, как и специалисты, стали интересоваться простыми архитектурными формами, обратили снова свои взгляды на традиционный и экологичный строительный материал – дерево. И не удивительно, поскольку во многих поселениях Русского Севера, как и центральных районов страны, традиционно предпочитали иметь основные жилые помещения из дерева, а более зажиточные крестьяне и купцы – на втором деревянном этаже жили сами, а на первом, каменном имели магазины, лавки и другие службы. В богатых больших селах Архангельской или Вологодской областей (губерний) такие постройки были и остаются во многом удивительным примером качественного строительства. Они демонстрируют особенности той или иной местности, в которой расположены, традиционные элементы рубки, конструкции, декоративные решения¹.

Деревянные строения в сельской местности, как и в малых городах, прекрасно гармонируют с природным окружением, становятся как бы его частью. Такие постройки, правильно срубленные и правильно эксплуатируемые, обладают большой долговечностью. Многие известные культовые памятники простояли сотни лет без каких-либо специальных консервационных мероприятий и не потерявшие своих эксплуатационных качеств, но сегодняшний опыт говорит о том, что важно не только правильно построить, но и посто-

янно поддерживать деревянное сооружение. Но состояние культовых памятников, которые мы теряем сегодня с катастрофической быстротой, жилища, как и многие сооружения, входящие в и крестьянские усадьбы, заслуживают сохранения хоть в музеях под открытым небом или на местах. Но если мы не можем этого реально сделать, то следует их изучать, популяризировать и предлагать удивительные образцы в качестве примеров использования в современной модернизированной жизни. Они могут подтолкнуть к созданию новых форм, образов, конструкций, вписывающихся в современную простую городскую или сельскую среду, и явно обогатить ее. Это касается как хозяйственных построек (амбаров, ледников, бань, овинов и риг, гумен, мельниц – ветряных и водяных, мостов и пр.), так и малых форм архитектуры. Все они имеют большое разнообразие. Они были систематизированы достаточно подробно, им было уделено внимание как этнографов, так и архитекторов².

В этой статье мы рассмотрим малые формы, которые были нами изучены, систематизированы, затем обмерены и частично восстановлены в музее деревянного зодчества «Малые Корелы» под Архангельском. Изгороди, ворота, калитки, а также подпорные стенки, колодцы, качели, частично мосты – все они взаимосвязаны в пространстве поселений так или иначе с ограждениями. Эта работа, выполненная еще в конце 1970-х – начале 1980-х гг. представляет некоторую систематизацию таких сооружений. Она касается памятников,

в Рис. 2. Деревня в Вологодской губернии. Фото конца XIX – начала XX века. Архив Вологодского музея

> Рис. 3. Малые формы архитектуры: изгороди, калитки, ворота, подпорные стенки, мосты

Small Forms of Wooden Architecture of the Russian North: Fences, Gates, Wicket Doors and Retaining Walls

расположенных в поселениях Архангельской и Вологодской областей³. Уже позже была уточнена региональная принадлежность многих из перечисленных ниже построек⁴. Методика проектирования и формирования музеев, в которых представлены многие из описываемых хозяйственных, инженерных сооружений и малых форм архитектуры, была опубликована.⁵ Отметим особенности предлагаемой систематики: она имеет не только методический и научный характер, но и практическое значение, поскольку разрабатывалась в связи с необходимостью отбора сооружений для перевозки в музей и ориентирована на региональную специфику. Но с таким же успехом она может быть использована и в новом строительстве в реальных жилых поселениях, а при творческом осмыслении – и в городах.

Все эти малые формы являлись частью дворовых пространств в крестьянских усадьбах и в традиционных сельских поселениях и ландшафтах. Особым образом стоят малые культовые архитектурные формы – обетные кресты, которые мы посчитали необходимым вкратце описать, поскольку их можно встретить не только на кладбищах, но и внутри поселений, в т. ч. на крестьянских усадьбах, и порой они обносились оградой.

Рассматриваемая территория включает Архангельскую и Вологодскую области, а время строительства систематизируемых объектов – вторая половина XIX – XX века. В этот период в разных районах встречаются различные типы изгородей. В зависимости от времени и места их установки изменялись их формы, размеры по высоте, характер конструкций, свойственный той или иной местности. Но говоря о XVIII веке или даже середине XIX века, присутствие изгородей вокруг крестьянских усадеб вызывает разные спорные мнения у исследователей.

В это время усадьбы у богатых и среднего достатка северо-двинских крестьян состояла из множества построек. Помимо дома-двора здесь могли быть разного типа амбары, ледник, конюшня, баня, сарай, гумно и пр. А у бедняков – только изба с сенями. Можно пред-

положить, что имущественное расслоение повлияло на появление жердевых изгородей вокруг усадеб, в то время как повсеместно всё поселение имело общую изгородь, за которой шли поля. Они предохраняли поселения от животных, и вместе с тем были ориентировали стада коров или овец на участки их выгона.

Наличие изгородей подтверждается материалами писцовых книг и актов. Это отмечается и у крестьян в Северном Прикамье, сложившегося из переселившегося черносошного населения из Центрального Поморья⁶. Можно представить это влияние и на поселения Сибири, заселявшихся также многими выходцами из поморских земель. Доказательством строительства изгородей в этот период около домов-дворов на Русском Севере является наличие огородов – капустников близ жилых построек. Актовые материалы того времени полны спорных дел о принадлежности этих участков тому или иному хозяину⁷. Скорее всего, крестьяне уже огораживали огородные земли изгородями. Первоначально лишь зажиточные крестьяне обносили свои участки с надворными постройками, но рост имущественного неравенства, развитие частной собственности, влияние городской культуры и расслоение крестьянской общины отразились на характере, как самих усадеб, так и развитии их пространственной среды поселений. И в середине XIX века изгороди существовали во многих районах повсеместно⁸.

Наши обследования территорий и сел на реках Северной Двине, Ваге и Пинеги дают основания считать, что в разных регионах Севера усадьбы могли обноситься забором (жердевым, тыновым и пр.) или нет (рис. 1). На Сев. Двине вплоть до 1920-х годов большая часть усадеб не огораживалась. Это же видно и на фотографиях конца XIX – начала XX века в деревнях Вологодской области (рис. 2). А в поселениях на реке Ваге крестьяне постоянно уходили на работы в Санкт-Петербург и, возвращаясь, приносили с собой новые элементы городской культуры, проявленные в одежде, украшениях, деталях строительства, и здесь ограды существовали уже в первой половине – середине XIX века.

3. Севан О. Г. Народное деревянное жилище Русского Севера (Архангельская и Вологодская области) : дис. ... канд. арх. М. : МАРХИ, 1981.

4. Севан О. Г. Типология хозяйственных построек Русского Севера // Архив института «Спецпроектреставрация». Шифр 120, арх. № 1639, 1980.

5. Севан О. Г. Музей Малые Корелы // Архитектура СССР. 1990. №3. С. 94–99; Она же. Музей близ Вологды // Архитектура и строительство России. 1990. №7. С. 24–25; Малые Корелы. Методика проектирования и формирования музея деревянного зодчества // Реставратор. 2002. №1. С. 35–38.

6. Чагин Г. Н. Усадьбы русского населения Северного Прикамья (XVII – начала XIX в.). Советская этнография. 1978. № 6. С 86–98.

7. Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 136, 138.

8. Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Вып. 1, гл. I. 1877. С. 24.

> Рис. 4. Плетень в Каргопольском секторе музея «Малые Корелы». Фото автора, 2011 г.

> Рис. 5. Плетень и жердевая изгородь в Пинежском районе Архангельской области. Фото автора, 1980-е гг.

Деревянные изгороди, встречаемые на исследуемых землях, можно условно разделить на следующие виды: плетневые, частокол, тын, заплот, вешала и забор. Если они грамотно и аккуратно выполнены из качественного материала, даже без применения современных средств защиты, при должном уходе, как показывают наши экспедиционные исследования, могут простоять около 15–20 лет.

Плетень – самая распространенная деревянная изгородь, выполненная из переплетенных веток, прутьев или побегов (рис. 4). Они строятся для зонирования участка или указывая границу участка от территории соседей, выполняя и декоративную функцию, являясь живописным элементом природных ландшафтов. Самый простой вид (рис. 3, изгороди, а) – это горизонтальные жердины, которые укладываются на переплетенные жгуты (мягкие ветки), скрепляющие вертикальные деревянные опоры разного рисунка.

Часто встречаются плетения разных видов (рис. 3, изгороди, б), где сильные жердины ставятся вертикально, а основное ограждение имеет наклонные прутья, переплетенные мягкими ветками. Это более простая схема, поскольку в этом случае можно легко заменить сгнившие прутья на новые, в сравнении с горизонтальной укладкой. Но могут быть варианты, когда вертикальные опоры соединяются длинными двумя или тремя горизонтальными жердинами, а между ними проходят плотно уложенные витиеватым образом вертикальные прутья, образуя волну (или восьмерку) в своем рисунке от земли кверху (рис. 5). При правильной укладке такой изгороди просветов между прутьями практически нет.

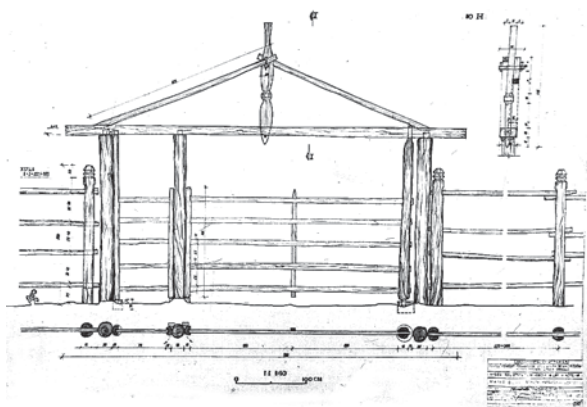
Встречаются удивительные по исполнению и действительно уникальные по обработке изгороди. Здесь обработанные горизонтальные доски врубаются в опорные столбы, а них в свою очередь просверливаются на одном расстоянии в 5–10 см небольшие отверстия. И вот в них-то вставляются вертикально тонкие и ровные прутья, образуя ровный вертикальный характер изгороди. Это мастерское и тонкое решение ограды имеет декоративный и дизайнерский характер.

Частокол – деревянное ограждение из вбитых в грунт высоких (до 2 м) или средней высоты кольев (от 1–1,5 м). Они были распространены в районе р. Вычегды, в восточных районах рассматриваемых земель, в сибирских острогах и в поселениях. Использовались на территории северо-двинских богатых усадеб для отделения территории участка от бедных соседей. Такую же конструкцию можно видеть и сегодня в качестве ограждения от оползней берегов во многих малых городах или деревнях России.

Распространенным вариантом оград вокруг деревень, усадеб, вдоль полей и ограждений дорог в районах рек Пинеги и Мезени на востоке Архангельской области можно назвать **заплоты** (рис. 3, изгороди, в). Интересная и между тем простая конструкция: в углубленных в землю круглых бревнах (высота может колебаться от 0,5 – 1,5 м, нижнюю часть столбов смолили) вырубался вертикальный паз с двух сторон. В него вставлялись длинные жердины, между которыми в пазы бревна вставлялись круглые бобышки. При поломке жердин их легко можно было заменить. Вариантом подобной конструкции может быть простая укладка друг на друга обструганных тесин, что представляло собой в результате плотную и жесткую ограду. Можно встретить изгороди, где столбы имеют круглые отверстия, в которые вставлялись горизонтальные жердины.

Штакетник – забор из деревянных реек, очерчивает личную территорию владельца, и является декоративным препятствием. В одном ряду, как правило, со стороны улицы стоят калитку и ворота. Существует множество вариантов штакетника, наиболее распространенного уже в XX веке, где ограждения рейки могут располагаться вертикально, горизонтально, либо под наклоном. Изгороди из штакетника чаще всего сооружают с лицевой стороны участка (крестьянской усадьбы, позже дачи), но они могут быть установлены и внутри участка, ограждая, например, огородные посадки (рис. 6).

Дощатый забор – забор, выполненный из скрепленных разными способами досок. Вариантов такого типа

забора существует великое множество – шахматы, кросс, решетка, лесенка, классический забор и т. д., все зависит от способа укладки досок. Их можно видеть сегодня повсеместно.

В последние годы стали использовать комбинированные заборы, в которых дерево сочетается с применением других материалов (кирпича, сетки и т. д.). Они придают деревянному забору большую прочность, долговечность. Применение металлических или кирпичных столбов, вместо деревянных, значительно продлевает срок службы такого забора, но редко можно видеть удачное сочетание всех этих материалов. Однако основания из цемента защищают нижнюю часть деревянной конструкции от влаги и гниения.

В это же время в ряду оград стояли ворота и калитки, которые можно было редко встретить на территории Русского Севера, но несколько позже они стали существенной деталью усадеб, располагаясь, как правило, со стороны главных фасадов домов. В основном, был распространен ассиметричный тип ворот с проезжей частью и калиткой. Иногда завершениям ограждений придавали декоративную форму, например в виде птичьей головы. Для южных районов Вологодской области характерны глухие заборы вокруг усадеб с такими же глухими ассиметричными воротами и калиткой, перекрытыми общей двускатной кровлей.

При въездах в деревню ворота устраиваются больших размеров. В северных районах рассматриваемой территории конструкция таких ворот крепилась на трех столбах. Опорные столбы связаны между собой сверху перекладиной-притолокой. К одному из столбов прикреплена вращающаяся вертикальная стойка, ее нижний конец упирается в «пята» – деревянную колоду, а верхний конец – в отверстие перекладины. Стойка несет основное полотно ворот из тонких горизонтальных жердей, прочно связанных между собой диагональной планкой. Конструкция калитки, находящейся рядом, аналогична воротам. Иногда ворота в верхней части имели треугольное навершие, конструктивно связанное с горизонтальной перекладиной вертикальным резным брусом. Помимо декоративного значения

навершие имеет и конструктивное – поддерживает горизонтальную перекладину, имеющую достаточно большую длину – около 6 м, образуя треугольную ферму (Мезень). Такой вариант ворот можно видеть в Мезенском секторе музея «Малые Корелы» (рис. 7). Для бассейна Сухоны характерен иной тип въездных ворот (рис. 3, ворота, тип 3).

Калиткам, поставленным в оградах вокруг домов, придавалось немаловажное значение. Их столбы имели навершия в виде скульптурных фигур, напоминающих шары, луковицы, листья. Остовом калитки могли быть искривленные стволы деревьев, естественно вписывающиеся в изгороди и заборы. Столбы ворот были резные или украшались всевозможными плоскими накладными узорами.

Палисадник – небольшие цветочные или реже огородные земли, имеющие ограждения перед главным фасадом дома, на улице, появились сравнительно недавно, в начале и середине XX века, как во многих районах России, а позже и на Русском Севере.

Ограждением по берегам рек были **подпорные стенки** (рис. 3), и они строились для предотвращения оползней грунта крутых берегов, а также от их разрушения во время ледохода и сплава леса. В XVI – XVII веках подобными стенками укреплялись берега Сухоны в городе Великом Устюге, о чем говорят документы, повествующие о бунте посадских людей в 1648 года, где упоминаются укрепления берега срубами. На гравере XVIII века, изображающих города Тотьму, Устюг Вологодской губернии, как и на видах городов Архангельска, Холмогоры, Мезени хорошо заметны рубленые укрепления берегов⁹. Срубами-ряжами в Вологодской губернии на Кубенском озере укреплялись берега острова Каменного, где находился Спас-Каменный монастырь, как и многих других монастырей¹⁰. Подобного типа рубленые укрепления применялись в фортификационном строительстве, обладая при этом более сложными конструкциями. Они существовали, например, в XVIII веке в Новодвинской крепости Архангельской губернии¹¹. И все эти сооружения имели со стороны рек значимые ограждения, пред-

^ Рис. 7. Ворота и изгороди типа вешала в Мезенском районе Архангельской области. Обмеры автора, 1979 г.

^ Рис. 6. Ограждение в Мезенском районе Архангельской области. Фото автора, 1980-е годы

9. Архив Вологодского краеведческого музея.

10. Данилов В. В. Кадниковский уезд Вологодской губернии // Север. 1923. № 3, 4. С. 230.

11. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1891, Ч. 2. С. 495–497.

^ Рис. 8. Подпорная стенка с ограждением. Музей «Малые Корелы». Фото автора, 2011 г.

12. Помимо символического смысла, обетные кресты нередко служили ориентирами для обозначения высот, особенностей течения реки, мелей, излучин и т. д., почему и ставились часто на крутых склонах рек и на песчаных отмелях (в Поморье). Они лишены декора. Иногда постройка креста была связана с основанием поселения. На них вырезались лишь начальные буквы молитв, символов и т. д. Интересен столб основания деревни Березник на реке Мезени, форма которого имеет антропоморфные черты, с нишей для иконы и надписью: «Сия дере основан 1879 Ф А С». Ныне он перевезен в музей «Малые Корелы». Среди мезенского населения была довольно устойчива древнейшая традиция свободного захоронения. Такое захоронение происходило по наказу умирающего человека. Крестьян, умерших не своей смертью, хоронили таким же образом. Местом захоронения являлась иногда крестьянская усадьба или площадка при входе в дом. Ставившиеся над захоронениями кресты порой украшались резьбой. Аналогичные сооружения были и на мезенских кладбищах. В других регионах Архангельской губернии кладбища устраивались совершенно иначе – с деревянными срубками или гробницами на могилах. Для юго-восточных районов Вологодской области характерны надмогильные деревянные столы с лавками. На последних этапах обрядов, связанных с почитанием душ предков, происходило угощение умерших непосредственно на кладбище, где и собирались родственники. В некоторых районах до сих пор сохранились старообрядческие сооружения с характерными сооружениями – голубцами в виде столбика с миниатюрной кровлей и резными прищелинами.

ставляющие высокие тесины, в которые врубались горизонтальные жердины, предотвращающие падение людей с береговых откосов. Здесь же ставили лавки для отдыха и для наблюдения за ландшафтами и рекой. Спуски к ней обустроивались специальными лестницами, которые могли иметь витиеватые формы, также выполненные из дерева, иногда поддерживаемые валунами. Такого типа деревянные восстановленные спуски можно видеть в музее «Малые Корелы» под Архангельском.

Подобные береговые стены сохранились и сегодня вдоль рек, их много на Мезени, встречаются они в западных районах Вологодской области (рис. 8). Помимо береговых укреплений эти стены служат и продолжением улиц, идущих вдоль берега, являясь основанием для размещения многих хозяйственных построек: амбаров, бань, ледников, колодцев. Наиболее распространенным типом (рис. 3, тип а) является рубленая в «обло» система с частыми перерубами, заполняемыми против смещения по откосу булыжником. Для зацепления бревен применяются и врубленные в перерубы коротыши. Сверху накладывается бревенчатый накат хода. Можно видеть и более сложные конструкции.

Одним из приемов укрепления откоса является несложная свайная конструкция с бревенчатым настилом. Продолжения свай возвышаются над поверхностью наката, образуя с помощью пронизывающих их жердей ряд «вешал» для сушки сена (рис. 9). Они же являются и береговым ограждением. Заметим, что ограждения на всех типах подпорных стенок выполняются на врубках в столбы, опирающихся на перерубы стен, и могут иметь различные конструктивные и декоративные завершения.

Разнообразно строились ограждения около или вокруг колодцев, которые являются необходимым элементом сельских усадеб. Колодцы могут быть нескольких типов: наиболее древним является колодец-«журавль» и «колодец-ворот» (с навесом или без), и отличительные особенности колодцев могут быть выражены в конструкциях, пропорциях и декоре (рис.

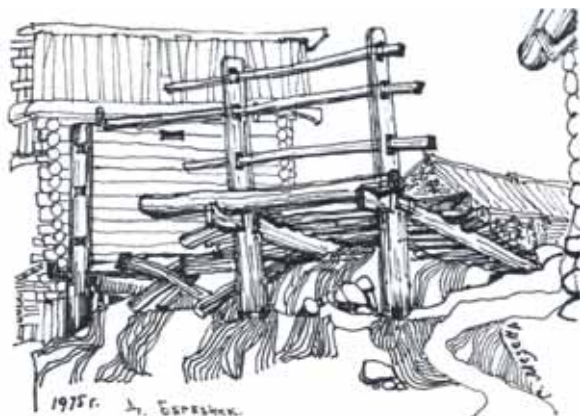
10). А поскольку в деревнях решались береговые укрепления в виде подпорных стенок, то здесь же устанавливали и колодцы, и они также имели ограды.

Интересен вариант постройки колодца на мостике, перекинутом над оврагом, где конструкция моста частично базируется на субструкции колодца, естественно и живописно вписывающейся в сельский пейзаж. На Сухоне, Пинеге, Двине кровля навесов низко посажена над колодцем и закрывает барабан-колесо наполовину его диаметра. Наземная часть сруба колодца может быть рублена из бревен в «обло», в «лапу» или из тесин, соединенных шпонками по четырем сторонам ямы с декоративным решением завершения. Эти постройки также имеют ограждения со стороны реки, конструктивно решаемые, как и описанные выше.

Качели (рис. 3) встречаются в настоящее время повсеместно как в сельской местности России, так и в городах. В деревнях они стоят в крестьянских усадьбах или между домов непосредственно на улицах. Качели главным образом рассчитаны от одного до четырех человек. Как правило, они стоят на открытом дворе, но огражденные от проезжей части изгородью.

Мосты (рис. 3) являются неотъемлемыми элементами сельской среды. В основном мосты строились из дерева, но в начале XX века они заменялись на металлические (вантовые) конструкции. Самая простая деревянная структура моста так называемого козлового типа, однако она весьма непрочна во время весенних паводков. Она представляют собой ряд X-образных опор с досками хода, с прикрепленными вертикальными стойками и с простыми ограждениями из брусьев. Козловые мосты выглядят достаточно живописно.

Большинство мостов обладает одинаковым набором конструктивных элементов, основными из которых являются опоры – рубленые устои с перерубами пролетов поперек, образуя единую жесткую систему переправы. Возможен вариант конструкции основания, рубленного в «реж» со свободным пространством между бревнами. Его покрытием является сплошной

бревенчатый накат, уложенный поперек моста (центральные районы Вологодской области). В таких мостах ограждения решаются значительно жестче, и имеют бревенчатые опоры, а в их специально сделанные прорезы могут врубаться или продеваться тесины или брусья, или опоры ограждений имеют треугольную опору – контрфорс. Интересными образцами рубленых мостов представляются такие, в которых опоры-срубы имеют в плане форму вытянутого пятиугольника – мост через реку Кену.

Обетные кресты встречаются во многих районах Севера: в Каргополье, на Пинеге, Мезени, Вычегде, реке на Сухоне и Двине, а также в Карелии, в Мурманской области (рис. 11). Они рубились из дерева и часто покрывались резьбой. Поставленные по обету (обещанию), они имели символическое значение и их можно подразделить на несколько типов: а) поставленные в знак особо памятных событий – войн, эпидемий, голода, болезней и т. д.; б) кресты, поставленные кем-то из жителей селения как просьба об исполнении чего-либо; в) установленные на бывших местах отправления древних языческих культов: у истоков ручьев, на развилках дорог, лесных полянах, в поле, иногда по соседству с часовнями. Нередко такие часовни-кресты обносились изгородями (рис. 12)¹².

В заключение можно отметить, что хозяйственные и инженерные сооружения, а также малые формы народной архитектуры Русского Севера представляют самобытный комплекс явлений традиционного строительного искусства. В своей основе оно отражает и сохраняет общие тенденции развития русской многовековой культуры, которая утрачивается, к сожалению, на наших глазах. Систематизация таких построек, помимо исторического и научного значения, имеет и практический смысл, как при реставрации подобных сооружений, так и в современном строительстве в сельской местности. Многие из них уже находятся в музее под открытым небом «Малые Корелы» под Архангельском или восстанавливаются в музее деревянного зодчества Вологодской области.

Малые формы архитектуры привлекают сегодня внимание молодых архитекторов, художников, дизайнеров. Это те объекты, на которых они могут экспериментировать и обучаться не только проектированию, пониманию конструкций и деталей сооружений, но могут своими руками, под руководством маститых архитекторов и плотников (у нас речь идет о деревянных постройках) выполнить их своими руками. Такие постройки во многом решают вопросы организации среды, будь то город любого типа или сельское поселе-

^ Рис. 9. Подпорная стенка и ограждение в виде вешал в дер. Березник, р. Мезень. Рис. автора, 1975 г.

^ Рис. 10. Колодец-ворот на крестьянской усадьбе в ограде на Северной Двине Архангельской области. Фото автора, 1979 г.

< Рис. 11. Мостки через озеро. Музей «Малые Корелы». Фото автора, 2011 г.

Мост через реку Кена в Плесецком районе Архангельской области. Фото автора, 2010

> Рис. 12. Обетный крест, обнесенный забором, в дер. Палашелье на реке Мезени Архангельской области. Рис. автора, 1975

Часовня – крест, обнесенная забором в Мезенском районе Архангельской области. Фото автора, 1980-е годы

13. <http://goroda-fest.ru/index.htm>

14. <http://www.ecovast.ru/arccgoroda2011.htm>

15. http://goroda-fest.ru/2012_fire-and-ice/press.htm

ние. В последние годы проектные и образовательные семинары проходят в рамках архитектурного фестиваля «Архферма»¹³ в Тульской области, летом 2011-го¹⁴ и зимой 2012 года¹⁵, в московских парках, на многих других площадках страны. Это важное направление работы с молодыми специалистами стоит совмещать с поиском своеобразия российской региональной деревянной архитектуры, которое заслуживает специального рассмотрения и продвижения. Большая часть приведенных примеров может прекрасно вписаться в городской или сельский ландшафт, сочетаясь с северными образцами современного строительства.

Региональная культура, с учетом особенностей городов и сельских территорий на огромных пространствах России, различных этнических и традиционных характеристик населения, при всей сложности исторических событий XX века не исчезла. А если принять во внимание и особенности историко-культурного деления самих регионов, то это позволяет надеяться на еще большее разнообразие типологии деталей, образов, конструкций и пр. в локальном деревянном строительстве. Однако вопрос взаимосвязи истории и современности до сих пор редко обсуждается на разных площадках страны, в СМИ, нет специальных образовательных программ в архитектурных и строительных колледжах и институтах. Тем не менее поиски региональной специфики российской архитектуры, исторической взаимосвязи традиционной с современными сооружениями, надеемся, будут продолжены.

Литература

Севан О. Малые Корелы. Архангельский музей деревянного зодчества. История создания, методология проектирования, современное состояние. – М. : Прогресс-Традиция, 2012. – 368 с. : ил.

Севан О. Г. Типология хозяйственных построек Русского Севера // Архив института «Спецпроектреставрация». – Шифр 120, арх. № 1639. – 1980.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. – СПб., 1891. – Ч. 2. – С. 495–497.

Севан О. Малые Корелы : методика проектирования и формирования музея деревянного зодчества // Реставратор. – 2002. – № 1. – С. 35–38.

Орфинский В.П., Гришина И.Е. Типологическая система сельской архитектурно-пространственной среды. Вып. 1. Жилищно-хозяйственные комплексы, их части и элементы. – Петрозаводск, 1990. – 253 с. Рукопись деп. в ВНИИТПИ, № 10827.

Севан О. Г. Народное деревянное жилище Русского Севера (Архангельская и Вологодская области) : дис. ... канд. арх. – М. : МАРХИ, 1981.

References

Laskovsky, F. (1891), *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii* [Materials for the history of engineering art in Russia], Pt. 1, St. Petersburg.

Orfinsky, V. P., Grishina I. E. (1990), "Tipologicheskaya sistema selskoi arkhitekturno-prostranstvennoi sredy" [The typological system of the rural architectural and spatial environment], In: *Zhilishchno-khozyaistvennyye komplekxy, ikh chasti i elementy*, Issue 1, manuscript dep. in VNIINTPI, No. 10827.

Sevan, O. G. (1980), *Tipologiya khozyaistvennykh postroek Russkogo Severa* [Typology of household outbuildings of the Russian North], Archives of the Institute "Spetsproektrestavratsiya", code120, archive No. 1639.

Sevan, O.G. (1981), *Narodnoye derevyannoye zhilishche Russkogo Severa (Arkhangelskaya i Vologodskaya oblast)* [The folk wooden house in the Russian North (Arkhangelsk and Vologda oblast)], Ph.D. in Architecture, Moscow Institute of Architecture.

Sevan, O. (2002), "Malye Korely. Metodika proektirovaniya i formirovaniya muzeya derevyannogo zodchestva" [Malye Korely. Methods for design and formation of the museum of wooden architecture], *Restavator*, No. 1, pp. 35-38.

Sevan, O. (2012), *Malye Korely. Arkhangelsky muzei derevyannogo zodchestva. Istoriya sozdaniya, metodologiya proektirovaniya, sovremennoe sostoyanie* [Malye Korely. The Arkhangelsk Museum of Wooden Architecture. The History of foundation, design methodology, the current state], *Progress-Traditsiya*, Moscow.

художник
Леонид Воронцов
г. Братск

text
Markus Appenzeller

Walls in different cultural environments have different meaning. While this differs only gradually in western culture, in Chinese culture, they often have a very different meaning. Walls and the gates as the crossing points have a long tradition that dates back to the ancient empire. This cultural heritage has been used and adapted over the course of time, adding layer over layer and become integral part of both Chinese tradition and the contemporary Chinese city.

Keywords: Walls and gates in China, Chinese culture, Gated community, Compound, Community living

Since mankind came into being people have been using means to separate space – walls, fences, canals, mounds. The main function of these devices was to protect a more civilized inner from the savage and most likely more dangerous outside world or to contain threatening species or such deemed potentially dangerous. In principle this has not changed until today. However, over the course of decennia and millennia the whole system has become much more refined and next to the protective role, we nowadays are also attributing social, cultural and symbolic meaning.

In turn the use of walls and fences tells a lot about a society. This is particularly the case for societies that in the past have been rather hierarchical, closed and inward looking. In China, until the present day, the gate and the wall have an enormously big role in how space is organized. There is probably no other country that puts so much effort in walling and fencing as the Chinese do. Trying to understand the contemporary Chinese city without understanding the cultural roots inevitably leads to the wrong conclusion about the nature of these places.

Третье состояние: значение стен и ворот в Китае /

ТЕКСТ
Маркус Аппенцеллер

Стены в разных культурных контекстах имеют разное значение. В Китае они несут значительную смысловую нагрузку. Стены и ворота как точка перехода имеют давнюю традицию, сложившуюся еще во времена древней империи. Это культурное наследие не переставало использоваться и совершенствоваться с течением времени, становясь неотъемлемой частью как традиций Китая, так и современного китайского города.

Ключевые слова: стены, ворота, китайская культура, закрытый жилой комплекс, компаунд, жизнь сообщества.

Со времен возникновения человечества люди использовали различные средства разделения пространства: стены, заборы, каналы, насыпи. Главная функция этих приспособлений заключалась в защите более цивилизованного внутреннего пространства от дикого и, вероятно, более опасного внешнего мира или для того, чтобы отгородиться от представляющих угрозу животных. По сути, на сегодняшний день мало что изменилось. Однако спустя десятилетия и тысячелетия вся система стала гораздо совершеннее, и наряду с защитной ролью теперь еще появилось социальное, культурное и символическое значение.

Манера использования стен и заборов может многое рассказать об обществе. Это особенно касается тех сообществ, которые в прошлом имели довольно развитую иерархию, были закрыты и развивались за счет внутренних факторов. В Китае до сегодняшнего дня ворота и стены играют огромную роль в организации пространства. Возможно, нет другой такой страны, которая прикладывала бы столько усилий к возведению стен и заборов, как это делают в Китае. Попытка понять современный китайский город без понимания культурных корней неизбежно ведет к неправильным выводам о характере этого места.

Во время прогулки по современному китайскому городу может сложиться впечатление, что весь город построен из закрытых жилых комплексов (компаундов). Это верно, но ошибочно полагать, что все они закрыты так же, как и их «собратья» в других частях света, и что эта «закрытость» воспринимается китайцами так же, как европейцами. Но в чем отличия, каковы их корни и как стены и заборы поменяли свое значение с течением времени?

Walking in the contemporary Chinese city one can get the impression that the entire city is constructed of gated communities. That is correct, but it is a big mistake to conclude that all of them are gated in the same way their 'sisters' are in other parts of the world and that this 'gatedness' is perceived the same way by Chinese as it is through western eyes. But where are the differences and what are the roots of these differences and how have walls and fences changed their meaning over time?

The wall and the gate: Me, the collective & society

To understand the difference between the gated community western style and the compound in China, one has to dig deep into the constitution of Chinese society. Western society knows the dualism between the individual and society as the sum of individuals. The domain of the individual or the family is private; the space of society is public. What's in between – we tend to call it

semi-private – has never been formalized and therefore is a big problem for planners and designers.

Chinese have found a formal expression for that third category: the collective. Collective is not a sharply defined group of people but generally goes beyond the western definition of 'friends', neighbours or colleagues. The collective is much more organized and infiltrates many more layers of life. Collectives spend a lot of time with each other, parts of a collective do business together and protect and help each other. Spatially organizing the individual, the collective and society results in one additional level of separation. Also the hierarchy of importance differs from the western order of importance. To Chinese the collective and the spaces that come with it are the environments considered of a higher value than the public. The collective spaces are spaces of meaning, the public space is less important.

Navigating through a Chinese city, one typically does

The Third Condition the meaning of walls and gates in China

Стена и ворота: я, коллектив и общество

Чтобы понять разницу между западным и китайским типом закрытого жилого комплекса, нужно заглянуть поглубже в устройство китайского общества. Западному обществу знаком дуализм индивида и общества как совокупности индивидов. Пространство индивида или семьи имеет частный характер, а пространство общества – общественный. Пространство между ними – мы обычно называем его полупринадлежащим – никогда не было формализовано и поэтому составляет большую проблему для проектировщиков и дизайнеров.

Китайцы же нашли формальное определение этой категории – коллективное. У коллектива нет строгого обозначения, оно обычно выходит за рамки западного представления о друзьях, соседях или коллегах. Коллектив гораздо более организован и охватывает

намного больше пластов жизни. Члены коллектива проводят много времени друг с другом, ведут совместный бизнес, оказывают защиту и помощь друг другу. Пространственная организация индивида, коллектива и общества приводит к образованию дополнительного уровня разделения. Кроме того, иерархия ценностей в Китае отличается от европейской. Для китайца коллективное пространство ценится выше, чем общественное. Коллективное пространство имеет значение, общественное же не так важно.

Прогуливаясь по китайскому городу, обычно не замечаешь разделения между частным и коллективным миром. Переход от общественного пространства к коллективному традиционно обозначен стенами. Такое разделение проектируется с акцентом на символизм и статус, безопасность же играет роль второстепенную. Появляется необходимость определить то место в

v Picture 1: Outer wall of a Hutong in Beijing / Наружная стена хутонга в Пекине (A. Alexander and others: Beijing Hutong Conservation Study, International Housing Federation, 2004, P. 8)

< Picture 2: Wall and gate of a contemporary compound in Shantou, Guangdong Province / Стена и ворота современного компаунда в Шаньтоу, провинция Гуандун. Фото автора

not get to experience the division between private and collective worlds. Formalized walls typically mark the transition from the public space to the collective environment. This division is designed with a focus on symbolism and status, security is secondary. Walls create the need to define places to enter and exit – the gates. Artificially reducing permeability exaggerates the importance of the transition point from inside to outside and introduces a degree of symbolism. Consequently gates in the Chinese context are designed with extra effort to draw attention – craftsmanship, colour, scale, choice of material and layout all together are employed to achieve a maximum effect and to demonstrate the ambition and influence of the collective that can be found behind it. Entering via a gate into a collective space is not equivalent to entering into the individual's private space, it rather means accessing the sphere of people that, as a

collective, share similar interests – socially or economically.

It is remarkable that walls and gates have developed over several thousands of years and today still play such an important role. They have shown a remarkable adaptability and utility and in the contemporary Chinese city gates and walls are an overlay of all these adaptations – they represent the ancient Middle Kingdom in the same way as they represent the China of today. In a way they are Chinese history in a nutshell:

The Great Wall, the emperor's palace and the private house – a subsidiary principle

In the long history of China, walls have always played a key role in defining and protecting territory. The extent and the scale of walls have been unique. The Roman Empire tried to protect its territory by constructing the Limes Wall which was supposed to protect against the

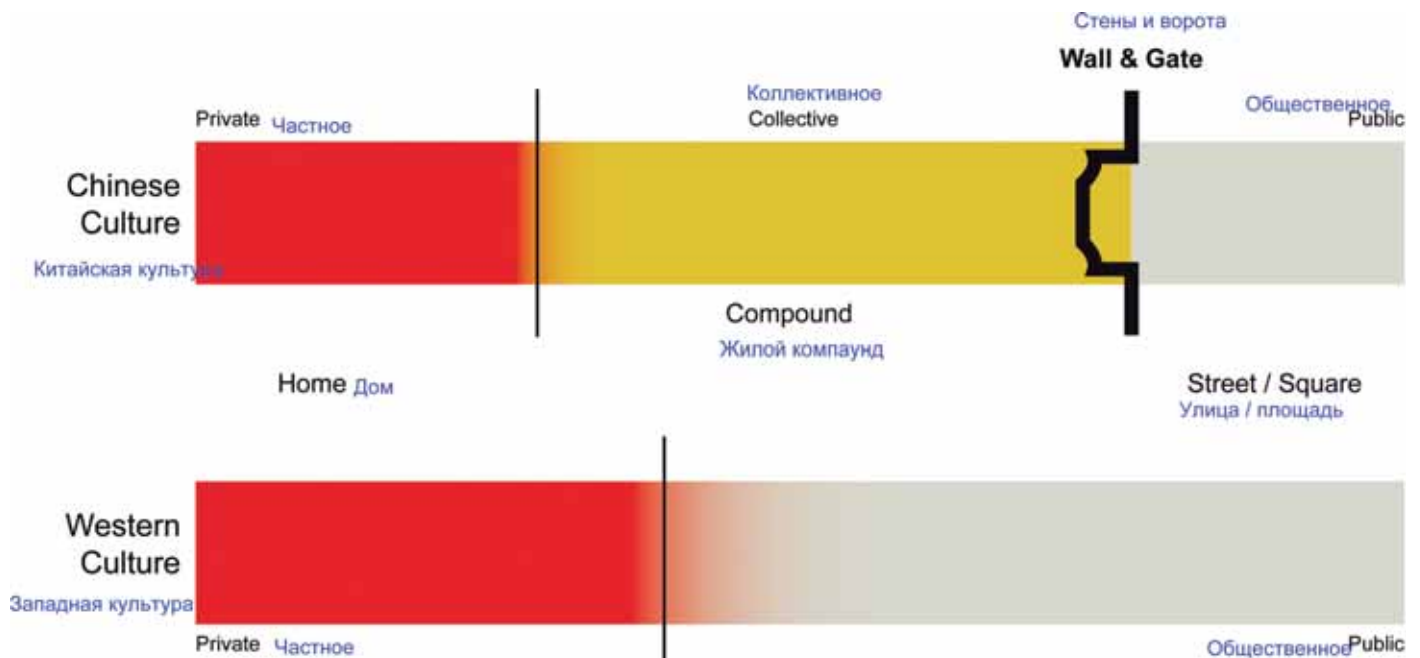
v Picture 3: Private & Public in Western and Chinese culture /
Частное и общественное в западной культуре и культуре Китая. Рисунок автора

стене, где будет вход и выход, то есть ворота. Искусственно сниженная проходимость подчеркивает важность точки перехода изнутри наружу и добавляет некоторую степень символизма. Следовательно, особые усилия при создании ворот в китайском контексте направлены на привлечение внимания: мастерство исполнения, цвет, масштаб, выбор материала и дизайна – все это нацелено на получение максимального эффекта, демонстрацию амбиций и достатка того коллектива, который живет по ту сторону стены. Проход через ворота на территорию коллектива не означает проникновение в частное пространство индивида, это скорее доступ в круг людей, которые как единый коллектив разделяют общие социальные и экономические интересы.

Интересно отметить, что стены и ворота развивались несколько тысячелетий, но и сегодня не перестают играть очень важную роль. Они всегда демонстрировали замечательные свойства приспособляемости и практичности. В современном китайском городе ворота и стены стоят на вершине всех этих адаптаций, представляя одновременно древнюю Среднюю империю и современный Китай. Они нечто вроде китайской истории, изложенной в двух словах.

Великая стена, дворец императора и частный дом – дополнительный принцип

Всю многовековую историю Китая стены играли ключевую роль обозначения и защиты территории. Уникальны протяженность и масштаб стен. Римская

uncivilized northern European tribes. The same is true for China and the Mongolian tribes but unlike the Emporium Romanum, that remained outward looking and focussed on expansion, the Great Wall of China also was an ideological wall – a border that marks the point where Chinese interest stopped and a line from which the view only goes inward. This self-sufficiency was only possible by a political leadership that exercised strict control over the territory. This was achieved by a highly developed hierarchical system of civil servants and the orchestration of the emperor as the wise and omniscient leader who to copy way the biggest reverence. This can be found in all aspects of life and therefore it is not a surprise that the traditional private Chinese house in many ways tries to be a small copy of the emperor's palace – including the rather hermetic and sober exterior and a more eclectic world inside.

The ancient Chinese city – a city of microcosms

Old representations of Chinese cities show cities as a territory surrounded by a wall. Inside the walls a utilitarian grid allows for quick movement from one place to another. The overall layout has remarkable parallels with ancient cities elsewhere, from Mexico to the Greek Empire. There apparently seems to be a universal military logic to this layout. But where the rectangles of the grid are buildings elsewhere, in the old Chinese city, the city blocks are walls again within which the different groups of society were allocated. These wards had clearly marked entrances with gates in all four points of the compass.

Invisible from the street, they formed self-sufficient microcosms that not only protected the individual in making it part of a collective but also enabled the authoritarian rule to maintain control. The different city blocks were closed at night time and functioned as 'tem-

империя пыталась защитить свою территорию, построив оборонительные валы, которые должны были оградить ее от варварских племен Северной Европы. То же самое касается Китая и монгольских племен, но, в отличие от Римской империи, которая взаимодействовала с внешним миром и была нацелена на экспансию, Китай построил Великую стену, которая в дополнение ко всему играла роль идеологическую. Это была граница, где заканчивались политические интересы Китая, и внимание было обращено лишь на внутреннее состояние дел. Такая самодостаточность была возможна лишь при политическом руководстве, которое осуществляло строгий контроль над территорией. Это достигалось при помощи высокоразвитой иерархической системы должностных лиц и повиновения императору – мудрому и всеведущему властителю, подражание которому считалось знаком почтения. Такое отношение можно было найти во всех сторонах жизни: не удивительно, что традиционный частный дом в Китае во многом был похож на маленькую копию императорского дворца, включая довольно загадочный и строгий внешний вид и более эклектичный интерьер.

Древнекитайский город – город микрокосмов

На примерах старых китайских городов видно, что город – это территория, окруженная стеной. Внутри стен планировочная система позволяет быстро передвигаться из одного места в другое. Общая планировка имеет схожие черты с другими древними городами, от Мексики до Греческой империи. Здесь отчетливо видна универсальная военная логика. Но там, где на плане других городов прямоугольную форму образуют здания, в древнекитайском городе кварталы вновь огорожены стенами, за которыми живут разные слои общества. В этих стенах отчетливо обозначены ворота, обеспечивающие доступ со всех четырех сторон света.

Здесь, скрытые от улицы, формировались самостоятельные микрокосмы, которые не только защищали личное, делая его частью коллективного, но также осуществляли контроль благодаря авторитарному режиму. Различные городские кварталы закрывались в ночное

< Picture 4: Community Kitchen in a Lilong compound in Shanghai / Общая кухня в компаунде Лилонг в Шанхае (culinarybackstreets.com)

< Picture 5: Elderly and kids entertaining each other in a compound in Shanghai / Совместные развлечения пожилых людей и детей в компаунде Шанхая (flickr.com/photos/7830239@N06)

< Picture 6: Alley and Courtyards in Xing Cheng / Переулок и дворы в Син Чэн (D. Hassenpflug: The Urban Code of China, Birkhäuser, Basel 2010, P. 57)

porary prisons' that helped keeping the population in check and avoiding uncontrolled gatherings. Even green space was walled – no matter if it was private or public. Here the wall became a natural element of the constructed nature of these places. The gardens of Suzhou would not be possible without the walls.

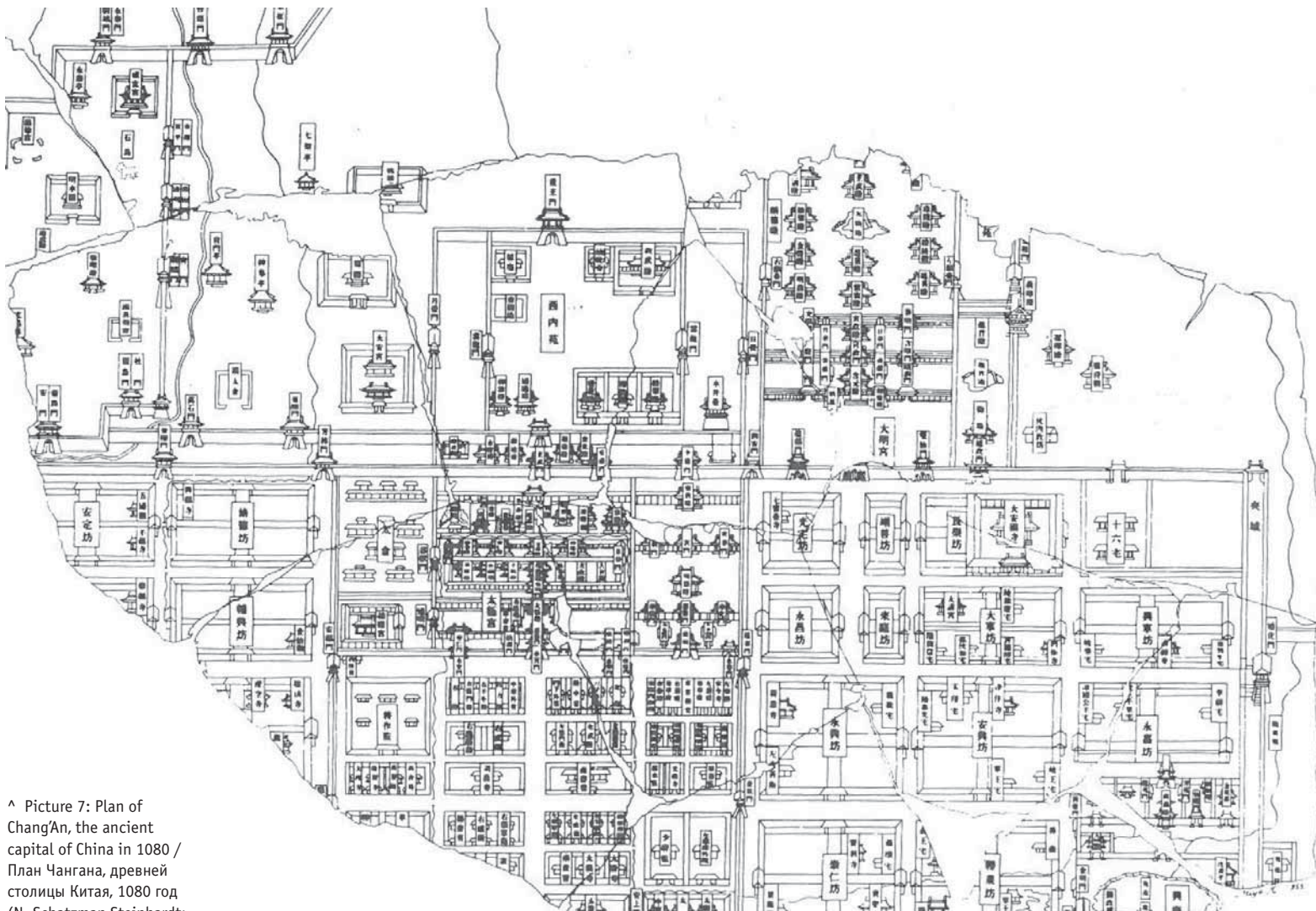
The communist Chinese city – a city of 'controlcosms'

Even though Mao established communism as the ideology to follow, many aspects of the socialism Chinese way are less revolutionary than the revolutionaries. They wanted to create the new man and the new society. The factory worker or farmer was to become part of a socialist society and ceased to exist as an individual. At the same time they kept the imperial system of compounds – not to keep traditions but for easier control of the masses. Gates and walls became devices to compartmentalize society into collectives where social control and oppres-

sion could be achieved efficiently. Forcing all people into collective life reduced the risk that opposition could evolve unnoticed and it allowed to take action against any non-conformist behaviour immediately and within a contained space.

The contemporary Chinese city – a city of 'lifestyle-cosms'

Market economy established a new meaning for the walls and gates. The developers that are responsible for the vast majority of all city-making in China nowadays were happy to use them as marketing tools. Walls are perfect to create a controlled environment that can be branded according to lifestyle clichés. New projects in China use this heavily to communicate uniqueness that does not exist otherwise since the buildings vary little. There are also a couple of practical advantages of the compound in the context of Chinese cities today: They allow for

^ Picture 7: Plan of Chang'an, the ancient capital of China in 1080 / План Чангана, древней столицы Китая, 1080 год (N. Schatzman Steinhardt: Chinese Imperial Planning, university of Hawaii Press, 1990, P. 103)

controlled access for cars that start proliferating into all space left – whether dedicated to the car or not - and the walls keep the dirt and noise from the street and adjacent construction sites out.

Over the course of time the gate has become a symbolic gesture and we can find it in all forms, shapes and styles. In some cases, the walls have even disappeared and only the gate remained. Temples, shopping streets and China towns all over the world feature gates without walls and on a larger scale parts of the skylines of cities are dubbed gates. While walls and gates and the compound model mainly occurred for housing, today Chinese cities have turned into a collection of compounds with specific functions: shopping, education, administration, culture – all are organized in compounds. It does not come as a surprise that walls and to an even larger extent gates are indispensable icons of Chinese culture and pride worldwide.

It remains an interesting question what the next level of evolution of walls and gates could be. Currently there are two trends in Chinese society that both will have a big impact on the model pursued. On one hand the tendency to embrace a western way of life which ultimately means abandoning collectivism in favour of a more individualized existence. On the other hand the trend emerging to fence things off for the same reasons Americans, Russians or Brazilians tend to encapsulate themselves in gated communities – distancing themselves from the outside world suspected dangerous, distancing oneself from society as a whole and celebrating the wealth one has accumulated without caring about the others.

The former will lead to an erosion of the compound model and walls will be perceived as limiting individualism to such an extent that people will want to get rid of them. This will open up new opportunities for the devel-

v Picture 8: Humble Administrator's Garden, Suzhou, Jiangsu province / Сад скромного чиновника, Сучжоу, провинция Джангсу. Фото автора

v Picture 9: Marketing Campaign for new residential compounds of Vanke, China's largest residential developer / Маркетинговая кампания по продвижению новых жилых компаундов Vanke, крупнейшего застройщика в Китае (vanke.com)

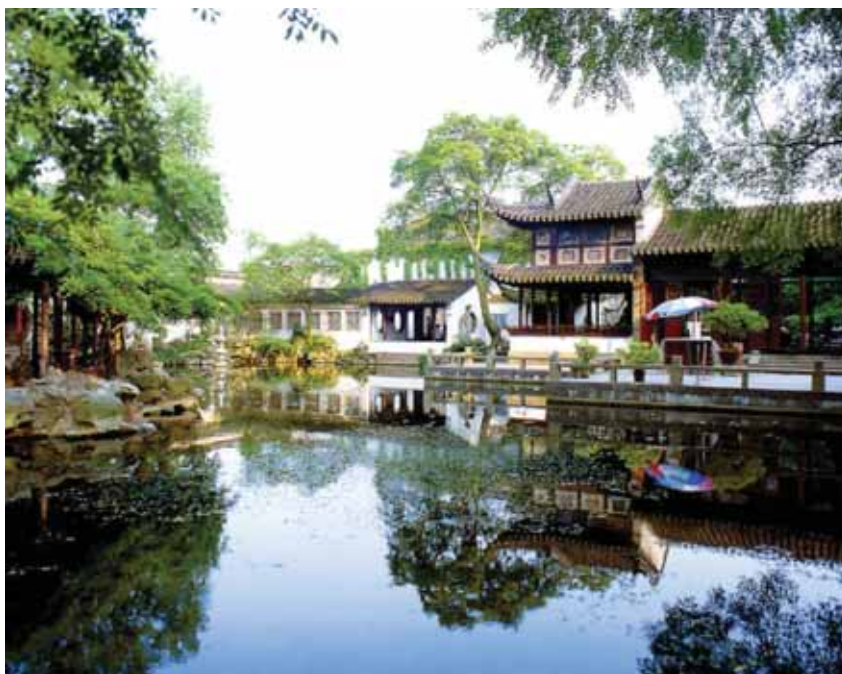
время и функционировали как «временные тюрьмы», что помогало следить за населением и не допускать стихийных сборищ. Даже зеленые зоны были огорожены стенами, не важно, были ли это частные или общественные территории. Здесь стены становились естественным элементом застройки. Сады Сучжоу невозможно представить без стен.

Китайский город при коммунизме – город «контроль-космов»

Несмотря на то что Мао объявил коммунизм ведущей идеологией, многие аспекты социалистического пути Китая оказались менее революционными, чем сами революционеры. Они хотели создать нового человека и новое общество. Рабочий фабрики или фермер должен был стать частью социалистического общества и перестать быть личностью. В то же время они сохранили императорскую систему компаундов – не для того, чтобы поддержать традиции, а чтобы было легче осуществлять контроль над массами. Ворота и стены превратились в средство разделения общества на коллективы, где можно было добиться эффективного социального контроля и угнетения. Принуждение всех людей к коллективной жизни уменьшало риск неожиданного возникновения оппозиции и давало возможность незамедлительно принять локальные меры против неконформистского поведения.

Современный китайский город – город микрокосмов, объединенных по стилю жизни

Рыночная экономика придала новое значение стенам и воротам. Застройщики, которые имеют отношение к большинству компонентов, образующих сегодняшний город, с удовольствием используют их в качестве рыночных инструментов. Стены идеально подходят для создания контролируемой среды, коммерческий образ которой можно создать согласно модели стиля жизни. В новых проектах широко используют такой способ придания уникальности, которой, по сути, не существует, поскольку здания в Китае мало отличаются друг от друга. Есть еще пара практических преимуществ компаундов в контексте современного китайского города: они обеспечивают контролируемый доступ автомоби-

opment of a Chinese city that is less uniform and more inviting. The latter will deliver the exact opposite. The city will dissolve into a collection of islands with nothing but roads in between. Both trends coexist and one can hope that neither one nor the other prevails since they both would lead to a loss of local culture and originality that makes Chinese cities different. If no trend succeeds, there is a fair chance that there will be surprising new ways of keeping the third, the collective condition and again load it with an another layer of meaning so that Chinese cities will remain different from their western counterparts, adding to the cultural diversity in an otherwise culturally converging world.

References / Литература

Lü Junhua, Peter G. Rowe, Zhang Jie: *Modern Urban Housing in China 1840 - 2000*, Prestel, Munich 2001

Frederic Edelmann (ed.): *In the Chinese City, Perspectives on the transformations of an Empire*, Actar Publications, Barcelona,

New York 2008

Dieter Hassenpflug: *The Urban Code of China*, Birkhäuser Publishers, Basel 2010

Harry den Hartog (ed.): *Shanghai New Towns*, O10 Publishers, Rotterdam 2010

Michiel Hulshof, Daan Roggeveen: *How the City moved to Mr. Sun*, Sun Publishers, Amsterdam 2011

Eduard Kögel (ed.): *Tangshan Xiangdeli, Neue Stadt in China*, Jovis, Berlin 2003

Andre Alexander, Pimpim de Azevedo, Hirako Yutaka, Lundrup Dorje: *Beijing Hutong Conservation Study*, International Heritage Fund, Berlin 2004

Peter G. Rowe, Seng Kuan: *Architectural Encounters with Essence and Form in modern China*, MIT Press, Cambridge, London 2002

Classical Gardens of Suzhou, China Architecture & Building Press, Beijing 2005

Nancy Schatzmann-Steinhardt: *Chinese Imperial City Planning*, University of Hawaii Press, Honolulu 1999

v Picture 10: Gate to the Chinese market in Angarsk / Ворота китайского рынка в Ангарске. Фото автора

лям, которые стремятся занять любое, даже не предназначенное для них место. При этом стены защищают от попадания грязи и шума с улицы и прилегающих участков.

Со временем ворота стали символическим знаком, который встречается в различных формах, размерах и стилях. В некоторых случаях стены исчезли, и остались одни ворота. Храмы, торговые улицы и чайна-тауны по всему миру имеют примеры таких ворот без стен. В большинстве случаев частью силуэта города являются именно ворота. Поскольку стены, ворота и компаунды в основном были связаны с жилой застройкой, сегодня Китайские города превратились в «коллекцию» компаундов, где каждый имеет особую функцию, например, торговую, образовательную, административную, культурную. Не удивительно, что стены и, в большей степени, ворота всемирно известны как незаменимый символ культуры и предмет гордости Китая.

Вызывает интерес дальнейшее развитие стен и ворот в Китае. Сегодня в китайском обществе сложилось две тенденции, каждая из которых может сильно повлиять на их эволюцию. С одной стороны, тенденция к принятию западного стиля жизни, что в конечном счете приведет к отказу от коллективизма в пользу более индивидуализированного существования. С другой стороны, тенденция к обособлению, появившаяся по тем же причинам, что и в Америке, России или Бразилии, где люди стремятся жить в закрытых жилых комплексах, отдаляясь от окружающего мира, который кажется опасным, отдаляясь от общества в целом и ставя на первое место те блага, которые были получены самостоятельно, независимо от других людей.

Первая тенденция приведет к разрушению модели компаундов, а стены будут восприниматься ограничителями индивидуального до такой степени, что люди захотят от них избавиться. В результате откроются новые возможности развития китайского города, которые будут более привлекательными и не такими однотипными. Вторая тенденция будет иметь прямо противоположный эффект. Города станут распадаться на группы островов, соединенных только дорогами. Сейчас обе тенденции существуют одновременно, и

можно надеяться, что ни та, ни другая не будет доминировать, поскольку обе могут привести к потере местной культуры и оригинальности, т.е. того, что отличает китайские города. Если ни одна из этих тенденций не победит, есть много шансов найти новые, неожиданные пути, чтобы поддержать третье состояние – коллективное – и наполнить его новым слоем значения. Тогда китайские города будут по-прежнему отличаться от западных, внося свой вклад в культурное разнообразие мира.

^ Picture 11: Gates to Chinatowns worldwide / Ворота чайна-таунов в разных частях света (google.com)

< Picture 12: Advertisement at a construction site in Shantou, Guangdong province / Реклама на строительном участке в Шаньтоу, провинция Гуандун (vanke.com)

Ограждения как часть градостроительного контекста района Блазевитц В Дрездене /

текст
Анастасия Потапова

Рассмотрен один из важнейших элементов градостроительного контекста района Блазевитц города Дрездена – ограждения эпохи грюндерства, помпезные, изящные, разделяющие пространство улицы и парковых вилл, сохранившиеся с середины XIX века.

Ключевые слова: градостроительный контекст, ограждения, эпоха грюндерства.

text
Anastasia Potapova

Every city has its unique urban context including the objects that form the historical environment of the city; the material elements represented by buildings, constructions, sculptural and architectural forms, elements of spatial surroundings of monuments and terraced houses; the atmosphere, the landscape elements, and the visage as an element expressing the real nature of the visual object, that is the city space (the open space "enclosed" by material elements).

The city of Dresden is not an exception. In its district Blasewitz, one of the most important aspects of urban context is expressed by the fences of the Gründer Epoch. These pompous and fine constructions separating the street space from the park villas have remained since the middle of the XIX century.

The article explores the origin of villas as an urban ensemble of the Italian architecture, the development of this type of architecture in the 18-19th centuries and the methods of preservation of all the elements of this structure, including fences. It describes the fences remained in the district Blasewitz and their unique features.

Keywords: Urban context, fencing, the Gründer Epoch.

^ Рис. 1. Местоположение района Блазевитц в Дрездене

^ Рис. 2. Градостроительная структура района

> Рис. 3 Исторический вид

Величественные ограждения эпохи грюндерства, помпезные, изящные и невозмутимо разделяющие пространство улицы и парковых вилл, сохранившиеся с середины XIX века, составляют одну из главных частей

градостроительного контекста¹ в Блазевитце, одном из исторических районов Дрездена.

Блазевитц расположен в восточной части города, на левой стороне Эльбы, граничит с районами Лёшвиц на севере, Штризен на юге, Йохан-Штадт на западе и Толкевиц на востоке, а также мостом Blaues Wunder. Блазевитц насчитывает 75 тыс. жителей, в нем отмечена самая высокая плотность населения в сравнении с другими районами Дрездена. В Блазевитце сосредоточены городские виллы эпохи грюндерства² с богатыми парками и великолепными ограждениями. Многие из вилл сейчас используются в качестве различных

Fencing as a Part of the Urban Context of the District Blasewitz in Dresden

бюро и жилых комплексов, все ограждения сохранены в исторической традиции. Благодаря сохранению исторических особенностей района, он имеет повышенную коммерческую ценность.

Историческое развитие

Первое упоминание о районе Блазевитц (от славянского имени *Blahas*) относится к 1349 году. Его территория использовалась для рабочих строений Николая Караса. В 1384 году Блазевитц – рыбацкая деревня и винодельные угодья. До середины XIX века жители района возводили свои постройки в свободном порядке, как им нравилось. С 1799 года начинается строительство городских вилл и одновременно утверждается градостроительное планирование района. Каждая вилла обладала определенной территорией и должна была быть ограждена от общественного пространства металлической изгородью. В оговоренных границах архитекторы Константин Липсус (1832–1894) и Рудольф Шиллинг (1859–1933) возводят многочисленные виллы с богатым декоративным убранством и планировочными составляющими: террасами, беседками, ограждениями. Служащий саксонского министерства Артур Вильбад поручает разбить дикий парк. В 1872 году в Блазевитце проводят железную дорогу на конной тяге, и начинается приток фабрикантов, городских служащих, офицеров, что дает району статус одного из самых высокодоходных.

В 1863, 1874 и 1905 годах появляются строительные нормы, в которых были прописаны все градостроительные и архитектурные критерии: виллы в итальянском стиле, тосканские дома в стиле ренессанса, барокко, готики. С 1901 года проводились переговоры о включении района в городскую черту, но дальнейшие двадцать лет район Блазевитц не изменил своего статуса, и из-за низких налогов это было излюбленное место богатых дрезденских бюргеров. Тем не менее, несмотря на противостояние жителей, к 1 апреля 1921 года Блазевитц был принудительно присоединен к черте города.

Ограждения вилл – часть градостроительного контекста Вилла как тип застройки появилась еще в Древнем Риме, где особое внимание уделялось ограждениям с величественными воротами, акцентирующими пространство входа в парк, расположенный перед домом. Они были неотъемлемой частью строений для распределения территории между владениями и отделения от общественной зоны.

В эпоху Возрождения виллы продолжают быть признаком престижа, при этом появляются богатые парковые комплексы с беседками и фонтанами, обнесенными парковой изгородью.

Позже, в XIX веке, были сформулированы концепции целых ансамблей, так называемых колоний вилл. С увеличением благосостояния жителей среднего класса возрастал спрос на жилье в престижном районе. Чтобы избежать переполнения центра города, с середины XIX века начинается строительство ансамблей вилл. Эти районы были абсолютно новыми и возводились весьма быстро по аналогии с зарубежными колониями, именно поэтому появился термин «колонии вилл». При строительстве ансамблей учитывались особые правила для ограждений по отношению к соседствующим постройкам: высота, цвет и пропорции декоративных элементов должны были соответствовать друг другу и придавать ансамблю единство. Структура ансамблей вилл в Дрездене разнообразна: некоторые вписаны в существующий ландшафт, другие возникли на месте исторических деревень и впоследствии были включены в городскую черту. Большинство вилл эпохи грюндерства сохранились в Блазевитце до наших дней. Они объединяют элементы предыдущих эпох в эклектической комбинации. Большую роль в развитии Дрездена сыграли неobarocko и неоренессанс, а также архитектурная школа Готфрида Земпера (1803–1879), основоположника неоренессанса в Саксонии.

Застройка в форме вилл требовала соблюдения определенных параметров, свойственных данному типу: строение от одного до двух этажей, сад, расположенный около дома и ограждение, определяющее границы владений. Характерно, что в эпоху грюндерства

^ Рис. 6-7. Доходный дом на ул. Вагнера, 18 (ранее ул. Шульштрассе, 3), архитектор Мартин Питч, 1905 г. / Доходный дом на ул. Вагнера, 18, 2011 г.

1. Градостроительный контекст – объекты, формирующие историческую среду города; элементы пространственного окружения памятников.

2. Эпоха грюндерства (нем. *Gründerzeit*) – период индустриализации Германии 1840–1873 гг. до экономического кризиса 1873 года. В обычной речи под стилем грюндерства понимают эклектику. Типичными для архитектуры эпохи грюндерства были 4-6-этажные жилые дома, возводившиеся по периметру городского квартала, с богато декорированными фасадами в стиле эклектизма, неоготики, неоренессанса и неobarocko. Строились не только дворцы для разбогатевшей буржуазии, но и многоквартирные доходные дома для быстро растущего городского населения.

< Рис. 4. Исторический вид вилл 1910

< Рис. 5. Застройка вилл в районе Блазевитц 2012

Рис. 10-16 Ограждения в Блазевице, 2013 г.

рисунок ограждений изменялся в соответствии с архитектурным стилем здания, они изготавливались на заказ. Колонны чаще всего были сделаны из традиционного для Дрездена песчаника, изгородь, как правило, металлическая. Ограждения отражали благосостояние жильцов. Один из примеров – доходный дом, построенный в 1905 году на ул. Вагнера, 18, трехэтажное строение с мансардным этажом и роскошным парком, окаймленным изящной металлической изгородью. Дом был рассчитан на несколько семей. Здание великолепно сохранилось до наших дней, изменилась лишь его цветовая гамма при реставрации в 1990 году. Все

декоративные и парковые элементы остались неизменными. Металлическое ограждение превосходно отражает стиль построек эпохи грюндерства в форме стилизованных элементов флоры. Важнейшей доминантой ограды является богатый воротный комплекс, столбы выполнены из песчаника с возвышающимися декоративными круглыми объемами.

Парковые изгороди в Блазевице сегодня

Район не пострадал от авиабомбардировок во время Второй мировой войны и сохранил свой первозданный облик. После частичной реставрации исторических вилл, многих зданий Шиллинга и Грёбнера на алее Гёте

3. Denkmalschutzsatzung der Landeshauptstadt Dresden für das Denkmalschutzgebiet Blasewitz/Striesen-Nordost Vom 9. Mai 1996 Veröffentlicht im Dresdner Amtsblatt Nr. 13/97 vom 27.03.97, geändert in Nr. 42a/01 vom 18.10.01.

и в других частях района Блазевитц вновь принадлежит к одному из самых величественных районов Дрездена. Городские виллы формируют исторический ансамбль улицы согласно пропорциям, масштабному соотношению между собой и садами с ограждениями.

Одна из особенностей структуры изгородей Блазевитца – богатое включение стилизованных растительных элементов. При этом завершению столбов уделяется особое внимание, они акцентированы с помощью своеобразных цветов, выполненных в очень тонкой металлической резьбе, кроме этого, включены живые растительные элементы – вьюнки, подобранные

таким образом, что способны выносить даже зимние условия, сохраняя зеленый цвет под снежным покровом.

«Прозрачность» ограждений можно рассматривать как дополнительное украшение некоторых фасадов, у которых минимальное количество собственных декоративных элементов, и таким образом происходит пространственное взаимодействие между объектом и элементами ограждения.

Сохранение исторического облика и архитектурных особенностей района стало возможным благодаря

Регламенту по защите памятников в районах Блазевитц и Штризен³. Данный документ учитывает охрану всех градостроительных и архитектурных составляющих, важных для сохранения градостроительного контекста, в том числе:

- существующей планировочной структуры (массопустотное соотношение между застроенными и неза-

- строеными территориями);

- параметров застройки (высота здания согласно краю кровли, расстояние между зданиями в соответствии с типологией существующей застройки);

- ранее существующего характерного облика уличного пространства: площадей, дорог, озеленения, включая благоустройство территории;

- традиционного ограждения паркового пространства возле дома и особенностей флоры;

- садов, расположенных возле каждого отдельно стоящего дома, включая элементы ландшафта, такие как подпорные стенки, террасы, беседки, ступеньки, декоративные детали;

- характерного силуэта со стороны Эльбы.

Любая строительная деятельность должна быть согласована с отделом по охране памятников, даже если речь идет не о памятнике, а об объекте, находящемся в данном районе, он рассматривается как часть градостроительного ансамбля. Новое строительство возможно только там, где до этого существовала застройка. При этом предварительно согласовываются все элементы будущей постройки, включая планировку паркового комплекса и ограждений (стиль, цвет, материал, пропорции). Если же место исторически не было застроено, то оно остается таковым и в настоящий момент.

В данном документе отражена четкая взаимосвязь между всеми архитектурными и градостроительными элементами. Вилла как архитектурное строение не может существовать без парка, который в свою очередь нуждается в ограждении, при этом важно соотношение материала, пропорции, цвета. Все эти составляющие сохраняются благодаря жесткому контролю над состоянием исторического района, ведь они представляют собой уникальную ценность для будущих поколений. Данный регулятивный инструмент охраняет все особенности градостроительного контекста района, в том числе сохранение исторического облика при ведении нового строительства.

в Рис. 17. Уличное пространство, март 2013 г.

References / Литература

Denkmalschutzsatzung der Landeshauptstadt Dresden für das

Denkmalschutzgebiet Blasewitz/Striesen-Nordost Vom 9. Mai 1996. In: Dresdner Amtsblatt. Nr. 13/97 vom 27.03.97, geändert in Nr. 42a/01 vom 18.10.01.

Dubbers, A. (2002) Blasewitz: Aus der Geschichte eines Dresdner Stadtteils. Dresden: Bürgerinitiative Blasewitz u. Umweltzentrum Dresden.

Helas, V. (1991) Villenarchitektur in Dresden. Köln: Benedikt Taschen Verlag.

Löffler, F. (2007) Das alte Dresden – Geschichte seiner Bauten. Leipzig: Seemann-Henschel.

Thiele, S. (2009) 99 Dresdner Villen und ihre Bewohner. Dresden: HochlandVerlag Pappritz.

www.blasewitz.de [Accessed 15 March 2013]

www.blasewitz1.de/villen_b.htm [Accessed 15 March 2013]

text
Katja Friedrich

photos
Katja Friedrich

The need for safety leads to an increasing fencing of entrance areas and to a structural spatial segregation in Rio de Janeiro. Today's passer-by moves along high grids instead of walking on lavishly planted ways along noble entrance areas. In the scale of urban development the stronger variant of spatial demarcation is taking place. Gated communities arise as a total spatial exclusion, in a safe distance to existing favelas and disposing of abundant safety equipment.

Precisely because the need for safety is important in dwelling, both trends are problematic from the urban perspective. The increasing fencing and demarcating destroys pleasant urban atmospheres and fosters the spreading of mono-functional resp. mono-social areas. However, trust and a peaceful togetherness are required for a socially and functionally mixed and spatially diversified public space. But these conditions can only be realised in the context of the entire society.

Keywords: urban segregation, urban atmosphere, perimeter fencing.

This article will deal with the increasing construction of perimeter fences and its effects, based on the example of Rio de Janeiro. At the moment, everybody is talking about the city of Rio de Janeiro. On the one hand, because Brazil is a rising country and since this year, Brazilian economy is the sixth most powerful in

the world.¹ There is a special focus on the city of Rio de Janeiro, since next year there will take place the football world championship, which implies abundant infrastructural modernisations and a world-wide media interest. There can be seen a similar situation like in Russia, regarding the economic situation, which experts

Ограждение общественных пространств в Рио-де-Жанейро как следствие страха перед преступностью /

текст и фото
Катя Фридрих

Стремление горожан к безопасности приводит к росту числа ограждений входной зоны и структурной пространственной сегрегации в Рио-де-Жанейро. Сегодня пешеходу приходится идти вдоль высоких решеток, вместо того чтобы прогуливаться по утопающим в зелени дорожкам. В городском развитии наблюдается также тенденция к строгому территориальному разграничению. Появляющиеся закрытые сообщества располагаются на безопасном расстоянии от фавел и имеют всевозможное оборудование для обеспечения своей безопасности.

С точки зрения градостроительной перспективы обе тенденции вызывают тревогу: рост числа ограждений и разделений разрушает приятную атмосферу города и способствует распространению монофункциональных, а значит, и моносоциальных зон. Все это препятствует созданию смешанного общественного пространства. Необходимые для его функционирования доверительные отношения и мирное взаимодействие можно обеспечить лишь в условиях целостного общества.

Ключевые слова: городская сегрегация, атмосфера города, ограждение территории.

connect with future development potentials, and regarding grand sport events. There is also a similarity in the size of both countries as well as in the changes which happened in the (large) cities, characterised by neighbourhoods which need to be modernised. In Brazil you find huge slums (called favelas) and in Russia there are wooden house neighbourhoods, which have almost not changed in more than 100 years and lack constant water and water closets until the present day, as well as prefab housings, which need an upgrading of the public places and a fundamental rehabilitation of the buildings. Last but not least, both countries have a wide span between poor and rich in common, contrary to Central European countries, making interesting this aspect even from the perspective of urban planning. The gap between extremely poor and extremely rich is linked to a raised crime rate, resp., to

an increasing need for safety and, due to this, for demarcation and enclosure. This article will deal with exactly this issue at the example of the Brazilian city of Rio de Janeiro and its neighbourhoods Ipanema and Leblon.

Two crucial differences between the city of Rio de Janeiro and the vast majority of Russian cities are, of course, the weather and its effects on the vegetation which grows and flourishes in abundance throughout the whole year, and the beaches, which invite to take a bath during almost the whole year. The most popular residential districts are the ones related to the water. The two focused bordering neighbourhoods, Ipanema and Leblon, are formed by a small isthmus between the open sea and the fresh water lagoon. On the side, they are bordered by impressive mountain peaks (i.e. the Two Brothers), which define the entire city of Rio and

In Rio de Janeiro public entrance areas disappeared behind railings out of fear of crime

В данной статье речь пойдет о росте строительства ограждений и его последствиях на примере Рио-де-Жанейро. Сейчас этот город привлекает к себе усиленное внимание СМИ, с одной стороны, потому что экономика Бразилии стремительно растет и в этом году заняла шестое место в рейтинге крупнейших экономик мира¹, с другой – по той причине, что в следующем году там пройдет Чемпионат мира по футболу, который требует крупномасштабной модернизации инфраструктуры. Похожая ситуация наблюдается и в России, где

экономическая ситуация, по мнению экспертов, связана с перспективами развития и подготовкой к большому спортивному событию. Также есть сходство в размерах обеих стран, в изменениях, которые происходят с большими городами, нуждающимися в модернизации. В Бразилии мы видим огромные трущобы (фавелы), а в России – кварталы деревянных домов, которые практически не изменились за прошедшие сто лет, в них по-прежнему нет водопровода и санузлов. Проблему составляют и панельные дома, нуждающиеся в улучше-

< Perimeter fencing in Ipanema and Leblon / Ограждения в Ипанеме и Леблоне

1. Thus overtaking the UK economy. As the British news channel BBC broadcasted in the early 2013, according to the think tank Centre for Economics and Business Research (CEBR) Brazil's economy is the sixth most powerful in the world. / Как было объявлено на британском новостном канале BBC в начале 2013 года, по данным аналитического отдела Центра исследования экономики и бизнеса (CEBR), экономика Бразилии входит в шестерку крупнейших экономик мира.

^ v View from Corcovado at the lagoon, the neighbourhood Ipanema and the sea / Вид с горы Корковадо на лагуну, район Ипанема и море

нии общественных пространств и фундаментальном ремонте. Наконец, что не менее важно, обе страны имеют огромный разрыв между бедными и богатыми, в отличие от стран Центральной Европы, и это имеет значение даже с точки зрения градостроительства. Этот разрыв связан с ростом преступности и, соответственно, с увеличением потребности в безопасности, а значит, в установке ограждений. Рассмотрим эту тему на примере районов Рио-де-Жанейро Ипанема и Леблон.

В отличие от большинства российских городов, в Рио-де-Жанейро круглогодично цветущая растительность, а также пляжи, где можно искупаться практически в любое время года. Самые популярные жилые районы – те, что связаны с водой. Два соседствующих района, Ипанема и Леблон, образованы небольшим перешейком между открытым морем и пресноводной лагуной. С одной стороны к ним примыкают внушительные горные вершины (например, Два Брата), которые определяют весь город Рио и вызывают необходимость прокладки туннелей. Побочный эффект незаметных туннелей заключается в том, что они задают ритм городского роста. Если посмотреть на районы Копакабана, Ипанема или Жакарепауга, расположенные на юге, можно у каждого заметить свой архитектурный стиль, относящийся к определенному десятилетию. Это делает Рио неповторимым. Копакабана связан с 1960-и и 1970-и и характеризуется очень плотной многоэтажной застройкой, зачастую в десять этажей, которая составляет контраст с малоэтажной застройкой Ипанемы. Кроме того, пляж Ипанемы и Леблона – самый красивый и дикий в Рио, в связи с чем прилегающие жилые и деловые районы с застройкой 1970–1980-х годов имеют самые высокие цены. Комбинация дикого пляжа, праздничного настроения и хорошо сочетающихся функций районов мегаполиса создает уникальную атмосферу. Районы обрамляет восхитительный пейзаж горы Корковадо высотой 710 метров, которая находится за лагуной. На пике этой горы стоит статуя Христа Искупителя. Для тех, кто находится внизу, Корковадо служит прекрасным ориентиром, а если на трамвае приехать на вершину горы,

require the exploration through tunnels. A side effect of the indispensable tunnels is that they determine the rhythm of the urban expansion. Whether you look at Copacabana, at Ipanema or at Jacarepaguá, situated more in the south – each of their architectural languages stand for one decade. That makes Rio particular. Copacabana stands for the 1960s and 1970s. It is characterised by its very dense and high building development, often ten storeys high, which makes a contrast to the lower building development of Ipanema. Besides, the beach of Ipanema and Leblon is one of the most beautiful, but also of the wildest ones of Rio, causing the adjacent residential and business districts with their buildings from the 1970s and the 1980s to be in the upper price range. The combination of wild beach, holiday mood and functionally well-mixed metropolis neighbourhoods creates a unique

можно насладиться восхитительным видом Рио. Не только удобная близость к пляжу, но и визуальная связь с лесом Тижук делает Ипанему и Леблон любимым местом кариоков (жителей Рио-де-Жанейро). Это послужило решающим фактором, приведшим к относительно плотной и разнородной застройке на небольшом перешейке.

Влияние растущего числа ограждений на атмосферу уличного пространства особенно заметно на общественных территориях с плотной застройкой районов Ипанема и Леблон, где вдоль улиц расположились всевозможные кафе, рестораны, магазины и фешенебельные многоэтажные жилые дома. Здания для высших слоев населения огорожены заборами, снабжены маленькими домиками для охраны и системой охранного видеонаблюдения. Общественные пространства и ранее открытые первые этажи этих домов вместе с ухоженными насаждениями теперь укрыты за высокими заборами. Для прохожих это пространство, некогда похожее на парк, теперь стало тесным и замкнутым. Камеры слежения и частая стальная решетка забора выражают растущую потребность в защите от вездесущей опасности. При виде массивных стальных решеток у некоторых прохожих пропадает желание здесь прогуливаться, особенно когда стальные прутья образуют

atmosphere. The neighbourhoods are framed by the impressive scenery of the 710 metres high Corcovado mountain, which is situated behind the lagoon, and the characteristic Christ the Redeemer statue located at its peak. Seen from below, Corcovado excellently serves as orientation, and seen from above, the peak, which is accessible by a railway, permits a wonderful view at the magnificent urban landscape of Rio. It is not only the convenient proximity to the beach but also the visual connection to the Tijuca Forest which make Ipanema and Leblon the favourite place of residence of the Cariocas (as the inhabitants of Rio de Janeiro are called). These were the decisive qualities which led to the relatively dense and generally heterogeneous building development on the small isthmus.

The effect of an increasing construction of perimeter fencing on the spatial mood in the streets can be seen

сплошную стену (именно в такой перспективе их видит пешеход, движущийся по улице). Еще чаще забор стали возводить по периметру зданий, где на первом этаже нет ни магазинов, ни ресторанов, ни других объектов обслуживания. Обычно вход в здание находится немного в глубине, скрываясь под верхними этажами, которые слегка затемняют его. Практически каждый вход украшен роскошными цветочными клумбами или пальмами. Одна из обязанностей портье – уход за растениями, поэтому мусора вы здесь не найдете. Мне, как жителю Германии, это очень понравилось. В случае с ограждением зона входа отрезана по границе участка. На сегодняшний день остались великолепные тротуары, которые напоминают о когда-то непрерывном пространстве. На некоторых иллюстрациях видно отсутствие заборов. В прошлом это было обычным явлением, но сейчас, к сожалению, редкость. Тот, кого не устраивают меры безопасности, включая ограждения, вынужден покинуть Ипанему и Леблон и перебраться в новые районы, построенные согласно еще более высоким стандартам безопасности. Однако атмосфера в таких районах зачастую менее приятна.

Самым ярким примером ограждения территории в масштабах города служит полное пространственное ограничение закрытых жилых кварталов. В основном

2. One has to differentiate crime-motivated demarcations by others like the so-called life style communities. Here people gather according to their interests resp. their attitude towards life to live only among themselves and to use leisure activities together in an exclusive way. These forms are very common in the USA, like i.e. retirement communities, golf and leisure communities as well as suburban New Town communities./

Необходимо отличать сообщества, огороженные с целью защиты от преступности, от других сообществ, например тех, которые объединены определенным стилем жизни. Здесь люди собираются в соответствии со своими интересами, отношением к жизни, они хотят находиться только с близкими по духу и вместе проводить свой досуг. Такие формы сообществ распространены в США, например поселки для престарелых, общества игры в гольф, а также сообщества пригородов больших городов.

∟ The very wild and sometimes even dangerous beaches of Ipanema and Leblon (in the background two mountains of the Tijuca Forest, called the Two Brothers) and the shoreline buildings / Дикие и иногда опасные пляжи Ипанемы и Леблona (на заднем плане – две горы леса Тижук, которые называются Два Брата) и здания, выстроенные вдоль береговой линии

< Beach scene in Ipanema, in the background two mountains of the Tijuca Forest /

На пляже в Ипанеме, на заднем плане – две горы леса Тижук

especially in the public areas of the dense and street-aligned building development of the neighbourhoods Ipanema and Leblon with its cafés, restaurants, shops and the noble entrance areas of the residential multi-storey buildings. The buildings in the upper-class neighbourhoods are being retrofitted with fences, little houses for the security staff and CCTV cameras. Public space and the formerly open ground floor areas with their well-kept plantings disappear behind huge railings. For the stroller the spatial atmosphere changes from a park-like open one to a narrowed fenced one. CCTV cameras and dense steel grid fencing are the expression of a growing need for safety and of the ever present danger. Some passer-by will lose his lust to stroll when he sees the massive steel bars. Especially when seen in a line, the steel grids appear as a closed wall. This is exactly the perspective of a passer-by who

moves along the street. The perimeter fencing becomes rife especially where there are neither shops, nor restaurants nor other publicly accessible offers in the ground floor areas. Normally, the entrances are set back a little bit, so that the higher floors spatially embed the entrance, slightly shadowing it. Almost every entrance is decorated by lavishly planted plant tubs, beddings or palms. One of the tasks of the domestic workers working at the entrance (the so-called *Porteiros*) is to take care of the plants, so that you don't find garbage or similar, what I really liked, from my German perspective. In case of a perimeter fencing the entrance area is being cut along the property line. Until the present day the marvellous pavement reveals the formerly continuous area. On some pictures you can see the formerly fence-less situation, which, unfortunately, can hardly be found nowadays. Who is not satis-

> Perspective effect of the fences, an example from Jacarepaguá / Вид заборов с улицы (район Жакаренагуа)

> Perimeter fencing in the neighbourhood Jacarepaguá / Ограждение в районе Жакаренагуа

их можно найти в новых районах на юге Рио, например, в Бара-да-Тижука, а также по всему миру, там, где разница между бедными и богатыми особенно ощутима. Строжайший контроль и меры предосторожности разделяют эти два мира. Из-за страха перед преступностью теперь невозможно себе даже представить простую дверь без портье, камеры слежения и системы многочисленных замков.

Защита от преступности в некоторых социальных группах становится движущей силой, направляющей городское развитие по особому пути². Не углубляясь в детали существования различных закрытых сообществ, хочу остановиться на исторических и антропологических причинах строительства ограждений и обозначения границ. Будь то обычный забор, стена или даже

fied by security measures such as the subsequent perimeter fencing, has got to leave Ipanema or Leblon and move into newer neighbourhoods that were built with even higher security standards, which, from the perspective of urban atmosphere, often are poorer.

The strongest form of perimeter fencing or immuring at a citywide scale is the spatial total exclusion of the so-called gated communities. They can be found most of all in the youngest neighbourhoods in the south of Rio like i.e. in Barra da Tijuca and as well, in the whole world, where there are enormous differences between poor and rich. Giant control and protection measures divide two worlds from each other. A bare door without porter, without CCTV cameras and a multiple locking system would be unthinkable due to the fear of crime.

The crime prevention of certain social groups becomes the driving force of a specific form of urban

development.² But instead of presenting more details on the forms of gated communities, I want to focus on the historical and anthropological backgrounds of perimeter fencing and demarcation. Whether it's an urban fence, a wall or even an entire city wall – they all create borders between inside and outside. They are the borders between the own house or apartment and the public exterior space. In the past, the city wall did not only provide safety for the body and the house and home, protection against enemies or an undesired approach, but also the right of jurisdiction and many other things.

The German philosopher and sociologist Georg Simmel called man a border-being, that has no border and as the connecting being that has to separate, and that cannot connect without to separate.³ The setting of boundaries and therefore the fencing and trespass-

3. Cf. Simmel, Georg: *Brücke und Tür. Essays des Philosophen zu Geschichte, Religion, Kunst und Gesellschaft*. K. F. Koehler Verlag, Stuttgart 1957. / Cf. Simmel, Georg: *Brücke und Tür. Essays des Philosophen zu Geschichte, Religion, Kunst und Gesellschaft*. K. F. Koehler Verlag, Stuttgart 1957.

v Perimeter fencing in the neighbourhood Jacarepaguá, in the background you see mountains of the Tijuca Forest / Ограждение в районе Жакарэпагуа, на заднем плане – горы леса Тижукa

ing of these boundaries belong to man. Because only by setting boundaries man creates the differences which inform his life in the form of interior and exterior spaces. In poetic words, the specific human capability, opposite to the nature, is expressed by cutting off a parcel of land. By delimitating a piece of land, out of the continuity of the infinite space grows the home of a living community.

But back to the contemporary city: the flat is a delimited space which houses the private interior space of a person or a family. The apartment, literally meaning the separated flat, defines the interior space of the people living there, whereas interior space means much more than the opposite of the urban exterior space. The interior of the own flat provides privacy, protection against foreigners and security. In the own flat you feel comfortable and safe, you can relax, seclude your-

self, be with yourself, gather forces etc.. Inside, the dweller can determine, design and express himself. Outside, there are the others and the public. And in the case of the city of Rio de Janeiro, outside the flat, outside the house there lurks danger, which makes understandable the increasing construction of perimeter fencing and safeguarding, due to the extraordinary importance of safety in dwelling.

But what is the solution in the context of urban development situations? As it is so often the case, neither the architect nor the urban planner can offer alternative safety concepts, since you can't change a society through building. A society, where some have too much to survive and others too few, generates the conditions for fear and violence. The only solution seems to be the improvement of those, who are forced by crime and violence to ensure their survival, resp., who

городская стена – все это создает границу между внутренним и внешним. Это границы между собственным домом или квартирой и внешним общественным пространством. В прошлом городская стена не только обеспечивала безопасность человеку и его жилищу, защищала от врагов или непрошенных гостей, но также позволяла производить суд и пр.

Немецкий философ и социолог Георг Зиммель назвал человека «пограничным существом», не имеющим границ, и «существом связующим», которое должно разделять и которое не может соединять не разделяя³. Обозначение границ и связанное с этим строи-

тельство заборов, а также переход этих границ – все это принадлежит человеку. Ведь только благодаря обозначению границ человек создает различия, наполняющие его жизнь внутренними и внешними пространствами. Говоря поэтическим языком, особые возможности человека, противопоставленные природе, выражаются в том, что он может отрезать себе участок земли. В результате ограждения участка земли от безграницного пространства появляется жилье.

Но вернемся к современному городу: квартира представляет собой ограниченное пространство, которое вмещает в себя частное внутреннее пространство

> Street situations in Copacabana, due to the usually denser and higher housing (mostly without front areas) there is hardly any perimeter fencing / Ситуация на улицах Копакабаны: из-за плотной многоэтажной жилой застройки (часто не имеющей пространства перед входом) ограждения здесь встречаются крайне редко

don't have any possibility to work for their living. After the experiences in Brazil the author could enjoy the open and safe atmosphere of German cities and she knew why it's worth to distribute the social wealth in a relatively just manner to everybody. So the rich don't have to fear and the less rich can live well, as well. Fortunately, in Central Europe we can renounce to the usually repellent fences as we find them in Rio de Janeiro.

References / Литература

Bollnow, Otto Friedrich: Mensch und Raum. Stuttgart, Berlin, Köln 1997.

Centro de Arquitetura e Urbanismo de Rio de Janeiro: Do Cosmógrafo ao Satélite. Mapas da Cidade do Rio de Janeiro. Catalogue da exposição de mesmo nome. Rio de Janeiro 2000.

Flade, Antje: Wohnen psychologisch betrachtet. Bern, Stuttgart, Toronto 1987.

Google street view: <http://maps.google.de>

Haß, Sylke: Rio bereitet sich auf die Fußball-WM und Olympia vor. In: Praxis Geographie, Braunschweig 2012, S. 45.

Lins, Paulo: Cidade de Deus. 1997; City of God. (engl.) London 2006.

Meirelles, Fernando; Lund, Kátia: Film: City of God. 2002.

Oswalt, Philipp: Getrennte Welten - Urbanität als Risiko. In: Arch+ Zeitschrift für Architektur und Städtebau, Heft 190, Aachen 2008, S. 110-111.

Prefeitura da cidade de rio de janeiro: <http://www.rio.rj.gov.br/>

Simmel, Georg: Brücke und Tür. Essays des Philosophen zu Geschichte, Religion, Kunst und Gesellschaft. Stuttgart 1957.

v < Diverse situations with perimeter fencing in the neighbourhood Ipanema. Photo: Google Maps / Различные примеры ограждения в Ипанеме. Фото: Google Maps

человека или семьи и определяет его. В то же время внутреннее пространство имеет гораздо большее значение, нежели то, что оно противоположно внешнему городскому пространству. Пространство собственной квартиры обеспечивает уединенность, защиту от чужих людей и безопасность. В своей собственной квартире чувствуешь себя комфортно и защищено, можно расслабиться, побыть наедине с собой, набраться сил и т. д. Обитатель квартиры может выразить себя и самоопределиваться. Снаружи всегда есть другие люди, есть общество. А в случае с Рио-де-Жанейро снаружи квартиры или дома всегда есть возможность опасности, и это объясняет рост числа ограждений и охраны, ведь безопасность жилища играет особо важную роль.

Но какое решение лучше всего подойдет в контексте городского развития? Как это часто бывает, ни архитектор, ни градостроитель не могут предложить кон-

цепцию альтернативной защиты от опасности, поскольку силами строительства изменить наше общество совсем не просто. Это общество, где одни имеют слишком много, а другие слишком мало для выживания, создает условия для страха и насилия. Единственное решение – сделать лучше тех, кто ради выживания идет на преступление и насилие, тех, кто не имеет возможности работать, чтобы обеспечить свое существование. После поездки в Бразилию я с удовольствием вернулась в открытую и безопасную атмосферу немецких городов, понимая важность справедливого распределения общественных богатств среди всех групп населения. Тогда богатым уже не придется бояться, а менее обеспеченные станут жить лучше. К счастью, в Центральной Европе мы можем отказаться от тех отталкивающих заборов, какие есть в Рио-де-Жанейро.

< Original situations without perimeter fencing in the neighbourhood Ipanema. Photo: Google Maps / Нетипичный пример отсутствия ограждения в Ипанеме. Фото: Google Maps

In Japan, there is an inclination towards obscuring the demarcation between the private and the public space. The high palisades surrounding "skya" style constructions enclose the gardens where the low fences line the vegetation.

In the religious domain, the palisades that separate the sacred space from the secular space, called "tama-gaki", are found neighbouring "koran" style fences.

Stone can sometimes be used as part or only component of the barrier.

The barriers and palisades in Japan are utilized to hide the buildings and gardens from the public space, but they stay entirely as art works in which the carpenters of the archipelago put sense of aesthetic and tradition, preserving the privacy, harmony of the landscape and calm.

Key-words: Japan, Japanese traditional constructions, "skya", "gaki", "tama-gaki", "Koran", "skya-kenchikku", "skya-zukuri", "Yamato-bari", "Me-ita-bari", "chiashitsu no he"

In Japan, the Mia-daikku, that is the temple carpenters, are considered the aristocrats of carpentry: they know how to maintain the knowledge and the ancestral techniques. I had the chance of staying two years in Japan, and working for a Mia-daikku master, Katō-San. Beside the temples, the company I worked for also builds different traditional constructions such as fences and palisades.

The development of the Japanese architecture was influenced by different important factors: firstly, the geographical position, neighbouring a very powerful and prosperous empire, China. Secondly, a humid and temperate climate due to the streams of the Pacific ocean. Thirdly, a permanent seismic risk; and finally, a very long period of two centuries of isolation, due to the political structure of the shoguns. These factors created a unique

All photos, text and drawings **Dimitri Malko** copyright

< «Шу-тама-гаки» – яркий-красный низкий забор, окружающий буддистский храм на горе Хагуро (префектура Ямагата). Дерево покрыто несколькими слоями красного натурального лака / "Shu-tama-gaki": vermilion low fence around the Buddhist temple on the Haguro mountain (Yamagata prefecture). The wood is coated with a thick layer of red natural lacquer, applied several times.

Японские заборы / Japanese fences

В Японии трудно найти четкое обозначение границы между частным и общественным пространством. За высокими палисадами, окружающими постройки в стиле «ския», находятся сады, где низкие заборы окаймляют насаждения. На территории храмов палисады «тама-гаки», отделяющие святые места от светских, соседствуют с ограждениями в стиле «коран». В качестве составной части забора изредка используется камень. Ограждения и палисады в Японии используются для того, чтобы укрыть здания и сады от общественного пространства. В то же время эти ограждения представляют собой предмет искусства, в котором воплощено эстетическое чувство японских мастеров, сохранены традиции, ощущается спокойствие, уединение и гармония с пейзажем.

текст
фото
чертежи
Димитрий Малько

Ключевые слова: японские традиционные сооружения, «ския», «гаки», «тама-гаки», «коран», «ския-кенчикку», «ския-зукури», «Ямато-бари», «Ме-ита-бари», «чиаситсу но хэ».

В Японии мия-дайкку – плотники-строители храмов – считаются аристократами плотницкого дела: они знают, как сохранить полученные от предков знания и технологии. Я жил два года в Японии и работал у мастера мия-дайкку, которого звали Като-Сан. Кроме храмов, компания, в которой я работал, занималась строительством традиционных сооружений, таких как заборы и палисады.

Японская архитектура развивалась под воздействием нескольких важных факторов: во-первых, географическое положение - соседство с могущественной и

процветающей Китайской империей. Во-вторых, влажный умеренный климат, сформировавшийся благодаря течениям Тихого океана. В-третьих, постоянная сейсмическая опасность, и, наконец, длительный период двухвековой изоляции, причиной которой послужила политическая система династии сёгунов. Эти факторы способствовали созданию уникальной архитектуры.

Палисады, стены и ограждения, которые можно встретить по всей стране, отражают индивидуальный характер строительного искусства.

> Рис. 1. Резной деревянный палисад на высоком каменном основании (префектура Ямагата) / A wooden sculpted palisade on a high stone foundation (prefecture of Yamagata)

^ Рис. 2. Деталь угла деревянного палисада / Detail of an angle of the wooden palisade

в Рис. 3. Палисад, окружающий несколько домашних хозяйств «кура», которые использовались для сбора и хранения региональных налогов в период Эдо (префектура Ямагата, XIX век). Палисад также устанавливался на высокой каменной стене над ровом и имел бойницы, расположенные через равные промежутки. Нижняя часть обшита досками, а верхняя покрыта землей. Palisade that surrounds a few "kura", house-keepers who were used for the collection and storage of the region's taxes in the Edo period (Yamagata prefecture – XIX century). Also, the palisade is pitched high on a stone wall above the moat and has regularly placed arrow-slits. The lower part is clad with boards, the upper part is coated with earth

architecture.

This individual art of building filters through the manner of thinking and conceiving the palisades, walls, barriers met throughout the country.

The Japanese culture does not have fences surrounding their houses and compounds as we do in Europe: their domains are enclosed by palisades and high barriers.

We are going to get onto a few types of palisades in different materials that can be seen on the principal island of Japan, the island of Honshu. We will see the palisades in the traditional constructions, and in the "skya" style, the "gaki" (low garden fences), the "tamagaki" (palisades and fences in the religious compounds), the "koran", and to end, the use of stone in the Japanese palisade.

I. Plisades in Traditional Constructions

The Japanese constructions are famous for their fine

execution and the elegance of their forms. The type of architecture imported through the centuries from Korea and China and in the beginning only reserved for religious buildings, has become general and is now also applied to residential constructions: the result is a magnificent style from which here are a few examples.

These traditional palisades are covered with many different material: copper, clay tiles, cypress bark in many layers, and wood. Here we have two examples of roofing with wooden boards, in a type of cladding: the "yamato-bari" type (cladding in the shape of a mountain "yama": scheme 1) and the "me-ita-bari" type (cladding with cover-joints, called "me-ita": scheme 2)

II. The Skya-Kenchikku

The XVIth century (Momoyama era 1568-1614) sees the culture of tea progress in Japan. An important demand for utensils useful for the tea service, and the layout of an architecture in harmony with the ideas conveyed by

В японской культуре, в отличие от европейской, нет заборов, окружающих дома и территорию вокруг них: владения японцев огорожены палисадами или высокими изгородями.

Рассмотрим несколько видов палисадов, выполненных из различных материалов и встречающихся на главном острове Японии – Хонсю. Мы увидим палисады в виде традиционных сооружений и в стиле «ския», «гаки» (низкие садовые ограждения), «тамагаки» (палисады и заборы вокруг религиозных сооружений), «коран» и, наконец, поговорим об использовании камня в японском палисаде.

Традиционные сооружения

Японские сооружения известны своим изящным исполнением и элегантностью форм. Архитектурный стиль, веками заимствованный из Кореи и Китая и изначально применявшийся только для религиозных зданий, стал общепринятым и в настоящее время используется при строительстве жилья. В результате

3

5

4

^ Рис. 4. Старый деревянный палисад эпохи Эдо (город Мики, XIX век) / Old wooden palisade of the Edo era (city of Miki – XIX century)

< Рис. 5. Пример традиционного японского палисада, широко распространенного в Японии / Example of a traditional Japanese palisade which is very common in Japan

this new element appears in the archipelago. The outcome is the apparition of a new construction mode, the "skya-kanchikku" (lit.: skya architecture), with refined lines and a rustic style where divers materials and essences are used (bamboo, cedar bark, liana, etc.). Keen interest of the Japanese high society for this new simple and rustic architecture is explained as a response to the decorative surcharge of the samurai and ruling class dwellings which was the fashion at that era.

The Edo era (1615-1867) saw the Japanese borders closed for two centuries, when Japan was no more influenced by architecture from the exterior. The manner of building of the country evolved to very elaborate forms, in agreement with a humid climate and an unpredictable tectonic. For instance constructions such as tea-houses, sophisticated temples, etc. This "skya-kenchikku", or "skya-zukuri" (lit.: skya-way-of-doing or skya -style) extends to all the classes of the Japanese population.

The "skya-kenchikku" is the architectural style used for the tea-house, called "chiashitsu". A lot of different materials (bamboo, liana, cedar, cedar bark, chestnut wood) are used in various forms to create the most simple and rustic places possible, which the destitution is in harmony with the sumptuous gardens surrounding the "chiashitsu". Around these buildings are erected palisades that define and demarcate this world of calm and serenity. In these enclosures, the same elements as inside the tea-house are implemented.

a) "Chiashitsu no he" (tea-house palisade)

Here is an example of a "he" (lit.: palisade) for a "chiashitsu" situated in the city of Ishinomaki, prefecture of Miyagi, built for a doctor, Mori Sensen. The exterior side is composed of two parts (scheme 4): the lower part is clad with wooden cedar planks on quarter with joint-covers; and the high part is coated with earth. The interior face is clad with cedar bark maintained with chestnut wood half hexagons, nailed with traditional

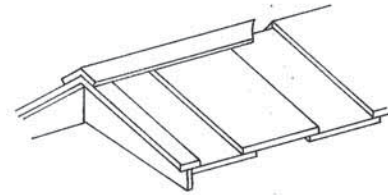

Схема 1: «Ямато-бари» / Schema 1: "Yamato-bari"

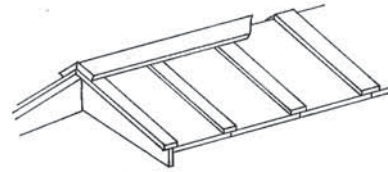

Схема 2: «Ме-ита-бари» / Schema 2: "Me-ita-bari"

Рис. 7. «Мон» (ворота). Эти палисады представляют собой превосходную плотничью работу с утонченными линиями, которые как будто растворяются в саду, расположенном на заднем плане / "Мон" (lit.: gate). These palisades present generally magnificent carpentry works with refined lines that seem to dissolve into the garden situated behind

сложился восхитительный стиль, примеры которого можно увидеть на рис. 1–5.

Традиционные палисады покрываются различным материалом: медной и керамической черепицей, многослойной корой кипариса и деревом. Здесь приведены два примера кровельных элементов для палисады: деревянные доски, уложенные по типу «ямато-бари» (покрытие в форме горы «яма», схема 1) и по типу «ме-ита-бари» (покрытие с использованием накладки на стык «ме-ита», схема 2).

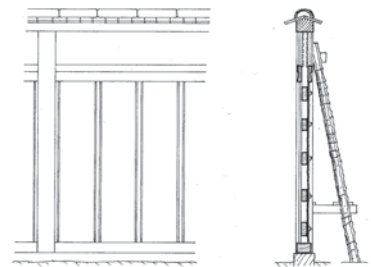

Схема 4. Вертикальный и поперечный разрез палисады / Elevation and cross-cut of the palisade

«Ския-Кенчикку»

XVI век (эпоха Момояма, 1568–1614) стал свидетелем развития чайной культуры в Японии. Страна испытывала потребность в необходимой для чайной церемонии утвари, а также в архитектуре, гармонично сочетающейся с идеями, которые принес с собой этот новый элемент культуры. В результате появляется новый способ строительства – «ския-кенчикку» («ския» – архитектура) с утонченными линиями и применением рустикального стиля. При этом использовались разнообразные материалы: бамбук, кора кедр, лиана и т. д.

Рис. 6. Палисад из древесины каштана и кедр, окружающий дом Мори Сенсей. Вид с улицы, г. Ишиномаки / Chestnut wood and cedar palisade surrounding the house of Mori-Sensen. View from the street – Ishinomaki

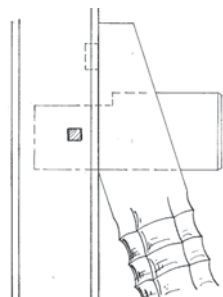
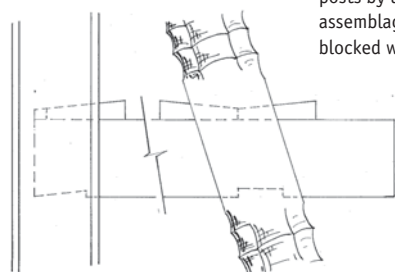

Схема 3. Деталь подпорки, которая называется «хикаэ-басира». Подпорка, вытесанная в форме шестигранника, привязана к главным вертикальным стойкам при помощи замысловатого японского узла под названием «нуки» и закреплена прочными деревянными кольшками / Detail of the brace, called "hikae-bashira". The brace, hewed in the shape of a hexagon, is tied to the structural posts by an ingenious Japanese assemblage called "nuki", and blocked with hard wood pegs.

в Рис. 8. Угол палисада. Из древесины каштана сделаны подпорки палисада, а также некоторые части вертикальной обшивки. Все конструктивные элементы выполнены из японского кедра / Angle of the palisade. Chestnut wood used for the braces that support the palisades, as in some parts for the vertical cladding. All the structural parts are made with Japanese cedar

в Рис. 9. Вид со стороны сада / View from the garden

black smith's hand-made nails. The roofing is composed of clay and copper tiles.

b) "Kuri-lokkake no he" (hexagonal chestnut wooden palisade)

This is a second type of palisade we can see around skya-kenchikku buildings: composed of chestnut wood long hexagonal posts hewed with an adze and assembled together very tight to one another in a cedar structure, the "kuri no lokkake no he" presents a very interesting and rough face.

c) "Yaki ita no he" (palisade with burned board cladding)

A third example of a "skya-kenchikku" palisade: the "yaki ita no he". This palisade was erected around a private parking, which explains the fact that the burned boards were set on the inside face.

In this case, the whole fence is built with one essence, Japanese cedar. On the structure are nailed cedar boards that are tangentially sawn and were previ-

ously burnt on the surface, then brushed. Photographs 13 and 14 present the palisade's construction system that is applied to each of the modules.

d) "Take no he" (bamboo palisade):

An example of a traditional "skya" palisade in Nara, composed entirely of bamboo: unrolled and dried, the bamboo is then nailed on a cedar structure (seen by the posts extending from the top of the palisade). The roofing is composed of clay half circular tiles.

These palisades enclose magnificent gardens, very precise in the conception and in the realisation. From the gate (the "mon") begins a winding beaten path that leads to the tea house, a path which meanders only to certain elements of the garden, on the contrary to the vast spaces created in European gardens.

III. "Gaki" (low fences)

Often the paths in the gardens are lined with a low fence or barriers, called "gaki". Generally made of bamboo and liana or natural ropes, integrating themselves in the

8

9

Живой интерес японского высшего общества к этому новому простому стилю в архитектуре был ответом на модную в то время декоративность, которой были перенасыщены дома самураев и правящего класса.

В эпоху Эдо (1615–1867), когда границы Японии были закрыты на целых два века, страна более не подвергалась влиянию чужеземной архитектуры. При строительстве ориентировались на создание изысканных форм, тщательно продуманных с учетом влажного климата и непредсказуемой тектонической активности. Примером могут служить такие сооружения, как чайные дома, замысловатые храмы и т. д. Подобное строительство «ския-кенчикку» или «ския-зукуруи» («ския» – манера, стиль) было распространено среди всех слоев населения Японии.

«Ския-кенчикку» – архитектурный стиль, используемый для создания чайных домов «чиаситсу».

Множество различных материалов (бамбук, лиана, кедр, кора кедр, древесина каштана) применяются в строительстве самых простых и рустичных чайных домов, скромность которых гармонично сочетается с окружающими их роскошными садами. Вокруг домов возводятся палисады, которые очерчивают границы этого мира спокойствия и безмятежности. Для строительства палисадов используются те же элементы, что и для интерьера чайных домов.

«Чиаситсу но хэ» (палисад чайного дома) – первый тип палисада. Пример палисада «хэ» чайного дома «чиаситсу», построенного для доктора Мори Сенсей в городе Ишиномаки (префектура Мияги), представлен на рис. 6. Внешняя сторона состоит из двух частей (схема 4): нижняя часть обшита досками из древесины кедр, соединенными в четверть с накладкой на стык; верхняя часть покрыта землей. Внутренняя сторона покрыта корой кедр, которую поддерживают полустигматки из древесины каштана, прибитые гвоздями традиционной ручнойковки. Кровельный элемент состоит из керамической и медной черепицы.

Мост возле горы Хагуро / Bridge near the Haguro mountain

landscape, they delimit very clearly the garden from the path. They guide the footsteps of the visitor all the way to the sanctuary or the tea-houses nestled in the tangle of trees and bushes.

The “gaki” are made with the same materials as the garden (bamboo, rope, liana, branches, etc.), with perishable materials, which helps them to dissolve in the environment and helps to gently separate the different spaces. Built according to the heights of the surrounding plants – “transparent” – these fences do not restrict the field of vision, but on the contrary give it more depth.

They permit the transition between the built and the natural: by their gentle forms and regular geometrical patterns, these fences provide the link between the house and the garden and enhance the round forms of the garden.

This “gaki” is composed of bamboo stakes sunk into the ground at regular intervals holding two long horizontal bamboo branches on which are attached with liana the crossbars.

IV. “Tama-gaki”: (palisades and fences in the religious compounds)

The “gaki” are very present in the gardens of the Buddhist and Shintoist compounds. Generally, the close surroundings of the sacred places that hold the altar are enclosed with specific palisades called “tama-gaki”: these delimit the saint of saints, to which most of the time is only accessible to the clergymen. These palisades can be either slatted or opaque.

V. The “Koran”

Traditionally another type of barrier used in religious architecture. The Buddhist and Shintoist temples present

10

«Кури-локкакэ но хэ» (шестигранный палисад из древесины каштана) – второй тип палисада, который можно увидеть вокруг домов в стиле «ския-кенчикку». Он состоит из длинных шестигранных заполняющих элементов из древесины каштана, обработанных теслом и плотным рядом прикрепленных к конструкции из кедра. Привлекает внимание неровная поверхность палисада.

«Яки ита но хэ» (палисад с обшивкой из обожженной доски) – третий пример палисада в стиле «ския-кенчикку». Палисад «яки ита но хэ» возводился вокруг частных парков, что объясняет размещение обожженной доски на его внутренней стороне.

В данном случае все ограждение построено из одного материала – японского кедра. К конструкции прибиты кедровые доски, распиленные тангенциально, предварительно обожженные, а затем брашированные. На рис. 13-15 представлена конструктивная система палисада, применяемая к каждому модулю.

«Такэ но хэ» (бамбуковый палисад) (рис. 16). В качестве примера – палисад в Нара, выполненный в традиционном стиле «ския» с использованием единственного материала – бамбука. Предварительно расщепленный и высушенный бамбук прибивается к кедровому каркасу (наверху палисада остаются видны стойки). Кровельный элемент сделан из керамической полукруглой черепицы.

Таковыми палисадами окружены восхитительные сады, имеющие очень точную концепцию и ее воплощение. От ворот идет извилистая дорожка, которая приводит к чайному дому. Ее изгибы приближаются лишь к некоторым элементам сада, в противоположность европейским садам с их обширными пространствами.

«Гаки» (низкие заборы)

Часто вдоль садовых дорожек возводятся низкие ограждения, которые называются «гаки». Обычно сделанные из бамбука и скрепленные лианой или веревками из природного материала, эти ограждения

11

12

an access balcony all around the building, with a balustrade called “koran”, an architectural particularity imported from Korea in the middle of the VIIth century.

The style of the “koran” was then little by little used for the erection of palisades in religious compounds, or for balustrades on wooden bridges.

IV. The use of stone in Japanese fences and palisades

As seen in the previous photographs, some of these fences and palisades are erected on substantial stone foundations, the wood is therefore no longer in contact with the earth so roots a lot slower.

Sometimes, stone can be used as the principal material for the fence, or as parts of it: these two cases are still very rare.

In conclusion, we can see that wood is used at all the levels of building in Japan. It is an essential material and component of Japanese architecture in a country with immense forest resources. All through Japanese

history, only very few buildings were built in stone. Such as for the smallest constructions, such as tea-houses, or for the most important ones, such as the Daibutsu-den of Tōdai-Ji, the largest wooden building in the world, wood was chosen precisely for its solidity, but also for its beauty and fineness.

The choice of this material has doubtlessly been chosen because of the frequency of the seismic activity in the archipelago, situated on the pacific ring of fire, added to the fact that Japanese stone is improper for constructions, because it is either too hard or too friable. Stone is primarily used only for the foundations, and some rare times for palisades and fences.

We can also remark on the ingenious ways of building by the Japanese carpenters, their sense of aesthetic and sophistication. They can create from an ordinary element such as a palisade or a fence something completely unique that will naturally integrate the surroundings with harmony and smoothness.

13

14

^ Рис. 13. Подвижная часть палисада (вид спереди). Покрытие состоит из обожженных и брашированных кедровых досок / Mobile part of the palisade (front view): the facing is composed of the burnt and brushed cedar boards

^ Рис. 14. Подвижная часть палисада (вид сзади). Конструкция палисада состоит из двух стоек, поддерживающих горизонтальные элементы («нуки»), к которым прибиты доски. Вся конструкция поддерживается двумя подпорками «хикаэ-басира» / Mobile part of the palisade (back view): the structure of the palisade is composed of two posts supporting horizontal elements (“nuki”) on which the boards are nailed. The whole structure is braced with two “hikae-bashira” (brace posts)

> Рис. 15. Подвижные части, установленные в главном палисаде / The mobile parts are in place, set in the main palisade

< Рис. 10. Общий вид «кури-локкаке но хэ» в стадии строительства / Ensemble view of the “kuri-lokkake no he” being built

< Рис. 11. Деталь палисада / Detail of the palisade

< Рис. 12. Обратная сторона палисада выполнена в той же манере, что и предыдущий палисад (кора кедра с подпорками из древесины каштана) / The reverse side of the palisade is done in the same manner as the palisade seen before (cedar bark maintained with chestnut wood)

> Рис. 16: «Такэ но хэ» / “Take no he”

15

16

17

^ Рис. 17. Ворота сада из сливового дерева «байкин мон» в стиле «ския» (город Сэндай, префектура Мияги). С обеих сторон ворот мы видим начало низкого ограждения, состоящего из тонких стеблей бамбука, привязанных к ригелям квадратного сечения при помощи веревки из природного материала / The “baikin mon” (gate of the plum tree) of a “skya” garden (city of Sendan, Miyagi prefecture). On each side of the “mon” we see the beginning of a low fence, composed of thin branches of bamboo on which are tied square brackets with natural rope

18

^ Рис. 18. Пример низкого забора, ограничивающего дорожку к храму (префектура Ямагата). Эта конструкция сделана из бамбуковых стоек, вкопанных в землю на равных интервалах и держащих два длинных горизонтально расположенных бамбуковых стебля, прикрепленных при помощи лианы / Example of a low fence delimiting the access path to a temple (Yamagata prefecture). This “gaki” is composed of bamboo stakes sunk into the ground at regular intervals holding two long horizontal bamboo branches on which are attached with liana the crossbars

v Рис. 19. Бамбуковый забор у подножия ворот Карамон (национальное достояние, г. Нагахама, 1603 год). Забор состоит из связанных друг с другом стеблей бамбука / Bamboo fence at the foot of the Karamon (national treasure – Nagahama city - 1603). The fence is composed of a tied together bamboo structure

составляют с ландшафтом единое целое и проводят четкую границу между садом и дорожкой. Всю дорогу они ведут посетителей по направлению к храму или чайному дому, укрытому в зарослях деревьев или кустарников.

«Гаки» сделаны из того же материала, что и сад (бамбук, веревка, лиана, ветки и т. д.). Эти естественные материалы позволяют ограждению растворяться в окружающем пространстве и при этом ненавязчиво разделять различные участки. Согласно с высотой окружающих растений, ограждения нисколько не сужают поле зрения, а, напротив, его расширяют.

Они образуют переход от построенного руками человека к природному. Благодаря своим мягким формам и правильному геометрическому рисунку эти ограждения образуют связь между домом и садом и подчеркивают округлые формы последнего.

«Тама-гаки» (палисады и заборы, окружающие территории храмов)

«Гаки» часто присутствуют в садах буддистских и синтоистских храмов. Обычно закрытая территория вокруг священных мест, где находится алтарь, огорожена особым типом палисадов, который называется «тама-гаки». Таким образом огораживается святая святых, доступ к которой большую часть времени имеют только духовные лица. Эти палисады могут иметь просветы или быть глухими.

v Рис. 21. Заборы в традиционном японском саду (префектура Нага) / Fences in a traditional Japanese garden (Nara prefecture)

19

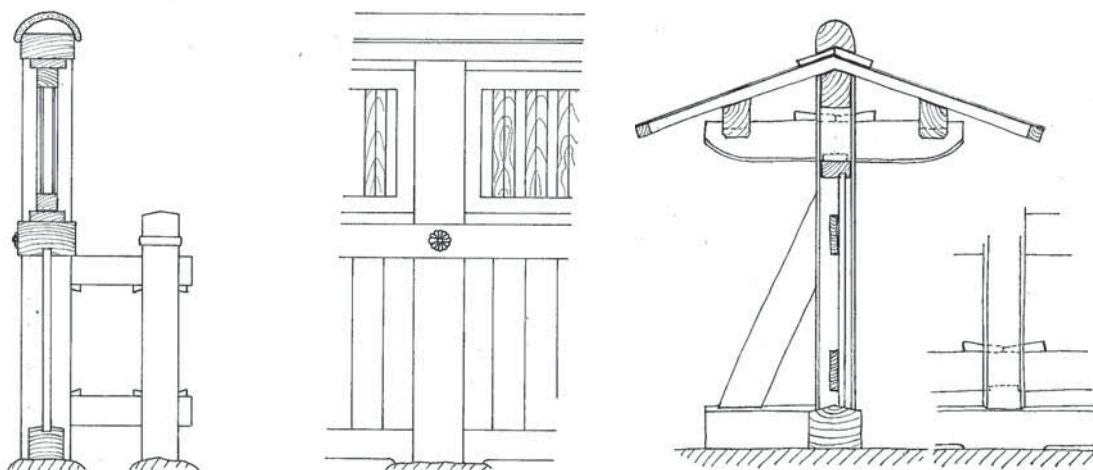

20

21

^ Схема 5. Фронтальная проекция и поперечный разрез палисада «тама-гаки», окружающего территорию буддистского храма (средневековый стиль, префектура Ниигата, город Ватари). Забор полностью построен из «хибы» (вид кипариса, растущего в Японии). Нижняя часть обшита вертикальными желобчатыми досками, а верхняя часть покрыта шестигранными планками. В качестве кровельного материала использована полукруглая керамическая черепица / Front view and cross-cut of a “tama-gaki” surrounding a Buddhist compound in the middle age style (Niigata prefecture – Watari city). The fence is entirely built in “hiba” (a type of cypress wood growing in Japan). The lower part is clad with grooved vertical boards, the upper part is slatted with hexagonal cross-bars. The roofing is composed of clay semi circular tiles

↳ Рис. 20. Забор с геометрическим рисунком в саду, окружающем храм Дзенко-дзи (национальное достояние, г. Нагано, 1707 год). Несущая конструкция сделана из круглого бамбука. Рейки, образующие рисунок, также из бамбука, но расщепленного на небольшие дощечки и связанного при помощи лианы / Fence with a geometric pattern in the gardens around the temple of Zenkō-Ji (national treasure – city of Nagano – 1707). The main structure is made of round bamboo. The crossbars forming the pattern are also in bamboo, but split in small boards and attached with liana

> Рис. 22. Палисад «тама-гаки» синтоистского храма Намура-Дзиндзя (национальное достояние, г. Руйо, 1308 год). В данном случае вход на территорию, обозначенную забором, доступен только духовным лицам / “Tama-gaki” of the Shintoist temple of Namura-Jinja (national treasure - city of Ryuō – 1308). In this present case, only the clergymen can enter the area marked by the fence

v Рис. 23. То же самое сооружение. Вид «тама-гаки», поддерживаемого подпорками изнутри / Same place. View of the “tama-gaki” from the inside bolstered by the posts

23

22

< Схема 6. Поперечный разрез традиционного забора, окружающего территорию буддистского храма (средневековый стиль, префектура Ямагата, город Тендо). «Хикаэ-басира» – это диагональная подпорка, которая держит большой крытый палисад «тама-гаки». Палисад обшит вертикальными досками, а для крыши использована медная черепица / Cross-cut of a traditional fence surrounding a Buddhist compound in the middle age style (Yamagata prefecture – Tendō city). The “hikae-bashira” is a diagonal brace holding a large roofed “tama-gaki”. The fence is clad with vertical boards, and covered with cooper tiles

↳ Рис. 24. «Каку-гоши тама-гаки» синтоистского храма Касуга-Дзиндзя (национальное достояние, г. Нара, 1308 год). Забор интересен тем, что каждый модуль состоит из тонкой решетчатой конструкции, выкрашенной в зеленый цвет и заключенной внутри красной рамы / “Kaku-goshi tama-gaki” of the Shintoist temple of Kasuga-Jinja (national treasure – city of Nara – 1308).

This fence is interesting because it is unusual in that each module is composed of a thin latticed structure painted in green in a red frame

24

↳ Рис. 25. Пример «какутама-гаки» – забора, окружающего синтоистский храм Осаки Хачиман Дзиндзя (национальное достояние, г. Сендай, 1607 год). Забор, полностью выполненный из древесины дерева «хиба», представляет собой каркасную конструкцию, которая в свою очередь включает деревянный каркас с поперечными планками / Example of a “kaku-tama-gaki”: surrounding fence of the Shintoist temple of Osaki Hachiman Jinja (national treasure - city of Sendai – 1607). The fence, entirely made out of “hiba” wood, is a structure composed of posts and beams, which in turn enclose wooden frames with crossbars

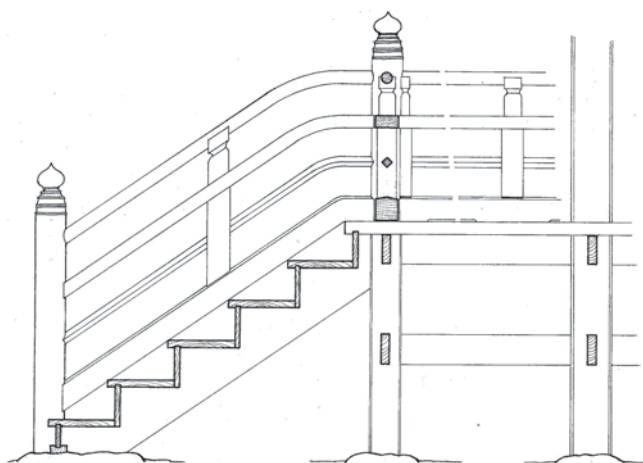

> Рис. 26. Синтоистский храм комплекса Хиёси-Тайся (национальное достояние, середина XVI века, г. Оцу). «Коран» покрыт красным лаком и украшен золотыми элементами / A Shintoist temple of the compound of Hiyoshi Taisha (national treasure – mid XVIth century – city of Otsu). The “koran”, lacquered in red, is enhanced with golden parts

26

> Схема 7. «Коран» буддистского храма региона Ямагата / “Koran” of a Buddhist temple of the region of Yamagata

v Рис. 27. Пример каменной «хиказ-басира» в синтоистском комплексе Тосё-Гу (середина XVII века) / Example of stone “hikae-bashira” in the Shintoist compound of the Tōshō-Gū (mid XVIIth century)

v Рис. 28. Некоторые ограждения и заборы могли быть полностью из камня, например этот «иси но тама-гаки», возведенный вокруг шестиугольной пагоды храма Энряку-Дзи (национальное достояние, XIV век) / Some barriers and fences can be erected entirely in stone, such as this “ishi no tama-gaki” around the hexagonal pagoda of Anraku-Ji (national treasure – XIVth century)

«Коран»

«Коран» – другой традиционный тип ограждения, применяемый в храмовой архитектуре. Буддистские и синтоистские храмы вокруг всего здания имеют смотровую площадку – балкон с балюстрадой, которая называется «коран». Эта архитектурная особенность была привезена из Кореи в середине VII века.

Стиль «коран» постепенно стал использоваться при возведении палисадов вокруг храмовых территорий, а также для строительства балюстрад на деревянных мостах.

Использование камня при строительстве японских заборов и палисадов

Некоторые из заборов и палисадов возводились на прочных каменных основаниях, и дерево уже не контактировало с землей. Иногда камень использовался как главный материал для забора, а иногда для строительства его отдельных частей; и то, и другое по-прежнему редко встречается.

Дерево используется на всех уровнях строительства в Японии. Это основной материал и важная составля-

ющая архитектуры страны, обладающей богатыми лесными ресурсами. За всю историю Японии из камня было построено крайне мало зданий. При строительстве небольших сооружений, таких как чайные дома, или важнейших зданий, как, например, самое большое деревянное здание в мире – Дайбуцуден храмового комплекса Тодайдзи, в первую очередь ценились прочность, красота и изящество.

Несомненно, на выбор в пользу этого материала повлияла повышенная сейсмическая активность на островах, расположенных в Тихоокеанском огненном кольце, а также то, что японский камень непригоден для строительства, поскольку он либо слишком тверд, либо слишком ломок. Камень главным образом использовался для фундаментов, а в редких случаях – для строительства палисадов и заборов.

Глядя на искусные работы японских плотников, нельзя не отметить их утонченный эстетический вкус. Из простого палисада или забора они могут создать нечто абсолютно уникальное, плавно и гармонично переходящее в окружающее пространство.

27

28

объект номера / object of the issue

Дом Адриана Балари в Тимишоаре / Adrian Bălărie House, Timișoara

project

A.B. House

location

Timisoara, Romania

year of construction

2006-2013

surface

cca 300 sq.m.

architects

Andreescu&Gaivoronschi

author

Vlad Gaivoronschi

project team

Alexandru Malaescu

Dan Damian

Andreea Simici

structural engineering

Micsa Gherasim

interior design, landscaping

Alexandru Malaescu

The plot where this house was built in the last years, is in a residential area in the north of the city. It is not a typical plot, it was a big piece of land which was parceled in the nineties.

Like all other houses, this one also keeps the alignment to the street. Nearby, on the left, there is another house which I designed 13 years ago, and this one is in a way a replica because it develops the same idea of a „house on a house“. It has to do with a social phenomena typical also for Italy and Greece, that young members of the family remain to live with the parents and, in a traditional way, young families coexist with old ones. This coexistence was sincerely expressed in both cases: the „young house“

on the „old one“.

Wood means young, fresh, stone has to do with root, long time... Houses of wood on bigger houses in stone.

More than that, this juxtaposition has to do with a public/private dialectics. Stone solid walls „defend“ and close a little the private area. In B l rie house, this character of fence house is equilibrated by the subtraction of a typical traditional „grey“ space of public/private interaction at the entrance. There is also a ramp which is for the pedestrians to enter the house. It is parallel to the fence and in the future will be covered by green. Behind the house, the theme of intermediary is also important. It is represented by the patio and the

covered terrace, „the outside eating room“.

The entire plot containing a pool also is a quiet landscape which you see from the inside and it is unified by the wooden fence as a dominant horizontal element.

Inside the house, because of the coexistence of two generations, but also because of other elements of the clients brief, there is a two direction typology:

- the horizontal one, of the parents area, which embraces also the patio;
- the vertical one which juxtaposes the spaces of the „two houses“. This juxtaposition is happening on the living room area, where a typical „raum-plan“ pattern is developed,

текст

Влад Гайворонски

Территория, где недавно был построен этот дом, принадлежит жилому району северной части города. Раньше это был большой участок земли, который разделили в 1990-е.

Как и другие дома, данное здание расположено по одной линии с улицей. Рядом находится еще один дом, который я проектировал 13 лет назад. Новый в некотором роде повторяет своего предшественника, поскольку развивает ту же идею «дома на доме»: «молодой дом» располагается над «старым». Это связано с таким социальным явлением, свойственным также Италии и Греции, когда дети

остаются жить с родителями, и молодые семьи и семьи со стажем живут вместе.

Дерево олицетворяет молодость и свежесть, камень – корни и время... Деревянные дома стоят на каменных домах большего размера. Кроме того, это противопоставление соотносится с диалектикой общественного и частного. Прочные каменные стены «защищают» и в некотором роде закрывают частную территорию. У входа в дом Балари этот характер дома-ограждения уравнивается выделением традиционного «серого» пространства взаимодействия обще-

ственного с частным. Для пешеходов, входящих в дом, имеется пандус. Он идет параллельно забору и в будущем будет покрашен в зеленый цвет. Тема промежуточного звена играет важную роль и за домом. Она представлена патио и крытой террасой – наружной столовой.

Вся территория, отведенная под бассейн, также представляет собой спокойный ландшафт, видимый из дома. Он окружен деревянным забором – доминирующим горизонтальным элементом.

Внутри дома, ввиду совместного проживания двух поколений, а также

место

Тимишоара, Румыния

исполнитель

«Андрееску и Гайворонски»

автор

Влад Гайворонски

авторский коллектив

Александру Малаеску

Дан Дамиан

Андреа Симици

инженер-конструктор

Микса Герасим

дизайн интерьеров и

ландшафта: Александру

Малаеску

строительство

2006–2013 гг.

площадь

около 300 кв. м

with intercalated levels and oblique views.

The living room is developed as a “theatre”, you can observe it from different levels. There is also a more private part, at the first floor, like the “women’s room” in traditional oriental dwellings, a space from where you can observe but you are not observed. There is “an interior wooden fence” of aligned vertical elements which are closing/opening this relation.

It is a space for a future library, a space for smoking, etc.

The apartment contained in the wooden house from above is enough also for a young couple. The inside/outside relation is also developed here, without dismantling the

unity of the box: an intermediary space to the south behind wooden louvres, a thin balcony to the west, to observe the atrio and the dawn and a vertical incision to the east, to direct the rising sun....

A separate outdoor entrance to this box wooden house is also possible, but not now yet.

There are also green elements – cooling with wooden waiste or the sun panels on the roof.

согласно пожеланиям заказчика, присутствует типология двух направлений – горизонтального (территория родителей, которая включает также и патио) и вертикального. Здесь размещены по соседству пространства «двух домов». Это сопоставление существует в пространстве гостиной, где разработан типовой план комнаты с промежуточными уровнями и видом наклонных плоскостей.

Гостиная представлена в виде «театра», который видно с разных уровней. Имеется также более уединенная зона на первом этаже, похо-

жая на дамскую комнату в традиционных восточных домах. Из этой зоны вы можете многое увидеть, оставаясь невидимым для чужого взгляда.

Внутреннее деревянное ограждение состоит из выстроенных в ряд вертикальных элементов, благодаря которым «закрывается или открывается» связь внутреннего пространства с внешним. Это место для будущей библиотеки, курения и т. д.

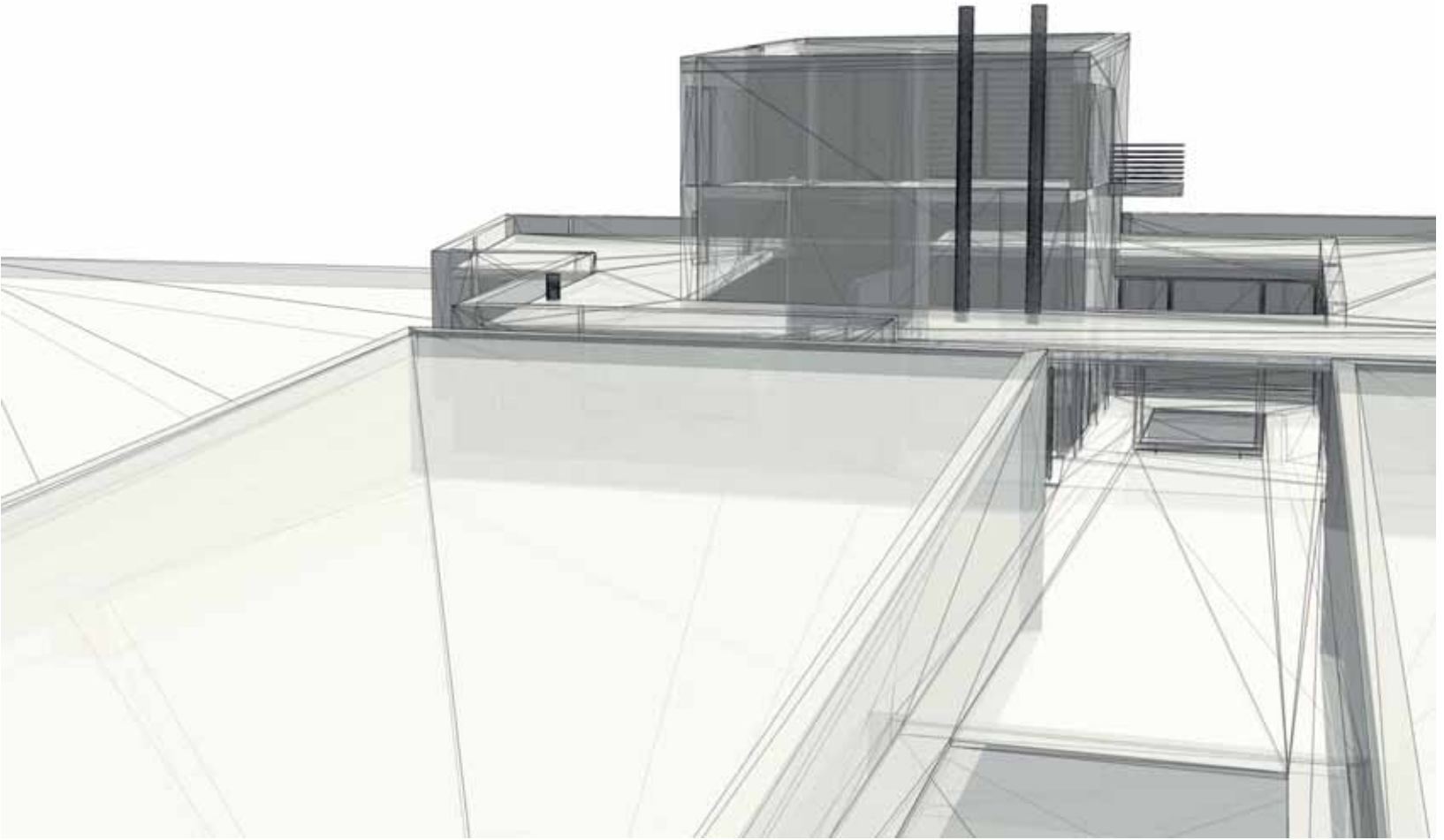
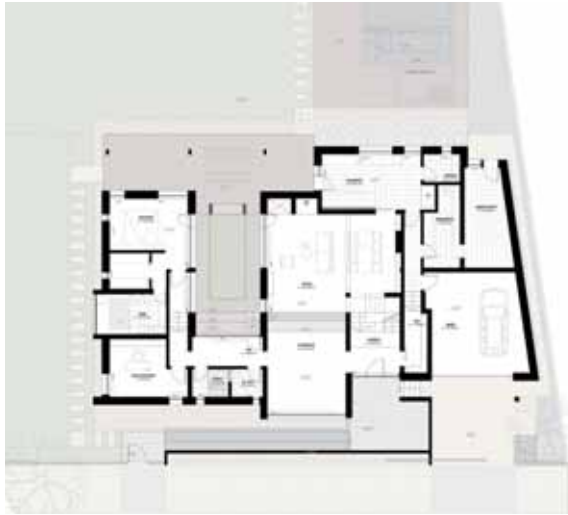
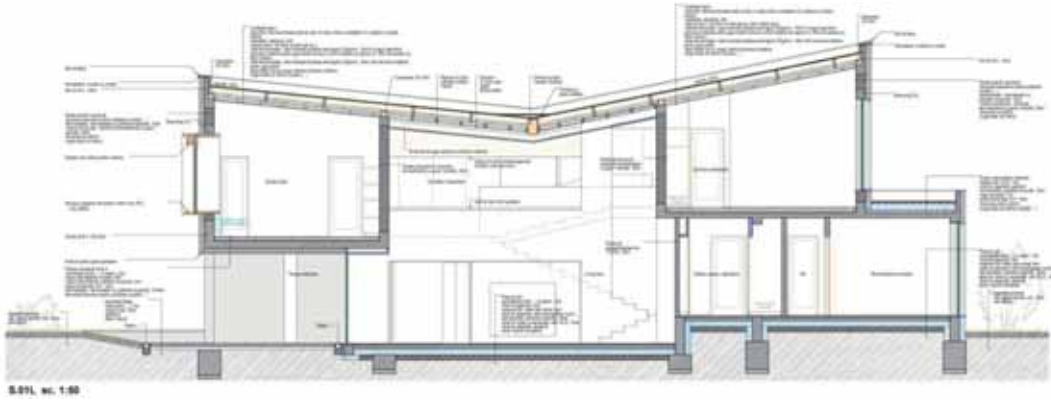
В квартире, которая находится в верхнем деревянном доме, может разместиться молодая семейная пара. Здесь также видна связь внутреннего

и внешнего, при этом целостность дома не нарушается: на юге, за деревянными жалюзи, – промежуточное пространство; на западе – изящный балкон, с которого можно любоваться видом; на востоке – вертикальное окно для наблюдения за восходом солнца...

Отдельного входа в деревянный дом пока нет, но в будущем он возможен.

Примерами зеленой архитектуры служат кондиционер, работающий на отходах древесины, и солнечные батареи на крыше.

THE CLIENT'S OPINION

Until now we did not move into the new house. What I already consider as negative aspects are those concerning the inner court; the wind is blowing from north and there is a chimney effect which is o.k. only in summer. It is a problem to stay on the covered terrace in another season. There is a problem with the maintenance of this patio during winter, we had snow at a high level there.

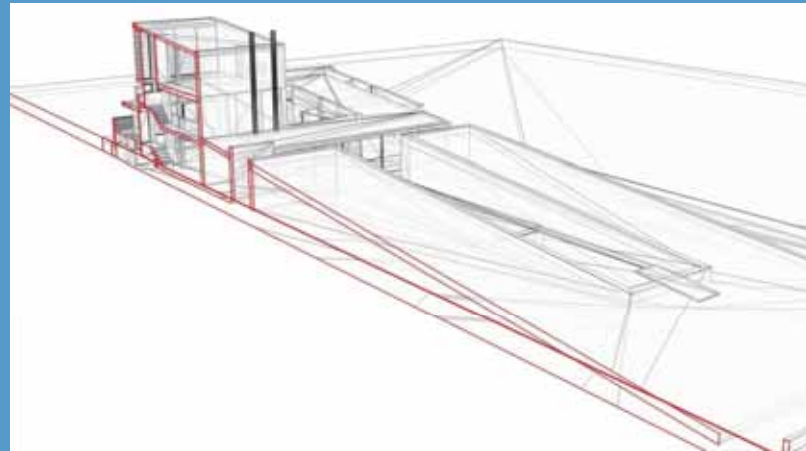
As positive aspects I can mention:
– the practical access from the gara-

ge to the kitchen and technical rooms;

– a very good separation of the “night area” from the “daily one”, without being isolated by those in the living room. Simply holding the louvers and you have the feeling you are there. In this situation the patio is very good;

– our boy’s area is well separated from the rest of the house;

– I like very much the house from an aesthetical point of view. It looks very nice with all artificial lights during the night.

КОММЕНТАРИЙ ЗАКАЗЧИКА

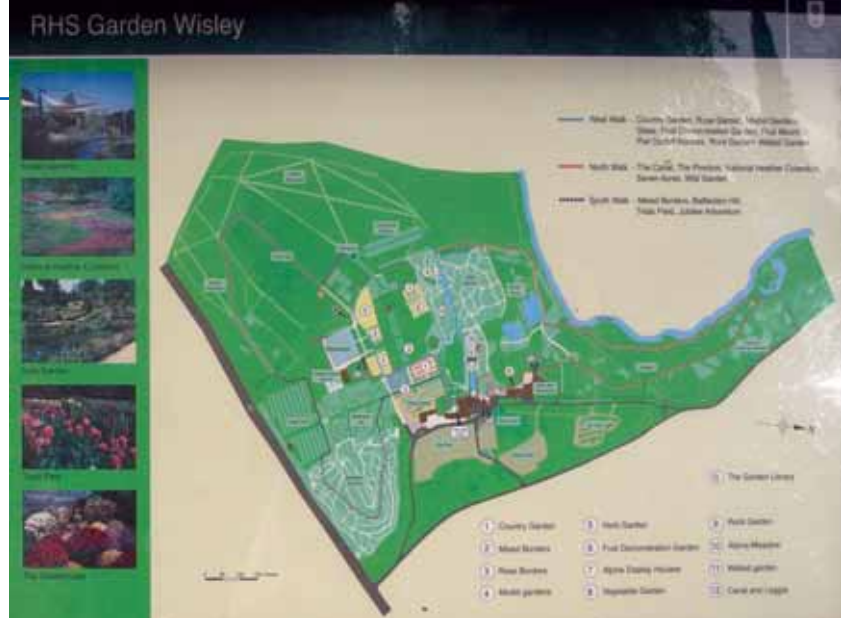
В настоящее время мы еще не переехали в новый дом. Если говорить о негативных аспектах, я считаю, они связаны с внутренним двором. С севера дует ветер, образуя эффект «трубы», который не доставляет покоя разве что только летом. В другое время года на крытой террасе находиться проблематично. Уход за патио зимой тоже доставляет немало хлопот: здесь образуется высокий слой снега.

Из достоинств дома я бы отметил удобный доступ из гаража на кухню и в технические комнаты; разделение «ночной» и «дневной» зон, при этом нет изоляции от людей, находящихся в гостиной. Эффект присутствия достигается, когда открываешь жалюзи. В этом смысле патио очень удобен. Хорошо, что территория сына обособлена от остального дома. Также мне очень нравится дом с эстетической точки зрения. Искусственное освещение ночью придает ему привлекательный вид.

Адриан Балари / Adrian Balarie
заказчик / client

Ошибки Визли

^ Рис. 1. Главный вход
упирается в зеленую стену

^ План садов Визли

> Рис. 5

> Рис. 3. Скульптура
слишком мала для завер-
шения огромной аллеи

v Рис. 2. Огромная аллея

Англичане помешаны на садах. Весь Лондон – это сплошная коллекция парков, садов, садиков и малюсеньких садочков. То, что у нас иногда показывают по ТВ как каменные джунгли, – это мизерная часть британской столицы. На самом деле Лондон занимает в два раза большую площадь, чем Москва, при вдвое меньшем количестве населения. Это потому, что он весь малоэтажный и зеленый. Посмотрите в GOOGL на Лондон: он весь в парках. И построить что-то в

парке никто и никогда не разрешит.

И я не знаю, есть ли еще где-то в мире вот такой парк – принадлежащий какому-нибудь Королевскому садовому обществу. А сады Визли именно так и именуются. В это общество входит сама английская королева. И вы при желании туда можете войти, если заплатите соответствующий взнос. Но мы, например, узнав о размере этого взноса, решили, что обойдемся без членства, хотя сады Визли считаются крупной школой для

ландшафтников. Учиться туда, говорят, съезжаются из многих стран света. И работают там не просто даром, а еще и сами платят за такую возможность. Вот и мы приехали в эти сады посмотреть и поучиться чему-нибудь.

Сады занимают сейчас, по разным источникам, от 75 до 100 га. Были основаны в 1878 году Дж. Ф. Уилсоном как экспериментальный лесной сад. Уилсон был другом Гертруды Джекилл, а садоводство было его

4

6

^ Рис. 4. Роскошная лестница ведет...

^ Рис. 6. Скамья отворачивается от...

хобби. В 1903 году другой их владелец, сэр Томас Ханбури, передал сады Королевскому садовому обществу в качестве экспериментального сада для всесторонних научных и практических опытов. Что там и осуществляется, похоже, по сей день.

Но все же это скорее парк, чем сад. Ведь по нашим определениям в саду должно доминировать здание, а в парке – растения. А в Визли доминируют именно они. Да и трудно господствовать зданию на такой площади. Но что отличает его от парка – так это

отсутствие общего замысла. И вот это очень хорошо там прочитывается профессиональным архитектором.

Центральный вход упирается, пусть и в зеленую, но все же – стену (рис. 1). Огромнейшая аллея (рис. 2) ведет к слишком мелкой скульптуре (рис. 3) и от нее роскошной лестницей (рис. 4) спускается к техническим территориям (рис. 5). Иногда кусты загораживают прекрасный вид, а скамья, которая могла бы быть обращена на него, повернута к ней спинкой (рис 6, 7).

Великолепные зеленые арки закан-

5

3

- > Рис. 8. Арка в зелени упирается в следующую стену
- v Рис. 9. Мост никуда не ведет
- v Рис. 7. Прекрасный вид
- > Рис. 10. Регулярный пруд упирается в боковую часть здания
- > Рис. 11. Лесницы рокария наверху упираются в забор

8

9

чиваются ничем. Они сделаны просто так, сами для себя, а не для какого-то вида (рис. 8). А красивый мост через ручей не имеет продолжения в виде дорожки (рис. 9). Прямоугольный пруд, так хорошо смотрящийся на экране ТВ, имеет в перспективе боковую часть фасада здания (рис. 10). И очевидно, что сделано это совершенно случайно. Великолепный, огромный, самый большой в Европе, а может, и в мире, рокарий ведет свои каменные ступени к забору на верши-

не холма (рис. 11).

Создавалось такое ощущение, что королевские садоводы видят мир фрагментами, не замечая целого. Возможно, если бы там поработал грамотный архитектор-планировщик, он бы смог исправить все эти ошибки. Но в нем, видимо, не нуждаются.

И действительно, отдельные ландшафтные композиции и сами растения настолько хороши, что притягивают к себе основное внимание зрителей и удивительно сглаживают недостатки

7

плана. Так что и без него Визли посещают более 750 человек в год. И скорее всего, никто из них не замечает того, что заметили мы, профессионалы. И сколько бы я ни описывала ошибки в планировке парка Визли, а спросите меня, хотела бы я побывать там снова, и я немедленно отвечу: да.

**текст и фото
Ольга Смирнова**

Проект развития территории рабочего поселка Листвянка на Байкале

заказчик
Администрация
Листвянского муниципаль-
ного образования

проектирование
2011

авторский коллектив

Е. В. Протасова
О. А. Собенникова
Л. М. Самосват
Н. В. Смирнов

при участии

С. Б. Демков
В. О. Васильев
О. Ю. Куцакова
В. А. Бардунаева

Необходимость разработки генерального плана с проектом планировки продиктована не только требованиями федерального законодательства, но и потребностью в грамотном подходе к планированию такой уникальной территории и управлению ею. Заказчиком были сформулированы требования по выполнению проекта в трех основных направлениях: научно-исследовательская работа, разработка генерального плана поселения и проект планировки прибрежной территории п. Листвянка.

Пространственная организация территории с учетом профиля поселка предусматривает расселение населения в долинах неболь-

ших рек, а основное размещение жилого фонда – в пади Крестовой. Прибрежная территория планируется как рекреационная зона в составе четырех основных комплексов, увязанных в единую пространственную модель, которая основывается на взаимосвязи существующих и планируемых элементов посредством создания основных автомобильных, водных, велосипедных и пешеходных путей, общественных озелененных пространств, зон пассивного и активного отдыха. Общая архитектурно-планировочная организация территории решает, помимо экономических, также градостроительные и эстетические задачи.

Заказчиком определено условие – максимальный выход к озеру Байкал, что позволяет решить прежде всего территориальную проблему и предполагает возможность формирования полноценной прибрежной территории, привлекательной для инвестиций в объекты туристской инфраструктуры, а также интересной для отдыхающих и туристов.

Особое место среди формируемых комплексов занимают общепоселковый и комплекс, размещаемый в районе существующего причала. В архитектурно-планировочной организации территории им придается большое значение как центральным.

Общепоселковый центр, предназначенный в основном для обслуживания постоянного населения, планируется разместить в Крестовой пади. Проектом предусмотрены административные, культурно-зрелищные объекты и объекты обслуживания.

Комплекс, формируемый в районе существующего причала, надеется общественно-деловыми и рекреационными функциями. В соответствии с объемно-планировочным решением предусмотрено возведение здесь гостиниц средней этажности с объектами отдыха и развлечений на первых этажах,

многоуровневых паркингов, объектов торговли.

Предусмотрены реконструкция существующих причалов, использование территории в качестве пассажирского порта для приема судов различной вместимости и организация причала парома.

Этот комплекс функционально задуман как распределительный. Отсюда можно будет уехать в Иркутск водным путем или по автодороге. Водным путем можно отправиться и в другие привлекательные места на Байкале.

Комплексы увязаны между собой широким бульваром, проектируе-

мым вдоль берега Байкала, с различного рода площадками для игр и отдыха, аттракционами для разного времени года.

Существующий узкий и необустроенный природный пляж предлагается реконструировать, расширив территорию за счет водной акватории, с насыпкой галечника и песка.

Самый широкий и пологий участок, бывшая судоверфь им. Ярославского, подвергается коренной реконструкции, здесь планируется размещение объектов отдыха и туризма с высоким уровнем обслуживания.

Ольга Собенникова

Россия, 664007, г. Иркутск,
ул. Декабрьских Событий,
88
Тел: (3952) 26-10-09,
факс: 20-86-16
E-mail: office@igdn.ru
www.irkutskgiprodor.ru

Аппенцеллер, Маркус

архитектор, градостроитель, преподаватель Дельфтского технического университета, Королевской академии изящных искусств Копенгагена, Гданьского технического университета, Санкт-Петербургского государственного университета (Нидерланды)

Бражникова Инесса Борисовна

ведущий редактор журнала «География и природные ресурсы» Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

Ведерникова Анна

архитектор, ассистент 14-й сессии Зимнего университета (Иркутск)

Гайворонски, Влад

кандидат архитектуры, доктор философских наук, преподаватель архитектурного факультета Технического университета г. Тимишоары, совладелец компании Andreescu & Gaivoronschi, президент O. A. R. Timis Румынского ордена архитекторов (Румыния)

Григорьева Елена Ивановна

архитектор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, вице-президент Союза архитекторов России, лауреат Государственной премии Российской Федерации

Захарчук Марина Геннадьевна

доцент кафедры дизайна Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Калихман Аркадий Давидович

научный руководитель магистерских программ, профессор кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Клевакин Александр Николаевич

кандидат архитектуры, доцент Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии

Козьмин Алексей Павлович

эксперт по региональному развитию, советник мэра ЗАТО Северск Томской области

Кулеш Дарья Леонидовна

студентка Института архитектуры и строительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Лидин Константин Львович

кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного института путей сообщения

Малько, Димитрий

преподаватель Национальной ассоциации профессионального образования Франции Compagnons du Devoir (Гильдия мастеров Франции)

Потапова Анастасия Васильевна

магистр архитектуры, аспирантка Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, Технического университета Дрездена (Иркутск)

Раппапорт Александр Гербертович

кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Московского союза архитекторов, член Союза дизайнеров, обозреватель интернет-журнала «Архитектор» сайта МСА, член Международной ассоциации архитектурных критиков

Севан Ольга Георгиевна

кандидат архитектуры, начальник отдела социокультурного развития регионов Российского института культурологии, президент Российского комитета ЕКОВАСТ, член ИКОМОС (Москва)

Смирнова Ольга Федоровна

главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды», член Союза архитекторов России (Красноярск)

Собенникова Ольга

главный архитектор проектов ОАО «Иркутскгипродорнии»

Ткачева Марина Львовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Токарев Никита Владимирович

– архитектор, директор Московской архитектурной школы (МАРШ)

Фридрих, Катя

архитектор, кандидат архитектуры (Дрезден, Германия)

Ховен, Фрэнк ван дер

доктор философских наук, доцент, директор по науке факультета архитектуры и строительства Дельфтского технического университета (Нидерланды)

Хохрин Евгений Викторович

заведующий кафедрой архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Энгель, Барбара

доктор технических наук, руководитель Отдела планирования центра г. Дрездена (Германия)

Ямова Евгения

архитектор, заместитель директора Зимнего университета (Иркутск)

Markus Appenzeller

architect and urban planner, lecturer at the Berlage Institute, Rotterdam (now Technical University Delft), the Royal Academy of Arts, Copenhagen, the Technical University Gdansk and the State University St. Petersburg (Netherlands)

Inessa Brazhnikova

managing editor of the journal "Geography and Natural Resources" of V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS (Irkutsk)

Anna Vedernikova

architect, assistant of the 14th session of Winter University (Irkutsk)

Vlad Gaivoronschi

architect, president of O.A.R.Timis - Romanian Order of Architects, lecturer, ph.d., Architecture Faculty, Timisoara Technical University, associate at ANDREESCU & GAIVORONTSCHI srl (Romania)

Elena Grigoryeva

architect, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), vice-president of the Union of Architects of Russia, laureate of the Russian Federation State Prize

Marina Zakharchuk

Ass. Professor of the Department of Design at Institute of Fine Arts, Humanities and Social Studies of National Research Irkutsk State Technical University

Arkady Kalikhman

scientific director of Master's programmes, professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University

Alexander Klevakin

Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts

Alexei Kozmin

expert on regional development, Mayor's adviser of Seversk Closed Administrative Territorial Entity (Tomsk region)

Darya Kulesh

student of Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University

Konstantin Lidin

Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Dimitri Malko

Carpentry Tutor (Association Ouvrière des Compagnons du Devoir et du Tour de France)

Anastasia Potapova

Master of Architecture, postgraduate at National Research Irkutsk State Technical University and Dresden University of Technology (Irkutsk)

Alexander Rappaport

Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia, observer of the UMA Internet-magazine "Architector", member of the International Association of Architecture Critics

Olga Sevan

Ph.D. in Architecture, head of the department of social and cultural development of regions of the Russian Institute of Culturalology, president of the Russian Committee ECOVAST, member of the ICOMOS (Moscow)

Olga Smirnova

the chief architect of Semiramida Gardens Landscape Company, member of the Union of Architects of Russia (Krasnoyarsk)

Olga Sobennikova

architect as project manager, OJSC Irkutskgiprodornii

Marina Tkacheva

Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Nikita Tokarev

architect, director of Moscow Architectural School MARCH

Katja Friedrich

architect, Doctor of Engineering (Dresden)

Frank van der Hoeven

Ph.D., Associate Professor Urban Design and Director of Research at the Faculty of Architecture and the Built Environment at the Delft University of Technology (TU Delft) (Netherlands)

Evgeny Khokhrin

head of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University

Barbara Engel

Doctor of Engineering, Head of Planning Department Inner City, Dresden (Germany)

Evgenia Yamova

architect, deputy director of Winter University (Irkutsk)

www.projectbaikal.com